55 - 4 - 35

ВИЗАНТІЙСКІЙ ПАПА.

Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи.

Н. СУВОРОВА,

профессора церковнаго права въ Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1902.

„Пров 38"

Изъ Ученыхъ Записокъ Императорскаго Московскаго Университета.
Отдѣлъ Юридическаго факультета.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
137
30

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Константинопольскій патріархъ Михаилъ Керуларій (Κηρουλάριος) извѣстенъ въ исторіи, во-первыхъ, своими мѣропріятіями противъ Рима, завершившими тотъ церковный разрывъ между востокомъ и западомъ, который подготовлялся еще задолго до патріарха Фотія и при Фотіѣ выяснился съ достаточною отчетливостію, но до половины XI в. практически не былъ проведенъ и иногда даже совсѣмъ забывался, во-вторыхъ, своими попытками подчинить себѣ императорскую власть и поставить патріарха новаго Рима приблизительно въ то же положеніе, какое создалось для епископа стараго Рима на западѣ. Правильное пониманіе всего вообще образа дѣйствій Керуларія, равно какъ хода историческихъ событій начала второй половины XI в., невозможно, если имѣть въ виду только столкновеніе этого патріарха съ Римомъ, оставляя въ сторонѣ его отношенія къ императорской власти и въ особенности его конфликтъ съ Исаакомъ Комненомъ, и, наоборотъ, если имѣть въ виду единственно эту церковно-политическую сторону дѣятельности Керуларія, оставляя въ сторонѣ его образъ дѣйствій по отношенію къ Риму. Только изученіе всей вообще дѣятельности Михаила Керуларія можетъ привести къ выясненію исторически—вѣрнаго образа этого, не имѣвшаго себѣ подобныхъ, константинопольскаго патріарха, высокомѣрный нравъ котораго, по выраженію Рамбо, столько же, сколько и гордость римскихъ первосвященниковъ, содѣйствовалъ церковному разрыву, и который, какъ кажется, покушался сдѣлать то, что сдѣлалъ Григорій VII на западѣ, возбуждая конфликтъ между sacerdotium и imperium, стремясь основать, въ виду латинской теократіи, нѣчто въ родѣ теократіи греческой (Rambaud въ Revue historique, 1877, № 3). Одинъ и тотъ же человѣкъ дѣйствовалъ и въ столкно-

веніи съ Римомъ, и въ столкновеніи съ императорскою властію. Между тѣмъ въ литературѣ до сихъ поръ мало обращалось вниманія на эту взаимную связь обоихъ моментовъ. Не говоря о Димитракопуло, который въ своей Ἱστορία τοῦ σχίσματος τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας ἀπὸ τῆς ὀρθοδόξου ἑλληνικῆς (1867), пишетъ нѣчто не совсѣмъ похожее на дѣйствительную исторію, даже такіе ученые, какъ Вилль, Гергенретеръ, Пихлеръ, Неандеръ, Гефеле и даже Гфререръ, оставляютъ въ тѣни церковно-политическую сторону дѣятельности Керуларія. Изъ русскихъ ученыхъ г. Скабалановичъ имѣлъ случай выяснить цѣльную личность этого патріарха, такъ какъ въ своей статьѣ: «Разделеніе церквей при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ» (въ Христ. Чтен. 1884 ч. 2 и 1885 ч. 1) поставилъ себѣ цѣлью изложить церковныя мѣропріятія какъ съ восточной, такъ и съ западной стороны, а въ монографіи: «Византійское государство и церковь въ XI в., отъ смерти Василія II Болгаробойцы до воцаренія Алексѣя I Комнена, Спб. 1884»), явившейся почти одновременно съ названною статьей, долженъ былъ изобразить церковно-политическую сторону дѣятельности патріарха Михаила. Но отчасти нашъ ученый съ явнымъ пристрастіемъ въ пользу Керуларія оцѣнивалъ его дѣятельность, отчасти невольно допускалъ неправильную оцѣнку, такъ какъ, по всей видимости, незнакомъ былъ съ содержаніемъ обвинительной рѣчи Пселла, которая имѣла быть произнесена на судѣ надъ Михаиломъ Керуларіемъ по волѣ Исаака Комнена, но осталась не произнесенною за смертію патріарха. Другой русскій ученый, г. Безобразовъ, въ своей монографіи: «Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ», Москва, 1890, не только имѣлъ въ виду упомянутую обвинительную рѣчь Пселла, но и издалъ бо́льшую часть ея въ дословномъ русскомъ переводѣ (въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1889 г. ч. 264), что̀, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ его заслугу, такъ какъ эта рѣчь (πρὸς τὸν σύνοδον κατηγορία τοῦ ἀρχιερέως) до сихъ поръ находится въ рукописи (Парижск. Націон. Библ. № 1182), и Саѳа, помѣстившій въ IV и V томахъ своего изданія «Средневѣковой библіотеки» (Σάθας, Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη) разныя произведенія Пселла, обвинительную его рѣчь противъ Керуларія не соблаговолилъ издать. Но Керуларій для г. Безобразова все-таки остался побо́чнымъ лицомъ, главный же предметъ его монографіи есть личность и дѣятельность Михаила Пселла,—этого, по выраженію Рамбо, «софиста и куртизана» въ монашескомъ образѣ, да и въ томъ немногомъ, что относится къ Керуларію, г. Безобразовъ, подъ вліяніемъ нерасположенія къ Пселлу, конечно, заслуженнаго этимъ послѣднимъ, не придаетъ должнаго значенія не только его обвиненіямъ, но и свидѣтельствамъ другихъ византійскихъ писателей, и въ общемъ остается на точкѣ зрѣнія г. Скабалановича.

Не такъ давно изъ подъ пера французскаго ученаго вышла книга, заслуживающая нашего вниманія, именно какъ восполняющая указанный литературный пробѣлъ: *Louis Bréhier*, Le schisme oriental du XI siècle. Paris, 1899. Подобно нѣкоторымъ другимъ компатріотамъ, Брейе не можетъ воздержаться отъ разныхъ lapsus, въ родѣ того, что Зонара умеръ въ началѣ XII в. (стр. XIX введ.), что полемическій трактатъ Никиты Пектората противъ латинянъ, *написанный на латинскомъ языкѣ*, усиліями Керулярія былъ распространенъ по всей греческой церкви (стр. 94), что трулльскій соборъ 692 г. призналъ за константинопольскимъ патріархомъ право на титулъ «вселенскаго», дарованный ему Юстиніаномъ (стр. 195 и 203), что во время III и IV всел. соборовъ теорія пяти чувствъ вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительному положенію дѣлъ церковныхъ (стр. 198) и проч. Далѣе можно находить произвольною и натянутою общую историческую концепцію дѣятельности Керулярія, который, по мнѣнію Брейе, систематически, шагъ за шагомъ, шелъ въ выполненіи широкаго, заранѣе обдуманнаго имъ, плана. Михаилъ Керулярій, какъ извѣстно, началъ свою карьеру съ заговора противъ императора Михаила IV Пафлагона, и, въ случаѣ успѣшнаго исхода заговора, ему открывалась перспектива занятія императорскаго престола, такъ какъ онъ именно намѣченъ былъ заговорщиками въ качествѣ кандидата на тронъ. Заговоръ не удался; Керулярій поплатился за него ссылкою, которая довела его до рѣшенія постричься въ монахи. Но, возвращенный изъ ссылки Константиномъ Мономахомъ и вскорѣ затѣмъ возведенный въ патріархи, Керулярій, по мнѣнію французскаго ученаго, сразу же составилъ себѣ опредѣленную программу дѣйствій, выработалъ себѣ ясный планъ, проводившійся съ неуклонною послѣдовательностію. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы рано или поздно упразднить императорскую власть и соединить въ своихъ рукахъ sacerdotium и imperium. Церковный разрывъ въ этомъ планѣ долженъ былъ служить однимъ изъ этаповъ, ведущихъ къ достиженію конечной цѣли. Керулярію, разсуждаетъ Брейе, нужно было сначала порвать съ западомъ, для того чтобы стать единымъ главой востока, соединяющимъ въ своихъ рукахъ господство и въ церкви, и въ государствѣ, можетъ быть съ совершеннымъ упраздненіемъ императорской власти, можетъ быть съ удержаніемъ императорства, какъ хранителя или держателя матеріальной силы, на подобіе того, какъ со времени Григорія VII римскіе папы трактовали императорскую власть (стр. 213, 276 и сл.). Впрочемъ, и самъ Брейе оговаривается (стр. 273), что о Керуларіѣ судить затруднительно, такъ какъ онъ не оставилъ послѣ себя сочиненій, по которымъ можно бы было воспроизвести образъ его мыслей, какъ

возможно это относительно Григорія VII; въ распоряженіи нашихъ находятся лишь отрывочныя свѣдѣтельства истериковъ и намеки современниковъ, такъ что отсюда оправдывается стремленіе изслѣдователя догадываться и предполагать, для того чтобы установить разумную связь между отдѣльными дѣйствіями Керулярія. Во всякомъ случаѣ, концепція Брейе не есть неизбѣжный путь къ раскрытію этой связи. Съ одинаковымъ, а пожалуй и болѣе надежнымъ и болѣе свободнымъ отъ упрека въ произвольности, успѣхомъ, можно доказывать, что Керулярій лишь послѣдовательно, толкаемый событіями, дошелъ до идеи восточнаго папства, которая безспорно проглядываетъ въ его образѣ дѣйствій, особенно за время царствованія Исаака Комнена. Затѣмъ, и въ отношеніи къ обстоятельствамъ церковнаго разрыва, Брейе судитъ пристрастно, не видя въ дѣйствіяхъ папы ничего неумѣстнаго. Настоящая моя работа имѣетъ цѣлью изложить и освѣтить фактическія данныя, которыя служатъ къ выясненію цѣльной личности патріарха Михаила Керулярія, насколько она выразилась въ его церковно-политической дѣятельности. Приэтомъ само собою разумѣется, что я не біографію названнаго патріарха пишу, а разсматриваю и оцѣниваю его дѣятельность съ историко-юридической точки зрѣнія. Поэтому работа моя будетъ представлять собою этюдъ въ области исторіи церковнаго права. Такъ какъ, согласно вышесказанному, дѣятельность его проявилась въ двухъ направленіяхъ: по отношенію къ Риму и по отношенію къ императорской власти, и въ послѣднемъ направленіи проявилась болѣе рѣзко лишь послѣ состоявшагося церковнаго разрыва, то мы сначала скажемъ о раздѣленіи церквей, предпославъ краткія свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ разрыву, затѣмъ познакомимся съ его мѣропріятіями по отношенію къ императорской власти послѣ разрыва съ Римомъ.

Н. С.

ГЛАВА I.

Обстоятельства, предшествовавшія раздѣленію церквей при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ.

Михаилъ Керуларій, по происхожденію, былъ изъ знатнаго рода. Его историческая карьера началась, какъ отмѣчено исторіею, съ заговора противъ императора Михаила IV Пафлагона. По словамъ Кедрена, повторяющаго Скилицу, главою, ἔξαρχος, заговора былъ именно Керуларій съ зятемъ своимъ Іоанномъ Макремболитомъ, мужемъ сестры Керуларія, при участіи немалаго числа другихъ гражданъ. [1]). Заговоръ былъ открытъ, и заговорщики отправлены были въ ссылку, съ конфискаціей ихъ имущества. Цѣль заговора—μελέτη τυραννίδος, по выраженію Кедрена, т. е. низверженіе законнаго императора и возведеніе на его мѣсто Керуларія; по византійской терминологіи, «тиранъ всегда означалъ узурпатора законной власти, а μελέτη τυραννίδος умыселъ, направленный на такую узурпацію. Заговоры и открытыя возмущенія съ политическими переворотами были, какъ извѣстно, обыкновеннымъ явленіемъ византійской исторіи, и изъ того, что предпріятіе Керуларія не удалось, не слѣдуетъ, что оно, само

---

[1]) Ἐγένετο δὲ κατὰ τοῦτον τὸν καιρὸν μελέτη τυραννίδος κατὰ τοῦ βασιλέως, ἔξαρχον ἔχουσα Μιχαὴλ τὸν λεγόμενον Κηρουλάριον καὶ Ἰωάννην τὸν Μακρεμβολίτην καὶ ἄλλους οὐκ ὀλίγους τῶν πολιτῶν, οἱ καὶ δημευθέντες ἐξωρίσθησαν. Corp. scriptor. Histor. byzant. Georgius Cedrenus, t. II, p. 530, по боннскому изд. 1839 г.

по себѣ, было химерическимъ. Историческая иллюстрація налицо. Константинъ Мономахъ, также отправленный въ ссылку при Пафлагонѣ, въ самомъ дѣлѣ сдѣлался потомъ императоромъ. Пселлъ въ своемъ надгробномъ панегирикѣ въ честь Михаила Керуларія, въ которомъ ему нужно было во чтобы то ни стало прославить память умершаго Керуларія [1]), придаетъ участію его въ заговорѣ очень искуственное освѣщеніе, выгораживая и честь Пафлагона, противъ котораго составленъ былъ заговоръ, и честь Керуларія. Съ вступленіемъ на престолъ Михаила Пафлагона, говоритъ Пселлъ, обнаружилась двойственность режима: самъ Пафлагонъ стоялъ на сторонѣ законности, но свора его родственниковъ (имѣется въ виду родной братъ Пафлагона, извѣстный монахъ-скопецъ Іоаннъ Орфанотрофъ), вела тираническое и насильственное правительство, отъ котораго множество людей всячески старалось избавиться. И вотъ немалая часть города, въ томъ числѣ знатнѣйшіе изъ родовъ (τὰ πρῶτα τῶν γενῶν), болѣе смѣлые и мужественные и скорые на рѣшенье, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, условились между собою упразднить тираннію и поставить на ея мѣсто законную власть, причемъ, когда возникъ вопросъ о личности будущаго царя, заговорщики, каждый отъ себя, отстранили эту честь и общимъ голосомъ рѣшили выбрать лучшаго изъ всѣхъ. Въ качествѣ таковаго, общій голосъ указалъ на Михаила Керуларія. У нихъ не было намѣренія убить царя, т. е. Михаила Пафлагона, продолжаетъ Пселлъ, они желали сохранить его, отставивъ лишь его отъ власти, и возвести на царство того, кого считали лучшимъ, самому же Керуларію ничего не говорили объ этомъ, изъ опасенія, что, быть можетъ, онъ не одобритъ ихъ мысли. Итакъ Михаилъ сидѣлъ дома, не вѣдая какія относительно его существовали намѣренія, а между тѣмъ

---

[1]) Похвальная рѣчь держалась предъ Евдокіей, дочерью названнаго въ текстѣ Макремболита, слѣдовательно племянницей Керуларія, которая, съ возведеніемъ на престолъ мужа ея Константина Дуки, сдѣлалась императрицей, а по смерти Дуки даже правительницей имперіи. Пселлъ, который раньше по волѣ Исаака Комнена составилъ громоносную обвинительную рѣчь противъ Керуларія, былъ настолько ловокъ, что съ перемѣною правленія, удержался въ милости двора, и, согласно новому теченію въ политикѣ, сочинилъ похвальную рѣчь въ честь умершаго патріарха.

по открытіи заговора, онъ-то именно, невиннѣйшій изъ всѣхъ, и пострадалъ болѣе всѣхъ. Двухъ братьевъ Керуларіевъ отправили въ заточеніе, разлучивъ ихъ, и Михаила стали принуждать къ постриженію; но онъ мужественно сопротивлялся, не потому, что ненавидѣлъ самое монашество, а потому, что не желалъ, чтобы близость къ Богу была послѣдствіемъ наказанія. Однако, чего не успѣли достигнуть принужденіемъ, то сдѣлала трагическая смерть брата, потерявъ котораго Михаилъ постригся, и такимъ образомъ «посвятилъ себя Богу тотъ, кто уже до рожденія былъ посвященъ Ему». Сообщая далѣе о возведеніи Михаила въ патріархи, по воцареніи Константина Мономаха, Пселлъ заключаетъ: изъ двухъ вещей, украшающихъ жизнь,—царства и архіерейства, онъ былъ достоинъ и той, и другой, и каждой изъ нихъ удивительно соотвѣтствовалъ, а между тѣмъ ни той, ни другой не желалъ и лишь другими признавался достойнымъ обѣихъ, мало того,—даже высшимъ той и другой![1]) Изображенная Пселломъ, почти идиллическая картина заговора, въ которомъ желаютъ сохраненія наличнаго императора, а то лицо, въ пользу котораго дѣйствуютъ заговорщики, остается въ неизвѣстности насчетъ ихъ плановъ, мало согласуется съ тѣми византійскими пріемами, которые въ дѣйствительности практиковались узурпаторами по отношенію къ свергаемымъ съ престола царямъ. Пселлъ пытается даже играть понятіями «тиранніи» и «законной власти», представляя дѣло такъ, что «тираннія» была на сторонѣ правительства Михаила Пафлагона, а заговорщики стремились къ установленію «законной власти». Но тотъ же Пселлъ раньше въ обвинительной рѣчи, говорилъ иначе, приписывая Керуларію «вожделѣніе царства» (τὴν βασιλείας ἔρωτα[2]), и послѣднее представляется болѣе сообразнымъ съ обстоятельствами дѣла и вполнѣ согласнымъ съ показаніемъ Скилицы и Кедрена, которые Михаила Керуларія называютъ главой или начальникомъ заговора (ἔξαρχος). Впечатлѣніе, которое получается изъ вышеприведеннаго разсказа Пселла о постриженіи Керуларія въ монашество, также въ значительной степени ослабляется тѣмъ

---

[1]) Ἐγκωμιαστικὸς εἰς τὸν μακαριώτατον πατριάρχην κῦρ Μιχαὴλ τὸν Κηρουλλάριον, въ изд. Саеы, т. IV, стр. 313—328.

[2]) *Bréhier*, 56.

мѣстомъ въ обвинительной рѣчи, гдѣ говорится, что перемѣна жизни, была вынужденная (τὴν κατηναγκασμένην τοῦ βίου μετάθεσιν [1]).

Во всякомъ случаѣ мы должны помнить, что Керуларій чуть-чуть не сдѣлался императоромъ, и едва ли могъ когда либо забыть, что колесо фортуны могло тогда обернуться и въ его сторону, а сравнивая себя съ другими счастливцами, случайнымъ образомъ попадавшими на императорскій престолъ, каковы этотъ же самый Михаилъ Пафлагонъ, заговоръ противъ котораго окончился неудачей, племянникъ его Михаилъ Калафатъ, Константинъ Мономахъ, Михаилъ VI Стратіотикъ, могъ, и не безъ основанія, считать себя болѣе достойнымъ императорской короны, чѣмъ названные императоры.

Керуларій былъ возвращенъ изъ ссылки, по смерти Пафлагона, при племянникѣ его Михаилѣ Калафатѣ, но оставленъ былъ вдали отъ двора: Пселлъ даже въ своемъ панегирикѣ проговорился, что Калафатъ сталъ сожалѣть о томъ, что вернулъ Керуларія изъ ссылки [2]). Обстоятельства рѣзко измѣнились, когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, новая революція низвергла Калафата, и императрица Зоя, состоявшая раньше въ замужествѣ съ покойными императорами Романомъ Аргиромъ и Михаиломъ IV Пафлагономъ, вызвала изъ ссылки Константина Мономаха и вступила съ нимъ въ третій бракъ. Мономахъ былъ отправленъ въ ссылку тѣмъ же Пафлагономъ, какъ и Керуларій, и естественно долженъ былъ смотрѣть на послѣдняго, какъ на товарища по злоключеніямъ. Керуларій, еще въ качествѣ простого монаха, сдѣлался самымъ приближеннымъ и довѣреннымъ совѣтникомъ Константина IX Мономаха и пользовался безграничнымъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ въ имперіи. По словамъ Пселла, императоръ, зная въ Михаилѣ человѣка, свѣдущаго въ божественныхъ и въ человѣческихъ дѣлахъ, ввѣрилъ ему и тѣ и другія [3]), и не мудрено, что когда наличный патріархъ Алексѣй умеръ, Керуларій былъ возведенъ на патріаршую каѳедру. Какимъ образомъ совершилось избраніе Керуларія, трудно составить себѣ объ этомъ ясное представленіе. Пселлъ въ обвинительной рѣчи говоритъ, что Ке-

---

[1]) Тамъ же, 58 въ прим. 2.

[2]) Εγκωμ 322.

[3]) Εγκωμ. 325.

руларій подкупилъ избирателей [1]), а въ посмертномъ панегирикѣ утверждаетъ, что онъ долго отказывался отъ патріаршества и далъ согласіе только благодаря настойчивымъ требованіямъ Мономаха [2]). Папа Левъ IX въ своихъ посланіяхъ къ Керуларію находилъ какой-то дефектъ въ его избраніи на патріаршество, обвиняя его въ несоблюденіи послѣдовательности и законныхъ промежутковъ при посвященіи (ordinatio per saltum sine canonico intervallo) и называя его «неофитомъ» [3]). Подкупать во всякомъ случаѣ едва ли была надобность при ясно выраженной волѣ императора имѣть патріархомъ Керуларія, а не кого-либо другаго. Съ другой стороны, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что дѣло замѣщенія патріаршей каѳедры велось спѣшно, какъ и вообще историческія событія шли быстро (въ 1040 г. имѣлъ мѣсто заговоръ Керуларія противъ Михаила Пафлагона, а въ началѣ 1043 г. Керуларій былъ уже патріархомъ), такъ что едва ли соблюдены были какіе-либо сроки при послѣдовательномъ посвященіи монаха Михаила въ разныя степени духовнаго сана до патріаршества включительно. Промежутокъ (около мѣсяца) между смертію патріарха Алексѣя и возведеніемъ на патріаршество Михаила, былъ самъ по себѣ, не очень продолжителенъ, и, кромѣ того, не невозможно предположеніе Гфререра [4]), что въ это время происходили важные церковно-политическіе переговоры между императорскимъ правительствомъ и будущимъ патріархомъ относительно назначенія императоромъ высшихъ должностныхъ лицъ по церковноимущественному управленію (см. объ этомъ ниже), въ связи съ сообщаемымъ Кедреномъ фактомъ, что послѣ умершаго Алексѣя оказалось 25 центенаріевъ золота (т.-е. 2.500 фунт. зол., около 5 милліоновъ рублей) [5]).

На первые года патріаршества Керуларія падаетъ возстаніе Льва Торникія, во время котораго самъ Мономахъ готовъ былъ

---

[1]) Bréhier, 67.

[2]) Ἐγκωμ. у Саѳы, т. IV стр. 327.

[3]) *Migne*, Patrol. lat t. CXLIII p. 764 и 771. Это выраженіе употреблено также въ грамотѣ объ отлученіи Михаила, положенной папскими легатами на престолъ Софійской церкви.

[4]) *Gfrorer*, Byzantinische Geschichten, B. II, Graz, 1874, стр. 275.

[5]) Cedren, II, 550.

потерять голову и упасть духомъ. Патріархъ поддержалъ въ немъ бодрость, и это обстоятельство немало должно было содѣйствовать престижу патріарха въ глазахъ и императора и народа. Въ похвальной надгробной рѣчи Пселла мы читаемъ восхваленіе Керуларія за такія дѣйствія, которыя, хотя бы исходили и изъ похвальнаго мотива, все-таки даютъ намъ видѣть въ немъ человѣка, привыкшаго повелѣвать, не справляясь объ императорской волѣ. Когда, не смотря на обѣщаніе амнистіи бунтовщикамъ, ихъ стали предавать казнямъ, патріархъ, по словамъ Пселла, собственноручно снималъ съ висѣлицъ и освобождалъ отъ казни тѣхъ, кому угрожала неминуемая смерть [1]).

Константинъ IX Мономахъ былъ, самъ по себѣ, далеко не изъ худшихъ императоровъ Византіи: онъ умѣлъ иногда быть и мужественнымъ, и до извѣстной степени настойчивымъ, и человѣкомъ здраваго смысла настолько, чтобы рѣшаться на извѣстныя политическія комбинаціи, требовавшіяся интересами имперіи. Но онъ былъ, по выраженію Рамбо, виверомъ, больше чѣмъ императоромъ. Очаровательный кавалеръ и красавецъ, вѣроятно еще при жизни Пафлагона имѣвшій связь съ женой его императрицей Зоей и, можетъ быть, только по мотивамъ ревности (какъ утверждаетъ Зонара [2]), а не въ качествѣ заговорщика отправленный Пафлагономъ въ ссылку, Мономахъ даже и послѣ того какъ былъ постигнутъ тяжкою болѣзнію, продолжалъ быть виверомъ и ухитрялся устраивать неслыханныя доселѣ комбинаціи: при жизни своей жены, престарѣлой императрицы Зои, на торжественныхъ выходахъ являлся вмѣстѣ съ женой и съ любовницей (Склереной), офиціально утвердивъ за нею, а по смерти ея за другою любовницей (аланскою княжною) титулъ Августы (Σεβαστή) т.-е. императрицы [3]). Если въ отношеніяхъ императора къ Склеренѣ могли быть извиняющія обстоятельства (императрица Зоя была шестидесятилѣтнею старухой, а Склерена, которая могла считать себя принцессой по ея родству съ императоромъ

---

[1]) Ἐγκωμ 347

[2]) Ioannis Zonarae Epitomae historiarum. томъ III боннск. изд. 1897, стр. 615.

[3]) Тамъ же, стр. 620 и 648.

Іоанномъ Цимисхіемъ, добровольно послѣдовала за Мономахомъ въ мѣсто его заточенія и дѣлила съ нимъ горе), то для отношеній императора къ аланкѣ такихъ извиняющихъ обстоятельствъ не было. Какъ бы то ни было, Мономахъ ввѣрилъ Коруларію, по выраженію Пселла, «дѣла божественныя и человѣческія». Поэтому неудивительно, что когда интересы внѣшней политики заставили императора дѣйствовать самостоятельно и помимо патріарха, послѣдній выступилъ рѣшительнымъ противникомъ императорской политики и заставилъ императора признать себя побѣжденнымъ.

Внѣшнія дѣла имперіи были таковы, что нужно было зорко слѣдить за ея врагами и держать наготовѣ оружіе противъ печенѣговъ на Дунаѣ, руссовъ на Черномъ Морѣ, турокъ въ Арменіи, и кромѣ того, въ южной Италіи заявила себя еще новая грозная сила—норманны, одинаково опасные и для византійскихъ владѣній въ Италіи, и для папской области. При такомъ положеніи дѣлъ, византійскому правительству естественно было искать союзниковъ противъ норманновъ. Не только при византійскомъ дворѣ были люди, находившіе, что враждовать съ папой не входитъ въ интересы имперіи, но и многіе изъ италійцевъ, которыхъ ненависть къ норманнамъ заставляла прямо служить интересамъ императора, были сторонниками союза между императоромъ и папой. Таковъ былъ въ особенности Италіецъ Аргиръ, въ началѣ своей политической карьеры склонявшійся къ союзу съ норманнами [1]), но потомъ сдѣлавшійся горячимъ сторонникомъ и пропагандистомъ идеи союза между византійскою имперіей и папой, и, облеченный саномъ магистра и дуки, катапана, т.-е. военнаго и гражданскаго правителя южной Италіи, принадлежавшей византійскому императору, въ этомъ именно смыслѣ старался повліять на константинопольское правительство. Папѣ тоже интересъ минуты подсказывалъ дѣйствовать солидарно съ византійскимъ правительствомъ противъ норманновъ, хотя послѣдствія показали, что норманны оказали величайшую услугу римской церкви: завоевавъ императорскія владѣнія въ южной Италіи, норманны тѣмъ самымъ положили конецъ всякимъ притязаніямъ константинопольскаго патріарха на церковную власть въ южной

[1]) *Gfrorer*, Byz. Gesch. II, 242 и сл.

Италіи и безповоротно подчинили ее римской церковной власти. Но къ половинѣ XI в. нельзя было предвидѣть этого результата, и папа не менѣе императора былъ чуждъ всякой мысли о возбужденіи борьбы между старымъ и новымъ Римомъ на религіозной почвѣ. И если въ началѣ второй половины XI в. борьба возгорѣлась и закончилась окончательнымъ церковнымъ разрывомъ, то не императоръ и не папа были виновниками этого разрыва; ни тому ни другому изъ нихъ не приходило въ голову вступать въ борьбу на религіозной почвѣ и вызывать тѣмъ самымъ нежелательныя политическія осложненія.

Прежде чѣмъ изложить мѣропріятія Керуларія, направленныя противъ Рима, мы должны еще бросить ретроспективный взглядъ на отношенія между обоими Римами со времени патріарха Фотія, который въ своей знаменитой энцикликѣ 867 г. обвинилъ латинскую церковь въ разныхъ заблужденіяхъ, каковы: постъ въ субботу, употребленіе въ пищу на первой недѣлѣ великаго поста молока, сыра и яицъ, безбрачіе духовенства, непризнаніе муропомазанія, совершеннаго простыми священниками, и ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына.

Положеніе патріарха Фотія относительно Рима, при предъявленіи имъ своихъ обвинительныхъ пунктовъ, было оборонительное, вызванное, во-первыхъ, осужденіемъ въ Римѣ Фотія, какъ незаконно занявшаго патріаршую каѳедру въ Константинополѣ, во-вторыхъ, дѣйствіями латинскаго духовенства въ Болгаріи. Въ Римѣ, конечно, никому не приходило тогда въ голову вводить на греческомъ востокѣ латинскую церковность, какъ она сложилась къ тому времени въ западныхъ странахъ; но Болгарію латинское духовенство считало, такъ-сказать, дѣвственною почвою, на которой можно было насаждать латинскую церковность, тѣмъ болѣе что имѣло нѣкоторыя историческія основанія включать Болгарію, какъ часть Иллирика, въ сферу власти римскаго епископа. А такъ какъ латинское духовенство призвано было болгарскимъ княземъ въ его страну послѣ того, какъ греческое духовенство начало уже насаждать въ Болгаріи свою греческую церковность, то латинскій клиръ сталъ раздѣлывать, такъ-сказать, то, что было уже сдѣлано греческимъ клиромъ (по крайней мѣрѣ отчасти, потому что о всецѣломъ обращеніи страны въ христіанство тогда

еще не могло быть и рѣчи), не признавать мѵропомазанія, совершеннаго простыми священниками, и слѣдовательно вновь мѵропомазывать, внушать презрѣніе къ женатому духовенству и требовать, чтобы соблюдалось нѣчто такое, чему греческое духовенство не учило. Самое правильное было бы, конечно,—разъ обнаружились въ ясномъ свѣтѣ не замѣчавшіяся раньше церковныя разности востока и запада—путемъ мирныхъ сношеній и совмѣстныхъ обсужденій выяснить, что̀ на которой сторонѣ правильно и что̀ неправильно, или, можетъ быть, обѣ стороны могутъ bona fide оставаться при своей, вѣками складывавшейся, церковности. Къ несчастію, церковная исторія еще и теперь едва ли доросла до мирнаго и спокойнаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ (а о среднихъ вѣкахъ и говорить нечего): спорные церковные вопросы всегда осложнялись соображеніями политики и человѣческими страстями. Повторимъ все-таки еще разъ, что хотя нападеніе на греческую церковность сдѣлано было не оффиціально со стороны римскаго церковнаго правительства, а со стороны латинскаго духовенства, дѣйствовавшаго въ мѣстныхъ предѣлахъ Болгаріи, и хотя первый историческій примѣръ осужденія обрядовъ имѣлъ мѣсто не на западѣ, а на востокѣ (трулльск. соборъ 692 г.), энциклика патріарха Фотія, въ обстоятельствахъ даннаго времени, имѣла характеръ оборонительный, и притомъ, въ числѣ другихъ пунктовъ, выдвигала важный догматическій вопросъ объ исхожденіи Св. Духа. Когда на соборѣ 879 г. Фотій былъ признанъ со стороны Рима въ качествѣ законнаго патріарха, то и самъ онъ забылъ на время о своихъ обвиненіяхъ, а когда онъ былъ окончательно низложенъ, то и весь православный востокъ, съ императорскимъ правительствомъ во главѣ, также забылъ про эти обвиненія, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы не прерывать церковнаго общенія съ западомъ. Императоръ Левъ Мудрый въ своемъ словѣ, обращенномъ къ народу константинопольскому, возстаетъ противъ латинскаго Filioque, повторяя доводы низложеннаго имъ Фотія [1]), но тотъ же самый Левъ Мудрый поддерживаетъ съ Римомъ наилучшія отношенія и желаетъ, чтобы въ Римѣ признали его брата Стефана патріархомъ, вмѣсто низложеннаго Фотія, а также при-

[1]) *Migne*, Patrol. gr. t. CVII, λόγος ιγ'.

знали законнымъ четвертый бракъ императора. Тоже было при Романѣ Лекапенѣ, желавшемъ, чтобы сынъ его Θеофилактъ былъ признанъ патріархомъ, а затѣмъ, чтобы Римъ подтвердилъ воспрещеніе четвертаго брака, въ противность тому, что раньше было опредѣлено, при жизни Льва Мудраго, на соборѣ 906 г. Прибывшіе по приглашенію Романа Лекапена въ Константинополь, римскіе легаты и византійская церковная іерархія ознаменовали даже взаимное общеніе совмѣстнымъ совершеніемъ Евхаристіи. Всего замѣчательнѣе то, что патріархъ Николай Мистикъ, низложенный Львомъ за непризнаніе его четвертаго брака и не встрѣтившій никакой поддержки въ римскихъ легатахъ, которые одобрили его низложеніе, не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки возобновить религіозную полемику съ Римомъ. Что фактъ существованія западной имперіи былъ въ высшей степени непріятенъ въ Константинополѣ, и что по этой причинѣ могли прорываться крайне непріязненныя чувства по отношенію къ западу вообще, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, но о церковномъ разрывѣ серіозно не думали ни на западѣ, ни на востокѣ, хотя мысль о таковомъ разрывѣ иногда проявлялась съ восточной стороны. Въ отчетѣ Луитпранда кремонскаго разсказывается, что Никифоръ Фока (963—969) унизительнымъ образомъ третировалъ посольство западнаго императора, что Оттону I-му отказывалось въ титулѣ Августа Римлянъ и признавался за нимъ лишь титулъ короля (ῥήξ), что въ Византіи требовали очищенія Италіи и Рима германцами и возстановленія тамъ власти восточнаго императора. Но что касается религіозныхъ вопросовъ, Никифоръ ограничился ироніей надъ «саксонскимъ соборомъ, который въ кодексахъ греческихъ не значится, какъ грубый и варварскій, и никогда не войдетъ въ нихъ», и, кромѣ того, воспретилъ въ Апуліи и Калабріи употребленіе латинскаго обряда, предписавъ совершать богослуженіе по греческому обряду. Въ тоже время Луитпрандъ представляетъ себѣ церковное общеніе между востокомъ и западомъ настолько несомнѣннымъ и не требующимъ разъясненій фактомъ, что предлагаетъ созваніе собора для суда надъ константинопольскимъ патріархомъ, позволяющимъ себѣ носить pallium безъ дозволенія папы [1]). При Іоаннѣ Цимисхіѣ (969—976) отношенія

[1]) *Liutprandi* legatio ad Nicephorum Phocam imperatorem Constantinopoli-

БИБЛІОТЕКА
КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

между имперіями улучшились настолько, что состоялся тотъ самый брачный союзъ между германскимъ императорскимъ принцемъ (Оттономъ II) и византійскою принцессою Θеофано̀ (сестрою малолѣтнихъ императоровъ Василія II и Константина VIII),—для переговоровъ о которомъ являлся въ Константинополь Луитпрандъ, и о которомъ не хотѣлъ слышать Никифоръ Фока. Затѣмъ случай изъ царствованія Цимисхія, о которомъ кратко говорится у Зонары [1]) и подробнѣе у Льва діакона [2]), изложеніе патріарха константинопольскаго Василія (Скамандрина), отказавшагося явиться на судъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что его можетъ судить только вселенскій соборъ (т. е. съ участіемъ папы), по весьма правдоподобному разъясненію Гфререра [3]) и Шлюмберже [4]), свидѣтельствуетъ, конечно, о противоположности византійской политики въ римскихъ дѣлахъ политикѣ германской и о томъ, что Византія охотно поддерживала ту римскую партію (Кресценціевъ), которая ненавидѣла германское владычество надъ Римомъ и надъ римскимъ престоломъ, а равно поддерживала и выдвигаемыхъ Кресценціями папъ. Но этотъ же случай свидѣтельствуетъ вмѣстѣ и о томъ, что церковное общеніе между Римомъ и Константинополемъ продолжалось. Случай, о которомъ говорятъ названные византійскіе историки, состоялъ въ томъ, что римлянинъ Бонифацій, занявшій римскій престолъ съ помощію Кресценція и черезъ мѣсяцъ вынужденный бѣжать изъ Рима, нашелъ себѣ убѣжище въ Константинополѣ, а выдвинутый противною партіею (тускуланскою), при германской поддержкѣ, Бенедиктъ VII произнесъ проклятіе бѣжавшему Бонифацію. По разъясненію Гфререра и Шлюмберже, столкновеніе въ Константинополѣ между царемъ и патріархомъ, закончившееся низложеніемъ этого послѣдняго, было

---

tanum pro Ottonibus Augustis въ Corp. script. hist. byz. p. XI по боннск. изд. стр. 344, 350—352, 370.

[1]) III, 536.

[2]) Corpus script. hist. byz. p. XI, 163.

[3]) Byz. Gesch. II, 552 и сл. Подробнѣе въ V томѣ сочиненія того же Гфререра: Pabst Gregorius VII und sein Zeitalter, Schaffhausen, 1860, стр. 473 и сл., 554 и сл.

[4]) *Schlumberger*, L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle, Paris, 1896, стр. 263, 270 и сл.

вызвано тѣмъ, что Василій Скамандринъ, въ противность видамъ императорской политики не желалъ признавать законнымъ папой бѣжавшаго въ Константинополь Бонифація, признавая таковымъ Бенедикта VII, который осмѣлился послать проклятіе византійскому протеже. Подобный же случай поддержки Византіею антипапы имѣлъ мѣсто при Василіѣ II Болгароктонѣ, послѣ того какъ послѣдній, по смерти Цимисхія, какъ совершеннолѣтній, вступилъ въ управленіе имперіей. Василій II (976—1025) привлекъ на свою сторону и въ качествѣ антипапы выставилъ природнаго италійскаго грека Іоанна Филагатоса, епископа пьяченцскаго, любимца германской императрицы Ѳеофанò (сестры Василія II), который былъ отправленъ въ Константинополь въ качествѣ посла отъ сына Ѳеофанò, германскаго императора Оттона III [1]). На этотъ разъ трагическая судьба византійскаго протеже, съ которымъ жестоко расправилась германская партія, какъ скоро онъ попался въ ея руки, вызвала такое раздраженіе въ Константинополѣ, что тамъ, повидимому, вспомнили о религіозной борьбѣ, поднятой въ началѣ второй половины IX в. патріархомъ Фотіемъ. О патріархѣ константинопольскомъ Сисиніѣ конца X в. разсказывается, что онъ публиковалъ снова и подъ своимъ именемъ энциклику патріарха Фотія противъ латинянъ. Гергенретеръ [2]) справедливо говоритъ, что если этотъ фактъ и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ мѣсто (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ энциклика носитъ имя Сисинія), то никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій онъ не имѣлъ, тѣмъ болѣе что Сисиній патріаршествовалъ всего три года (996—999). Достовѣрно извѣстно, что въ самомъ началѣ XI столѣтія церковное общеніе между Римомъ и Константинополемъ существовало, но затѣмъ дальнѣйшая исторія первой половины этого столѣтія остается до сихъ поръ неясною. Въ разныхъ греческихъ полемическихъ статьяхъ противъ латинянъ, о которыхъ ведется рѣчь ниже, время патріаршества Сергія (999—1019) представляется даже тѣмъ самымъ рѣшительнымъ моментомъ, когда совершилось раздѣленіе церквей. Между тѣмъ, и вообще

---

[1]) См. *Gfrörer*, Pabst Gregorius VII, B. V, 547, 555 и сл. 591, 642—649. *Его же*, Byzant. Geschichten, III, 100.

[2]) Photius, III, 727.

эти статьи представляютъ собою довольно недоброкачественный историческій матеріалъ, и мало согласуются съ извѣстными намъ фактами. Въ пользу показаній полемическихъ статей, говоритъ, конечно, то обстоятельство, что включеніе латинянами Filioque въ символъ вѣры, которое въ полемическихъ статьяхъ считается существенною, почти единственною причиною раздѣленія, дѣйствительно должно быть относимо ко времени патріаршествованія Сергія [1]). Но на самомъ востокѣ установленіе этого взгляда на Filioque, какъ на существенную причину раздѣленія церквей принадлежитъ не началу XI в., а позднѣйшему времени. Во всякомъ случаѣ, въ первые годы XI в., и вмѣстѣ въ первые годы патріаршествованія Сергія существовало общеніе между церквами. Въ итальянскихъ источникахъ сохранилась эпитафія папы Іоанна XVIII († 1009), въ которой онъ восхваляется за то, что, по устраненіи раскола съ греками, онъ возстановилъ миръ въ церкви [2]). Патріархъ Петръ Антіохійскій въ своей перепискѣ съ Михаиломъ Керуларіемъ, падающей на 1054—1055 гг. (объ этой перепискѣ будетъ сказано ниже), говоритъ, что онъ, сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, собственными глазами видѣлъ имя римскаго папы въ константинопольскихъ диптихахъ. Политическія отношенія между Римомъ и Константинополемъ въ первое десятилѣтіе XI в. рѣшительно не могли подать повода къ разрыву. За это время домъ Оттоновъ угасъ, Германію постигло политическое крушеніе, въ Римѣ господствовалъ (1003—1012 гг.) Кресценцій, тянувшій въ сторону Василія II противъ германцевъ и распоряжавшійся замѣщеніемъ римскаго престола. Что въ послѣдующее десятилѣтіе могъ произойти разрывъ, не невѣроятно, и напримѣръ Гефеле даже рѣшительно убѣжденъ въ этомъ [3]). Около половины 1012 г. тускуланская партія завладѣла властію въ Римѣ, и глава тускуланской фамиліи, въ лицѣ папы Бенедикта VIII, вошелъ въ соглашеніе съ германскимъ королемъ Генрихомъ II и даже возложилъ на него императорскую корону въ 1014 г., а чтобы защитить себя отъ

---

[1]) *Hergenröther*, III, 729.

[2]) Тамъ же, стр. 728. *Gfrörer*, Byz. Gesch. III, 107. Приэтомъ могъ имѣться въ виду расколъ, произведенный публикаціей энциклики Фотія патріархомъ Сисиніемъ, если таковая публикація дѣйствительно имѣла мѣсто.

[3]) *Gfrörer*, о. с. 107.

мести Василія II, призвалъ въ Апулію норманновъ [1]), которые затѣмъ и самому папству доставили не мало хлопотъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при такихъ обстоятельствахъ, имя папы было вычеркнуто изъ константинопольскихъ диптиховъ, и напротивъ довольно невѣроятно предположеніе Брейе [2]), что имя папы поминалось въ Константинополѣ вплоть до патріарха Михаила Керуларія, который, по мнѣнію названнаго ученаго, свои наступательные шаги противъ Рима началъ именно съ того, что втихомолку, безъ шума и безъ огласки, вычеркнулъ изъ диптиховъ имя папы. Замѣтимъ, что Керуларій въ посланіи къ Петру антіохійскому увѣрялъ этого послѣдняго, какъ мы увидимъ ниже, будто бы уже со времени шестого вселенскаго собора имени папъ не было въ церковныхъ диптихахъ. Допустить, что одно и то же лицо могло собственноручно вычеркнуть имя папы и увѣрять, что имени его не было въ церковныхъ диптихахъ уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, не рѣшается даже самъ Гфрёреръ, при всей его ненависти и къ Керуларію, и къ грекамъ вообще, хотя приписка неизвѣстнаго греческаго монаха XII в. на полѣ хроники Кедрена подъ 1044 г. указываетъ дѣйствительно на Керуларія, какъ на виновника исключенія папъ изъ греческихъ диптиховъ. Въ припискѣ говорится: «Новый патріархъ (Михаилъ Керуларій), тотчасъ послѣ своего возведенія на каѳедру, вычеркнулъ имя папы изъ диптиховъ константинопольской церкви, и это онъ сдѣлалъ подъ предлогомъ спора объ опрѣснокахъ. На сторонѣ Михаила стояли Петръ, патріархъ антіохійскій, Левъ, архіепископъ болгарскій, и всѣ знатнѣйшія лица церкви. Также и съ тогдашнимъ настоятелемъ Студійскаго монастыря (извѣстнаго своимъ традиціоннымъ тяготѣніемъ къ Риму со времени знаменитаго Ѳеодора Студита) Мерментуломъ, онъ вступилъ въ распрю, вычеркнувъ имя Св. Ѳеодора Студита изъ числа тѣхъ, которыя провозглашаются въ церковныхъ молитвахъ. Однако, настоятель Мерментулъ этого дѣла не оставилъ, а обратился къ императору съ жалобой и т. д.,— результатъ жалобы былъ таковъ, что имя Ѳеодора громко про-

---

[1]) *Gfrorer*, III, 108.

[2]) *Brélier*, 92.

возглашено было самимъ же патріархомъ при богослуженіи [1]). Составитель записки, относящій къ 1044 г. возбужденіе спора объ опрѣснокахъ и переписку съ Петромъ антіохійскимъ, въ исторіи очевидно не силенъ, и придавать вѣсъ сообщаемому имъ свѣдѣнію рискованно.

Не получается также рѣшительнаго вывода изъ сообщаемаго западнымн писателями факта переговоровъ, происходившихъ въ 1024 г. между Константинополемъ и Римомъ при преемникѣ патріарха Сергія Евстаѳіѣ. По свидѣтельству Родульфа Глабера [2]), константинопольскій патріархъ съ императоромъ, желая, чтобы римскій епископъ призналъ константинопольскую церковь такою же вселенскою въ ея кругѣ, какъ римская называется вселенскою въ цѣломъ мірѣ, отправили съ этою цѣлью въ Римъ посольство съ богатыми подарками какъ самому папѣ, такъ и прочимъ, которые могли благопріятствовать исполненію византійскихъ желаній. Буквальный смыслъ этого извѣстія даетъ мѣсто разнымъ толкованіямъ: можно толковать его такъ, что въ Константинополѣ желали признанія патріарха вселенскимъ въ кругѣ восточной имперіи, не отрицая въ тоже время высшаго авторитета папы для цѣлой церкви, въ томъ числѣ и для восточной имперіи [3]), но можно толковать и въ смыслѣ полнаго равенства обоихъ епископовъ, съ устраненіемъ всякаго авторитета папы надъ восточнымъ кругомъ. Въ послѣднемъ смыслѣ понято было византійское желаніе на западѣ въ то время, послѣдній смыслъ оно и на самомъ дѣлѣ должно было имѣть. Анастасія библіотекаря, по его словамъ, греки увѣряли, что, называя константинопольскаго патріарха вселенскимъ (οἰκουμενικός), они подъ вселенною разумѣ-

[1]) *Gfrorer*, Byzant. Gesch. III, 563. Почему г. Скабалановичъ (Христ. Чт. 1884, II, 732) приписываетъ это историческое извѣстіе куропалату Іоанну Скилицѣ, неизвѣстно.

[2]) *Glaber* Rodulf, Hist., IV, 1, (въ латин. патролог. Миня, t. CXLII p. 671): „Constantinopolitanus praesul cum suo principe Basilio aliisque nonnullis consilium iniere, quatenus cum consensu Rom. Pontificis liceret Constantinopolitanam Ecclesiam in suo orbe, sicut Romanam in universo, universalem dici et haberi. Qui statim miserunt, qui differrent multa et diversa donorum xenia Romam tam Pontifici, quam ceteris, quos suae parti favere conspicerent.

[3]) См. *Pichler*, Geschichte der kirchlich. Trennung zwischen dem Orient und Occident, B. I, Munchen, 1864, стр. 211, и ср. *Hergenrother*, III, 730, прим. 119

ютъ не весь міръ, а часть вселенной [1]), именно воздѣланную, культурную, обитаемую, цивилизованную часть, которой противополагался, слѣдовательно, міръ некультурный, варварскій, такъ что въ этомъ самомъ, повидимому скромномъ, ограниченіи скрывалась мысль о превосходствѣ греко-римской вселенной надъ всѣмъ остальнымъ міромъ и о невозможности подчиненія восточнаго вселенскаго патріарха западному. Если напр. византійскій историкъ о патріархѣ Игнатіѣ выразился, что, при возведеніи его на патріаршій престолъ, ему ввѣряются бразды управленія вселенной [2]), то другой византіецъ, Прокопій кесарійскій на соборъ 879 г. соотвѣтственную мысль выразилъ слѣдующими словами: патріархъ получаетъ попечительный надзоръ надъ всѣмъ міромъ во образъ Архипастыря Христа Бога нашего (τοῦτον ἔπρεπεν ἐπ' ἀληθείας εἶναι τὸν τοῦ σύμπαντος κόσμου τὴν ἐπίστασιν λαχόντα εἰς τύπον τοῦ ἀρχιποίμενος Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν) [3]). Гфререр [4]) удовлетворительно выясняетъ положеніе дѣлъ въ Римѣ, при которомъ константинопольское правительство могло сдѣлать подобный шагъ, какъ вступленіе въ переговоры по означенному вопросу. По смерти Бенедикта VIII (тускуланца), въ Римѣ поставили папой, не спрашиваясь императора Генриха III, родного брата умершаго папы Романа, подъ именемъ Іоанна XIX, вслѣдствіе чего предвидѣлся неизбѣжный разрывъ между новымъ папой и германскимъ правительствомъ, которое при Генрихѣ III больше, чѣмъ когда-либо, стремилось взять въ свои руки замѣщеніе римскаго престола. Византійское же правительство ни болѣе, ни менѣе, какъ воспользовалось этимъ благопріятнымъ случаемъ, для того чтобы привлечь Іоанна XIX (хотя и тускуланца) на свою сторону. Затруднительное положеніе, въ которомъ находился Іоаннъ XIX, дѣйствительно заставило его пойти на встрѣчу византійскому предложенію: онъ нуждался и въ деньгахъ, и еще болѣе въ византійской поддержкѣ. Итакъ, подарки онъ взялъ и сталъ изыски-

---

[1]) *Migne*, Patrol. latina, t. CXXIX, c. 195 sqq.

[2]) Theophanes Continuatus, по боннск. изд. 1838 г. стр. 193.

[3]) *Mansi*, Concilior. collectio amplissima, XVII. См. 7-е засѣданіе стр. 519 и сл.

[4]) Byzant. Gesch. III, 109.

вать способы къ удовлетворенію желанія грековъ безъ шума и безъ огласки, но это оказалось невозможнымъ: слухи о предположенной комбинаціи огласились вскорѣ по Италіи и по всему западу и вызвали негодованіе. По словъмъ Глабера и другаго, подтверждающаго его слова, западнаго писателя, Гугона, настоятеля аббатства Флавиньи [1]), въ Римъ полетѣли укоризненныя посланія изъ Клюньи и изъ другихъ мѣстъ, а нѣкоторые даже лично прихоДили въ Римъ вразумлять папу. Западная точка зрѣнія на данный вопросъ съ особенною отчетливостію выразилась въ посланіи къ папѣ одного аббата, разсуждавшаго, что если власть политическая, нѣкогда единая въ римской имперіи, въ данное время оказывается раздѣленною между безчисленными скипетрами, то власть вяжущая и разрѣшающая всегда должна принадлежать папѣ, и приглашавшаго папу одуматься и слѣдовать законамъ и дисциплинѣ церкви, какъ приличествуетъ вселенскому предстоятелю. Этотъ взрывъ негодованія напугалъ папу, и византійское посольство должно было отправиться въ обратный путь, не получивъ желаемаго.

Трудно предположить, чтобы подобные переговоры могли вестись съ папой, который считался бы состоящимъ внѣ общенія съ восточною церковью, и тѣмъ самымъ слѣдовательно подвергается сомнѣнію и фактъ разрыва въ предшествующее Евстафію патріаршество Сергія. А съ другой стороны, раздраженіе, которое естественно должны были почувствовать въ Константинополѣ, въ виду неудачнаго результата переговоровъ, само по себѣ могло быть достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы вычеркнуть имя папы изъ церковныхъ диптиховъ, такъ что Михаилу Керуларію не было надобности самому совершать этотъ актъ.

Византійскіе историки не обмолвились ни однимъ словомъ о переговорахъ 1024 г., но это не можетъ служить основаніемъ подозрѣвать въ невѣрности показанія западныхъ писателей. Византійскіе историки, какъ мы сейчасъ увидимъ, не говорятъ даже и объ обстоятельствахъ раздѣленія церквей при Михаилѣ Керуларіѣ. Ни Іоаннъ Скилица, ни Михаилъ Атталіотъ, ни Кедренъ, ни Зонара, ни даже Пселлъ въ его оффиціальной, такъ-сказать,

---

[1]) См. *Pertz*, Monumenta Germaniae historica, Scriptor. t. VIII, p. 392.

исторіи [1]) ни слова не говорятъ о столкновеніи Михаила Керуларія съ Римомъ, потому ли что они не придавали событіямъ 1054 г. той важности, которая выяснилась лишь въ дальнѣйшей исторіи церкви [2]), или потому, какъ говорятъ другіе, что фактически восточная и западная церкви уже раньше были раздѣлены, такъ что событія 1054 г. по этой причинѣ считались неважными [3]). Только въ своей похвальной надгробной рѣчи въ честь Керуларія, гдѣ оратору нужно было изыскать все, что могло быть сказано для прославленія его героя, Пселлъ, восхваляя его ревность о вѣрѣ, говоритъ, что старый Римъ взбунтовался противъ новаго и не въ чемъ-либо иномъ, чему можно бы было не придавать важнаго значенія, а въ самомъ первомъ словѣ благочестія— въ богословіи о Св. Троицѣ, развивая дальше нечестіе Арія и Евномія. Для другихъ, замѣчаетъ Пселлъ, это не казалось ужаснымъ, но поборнику благочестія и ревностному за слово Божіе борцу это было нестерпимо. Патріархъ вразумлялъ, писалъ посланія, убѣждалъ, приводилъ доказательства изъ Писанія, составлялъ силлогизмы, прибѣгалъ ко всякимъ способамъ и мыслямъ; но такъ какъ вразумляемые оказались дерзкими и безстыдными, то безстыдству нечестія восхваляемый патріархъ противопоставилъ акривію благочестія. Римскіе легаты, по словамъ Пселла, сразу же потерпѣли пораженіе отъ великаго нашего вождя и рѣшились бѣжать; повергнутые въ стыдъ, они не рѣшились явиться на собраніе и попасться въ руки (συμμίξαι μὲν αὖθις καὶ εἰς χεῖρας ἐλθεῖν οὐκ ἐτόλμησαν), а держась вдали отъ нашего общества, пустили въ насъ нѣкоторыя стрѣлы словъ, которыя обратились противъ нихъ же. Патріархъ, какъ скоро узналъ про эти слова, или, лучше сказать, про эти засады, отлучилъ нечестивцевъ отъ церкви и подвергъ страшному проклятію [4]). Риторическое упражненіе

---

[1]) „Столѣтіе византійской исторіи (Ἑκονταετηρὶς βυζαντινῆς ἱστορίας) у Саѳы въ IV томѣ.

[2]) *Bréhier*, введ. XVII. Мнѣніе это нужно признать болѣе вѣрнымъ, въ виду многочисленныхъ историческихъ свидѣтельствъ о фактическомъ общеніи между восточнымъ и западнымъ христіанствомъ до половины XI в. См. *Bréhier*, стр. 1 и сл.

[3]) Zeitschr. f. wissensch. Theologie 32 Jahrg. стр. 324.

[4]) Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη. IV, 348—349.

Пселла несомнѣнно содержитъ въ себѣ историческія черты, какъ составленное въ виду дѣйствительно случившихся фактовъ, и въ тоже время мало согласуется съ дѣйствительною исторіею, которая будетъ изображена ниже, начиная съ того, что не ученіе о св. Духѣ послужило поводомъ къ разрыву. Пселлъ, какъ болѣе ученый и образованный, сравнительно съ его современниками, писавшій притомъ же свое похвальное слово заднимъ числомъ, когда было уже возможно бросить извѣстный ретроспективный взглядъ на событія предшествующаго времени, выдвинулъ именно ту изъ латинскихъ разностей, которая имѣла важнѣйшее, догматическое значеніе, чего Керуларіемъ не было сдѣлано. Въ этомъ отношеніи на общей съ Пселломъ почвѣ стоятъ тѣ quasi—историческія, послѣдовательно появившіяся статьи, которыя имѣли цѣлью установить, съ какого времени и какимъ образомъ латиняне отдѣлились отъ истинной церкви, и при какихъ дѣятеляхъ совершилось это раздѣленіе. Таковы три статьи, изданныя Гергенрѐтеромъ [1]), въ которыхъ былъ обыкновенно перемѣшивается съ небылицей, и событіямъ 1054 г. не усвояется того значенія, которое они въ дѣйствительности имѣли, но центръ тяжести въ церковномъ раздѣленіи поставляется въ ученіи о св. Духѣ [2]), причемъ, впрочемъ,

---

[1]) *Hergenrother*, Monumenta graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia quae ex variis manuscriptis, Ratisbonnae, 1869, стр. 154 и сл. Эти статьи нужно отличать отъ чисто полемическихъ сочиненій, какова, напримѣръ, статья о фрязѣхъ и о прочихъ латинянахъ, занесенная и въ нашу кормчую книгу, въ которой не исторія раздѣленія излагается, а исчисляются лишь по пунктамъ заблужденія латинянъ.

[2]) Иной характеръ имѣютъ и иное впечатлѣніе производятъ статьи, имѣющія цѣлью историческое обозрѣніе случаевъ разрыва между востокомъ и западомъ, или собственно одна статья, получившая различныя редакціи, доводившая случаи разрыва то до Фотія, то до Сергія, то до Керуларія, и носящая въ рукописяхъ, то имя Фотія (см. у *Павлова*, Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, Спб. 1878, прил. II на стр. 132 и сл.), то Никиты (см. у Миня, Patrol gr. t CXX. ст. 713 и сл.). Въ этой статьѣ исторически вѣрно исчисляются случаи церковнаго разрыва до Фотія, съ тѣмъ лишь дефектомъ, что рядъ этихъ случаевъ начатъ почему-то съ царствованія Граціана, а не съ царствованія Константія, какъ бы слѣдовало. Такъ какъ виновниками во всѣхъ случаяхъ разрыва, бывшихъ до Фотія, представляются греки, а не латиняне, (что въ дѣйствительности и было), то статья

упоминается и объ опрѣснокахъ и о постѣ въ субботу. Распространителями ложнаго ученія въ Италіи представляются франки, прибывшіе въ Римъ въ свитѣ короля Карла, котораго папа Левъ III призвалъ для защиты его отъ родственниковъ умершаго папы Адріана, и котораго онъ вѣнчалъ императорскою короною. Лжеученіе быстро распространялось по Италіи, но папы стойко противились ему, такъ что всѣ римскіе епископы вплоть до Формоза представляются ревнителями православнаго ученія о св. Духѣ, въ томъ числѣ и Николай I и Іоаннъ VIII. Послѣдній представляется дѣйствующимъ солидарно съ Фотіемъ на константинопольскомъ соборѣ въ укрѣпленіи истиннаго ученія о Св. Духѣ, а Фотій представляется писавшимъ свои каноническія посланія къ распространителямъ лжеученія въ Болгаріи, изгнаннымъ папой Іоанномъ VIII изъ Италіи. Да и о самомъ Формозѣ съ его ближайшими преемниками говорится, что они все еще держались лжеученія въ тайнѣ, не рѣшаясь высказать его открыто. Первые, кто открыто провозгласили лжеученіе, были папы Христофоръ и Сергій (въ разсматриваемыхъ статьяхъ называется имя то одного изъ нихъ, то другого, то обоихъ вмѣстѣ) и были за то исключены изъ церковныхъ диптиховъ патріархомъ константинопольскимъ Сергіемъ. Собственно этотъ моментъ и считается рѣшительнымъ въ раздѣленіи церквей. Въ одной изъ статей упоминается объ анаѳематствованіи латинянъ Михаиломъ Керуларіемъ, въ другой о томъ, что къ одному изъ преемниковъ папы Сергія Льву (очевидно Льву IX-му) императоръ Константинъ Мономахъ и тогдашній патріархъ Михаилъ Керуларій отправили пословъ, желая знать, намѣрены ли папы оставить свои заблужденія, но послы, подвергшіеся безчестію отъ Итала Аргира, вернулись ни съ чѣмъ. Слѣдовательно то, что происходило при Керуларіѣ, представляется попыткою соединить то, что̀ уже раньше отдѣлилось.

должна была производить на позднѣйшихъ грековъ странное впечатлѣніе. Поэтому немудрено, что въ московской синодальной рукописи № 207, по словамъ проф. Павлова, посланной въ Москву іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ (въ концѣ XVII в.), трактатъ о схизмахъ (съ именемъ Фотія) перечеркнутъ и снизу написано, кажется, рукою самого Досиѳея: „παπιστικόν“. (Критич. Опыты, стр. 66, прим. 1).

Виновникомъ ученія объ опрѣснокахъ и субботнемъ постѣ въ концѣ первой статьи представляется король «вандаловъ, т. е. нѣмцевъ», который будто бы научилъ италовъ этой практикѣ, а въ началѣ третьей статьи внесенію лжеученія въ Италію свитою короля Карла предпосылаются историческія свѣдѣнія о виновникѣ распространенія ереси въ землѣ самихъ франковъ. Въ качествѣ такового называется Левкій [1]). Любопытно еще, что въ припискѣ къ этой статьѣ, по одной изъ рукописей, читается замѣчаніе, будто исключеніе папы изъ диптиховъ состоялось при Михаилѣ Керуларіѣ за то, что папа не позволялъ Керуларію носить пурпурныя туфли, считая ношеніе ихъ своей исключительною прерогативой [2]). Но за этой припиской сейчасъ же слѣдуетъ другая, въ которой опровергается какъ то, что Михаилъ носилъ красныя туфли, такъ и то, что онъ впервые вычеркнулъ римскихъ первосвященниковъ изъ диптиховъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждается, что патріархъ Фотій не возставалъ противъ римской церкви.

---

[1]) Левкій упоминается въ декретѣ папы Геласія de libris recipiendis 495 или 496 г., какъ „сынъ сатаны“, подъ именемъ котораго ходили разныя апокрифическія книги (см. *Langen*, Geschichte der romischen Kirche von Leo I bis Nicolaus I, Bonn, 1885, стр. 197). Въ приписаніи римскихъ разностей еретикамъ, отвергнутымъ самою же римскою церковью, сказалась та же полемическая черта, которою объясняется появленіе въ полемической литературѣ имени знаменитаго легендарнаго папы „Петра Гугниваго“, облюбованнаго въ особенности въ старинной славянской письменности. Въ эпоху борьбы съ восточными монофизитами, папа Феликсъ, осудивъ вожака египетскихъ монофизитовъ, Петра Монга (Μόγγος=гугнивый, косноязычный), предложилъ императору Анастасію на выборъ, состоять ли въ общеніи съ апостоломъ Петромъ, или съ Петромъ Монгомъ (*Langen*, ibid. 145). Позднѣйшій греческій полемистъ намѣренно приписалъ римскія разности этому самому Петру Монгу, чтобы сдѣлать тѣмъ болѣе острымъ свое полемическое оружіе. Поэтому нѣтъ надобности видѣть въ „Петрѣ Гугнивомъ“ старинной письменности отвлеченное противоположеніе апостолу Петру (а не реальную личность), „олицетвореніе, вымышленное съ тою цѣлью, чтобы въ немъ объединить всѣ отступленія и ереси, къ которымъ уклонялись латыняне, по отдѣленіи отъ восточной церкви“ (см. *Поповъ*, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, Москва, 1875, стр. 21). Можно сказать навѣрное, что подобное отвлеченное умозрѣніе было совершенно чуждо первоначальному изобрѣтателю имени папы Петра Гугниваго.

[2]) *Hergenrother*, Monumenta, стр. 181 въ примѣч.

Если бы не сохранилось подлинной корреспонденціи между лицами, дѣйствовавшими въ 1054 г., и нѣкоторыхъ другихъ историческихъ документовъ, относящихся къ этому же времени, то, на основаніи приведеннаго quasi—историческаго матеріала, было бы невозможно представить ходъ историческихъ событій въ эпоху окончательнаго раздѣленія церквей. Корреспонденція и другіе документы изданы Минемъ въ CXX томѣ греческой патрологіи и въ CXLIII т. латинской, кромѣ того Корнеліемъ Виллемъ въ спеціальномъ изданіи съ учеными Prolegomena [1]). Матеріалъ, вошедшій въ изданіе Вилля, составляютъ:

1) Посланіе архіепископа Льва охридскаго къ Іоанну, епископу г. Транъ (Trani) въ южной Италіи; 2) посланіе папы Льва IX къ Михаилу Керуларію; 3) посланіе его же къ императору Константину Мономаху; 4) другое посланіе его же къ Михаилу Керуларію; 5) сочиненный кардиналомъ Гумбертомъ діалогъ между римляниномъ (Romanus) и грекомъ (Constantinopolitanus); 6) полемическій трактатъ студійскаго монаха Никиты Стиѳата или Пектората; 7) отвѣтъ кардинала Гумберта Никитѣ; 8) отчетъ Гумберта о дѣйствіяхъ римскаго посольства въ Константинополѣ; 9) формула отлученія, въ видѣ грамоты, положенной легатами на главномъ престолѣ Софійской церкви; 10) другое отлученіе, провозглашенное легатами устно въ присутствіи императора и сановниковъ; 11) такъ называемый синодальный эдиктъ, т. е. опредѣленіе константинопольскаго синода противъ легатовъ, съ приложеніемъ посланія императора къ патріарху; 12) посланіе Льва IX къ патріарху Петру антіохійскому; 13) посланіе Керуларія къ тому же Петру; 14) другое посланіе Керуларія къ нему же; 15) посланіе Петра антіохійскаго къ Керуларію; 16) посланіе Доминика, епископа градо-венеціанскаго (титуловавшагося также патріархомъ аквилейскимъ) къ Петру антіохійскому; 17) посланіе Петра къ Доминику; 18 и 19) два документа изъ позднѣйшаго времени, между прочимъ рѣчь Ѳеофилакта болгарскаго. Хроно-

---

[1]) Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae saeculo undecimo composita exstant ex probatissimis libris emendatiora edidit, diversitatem lectionis enotavit, annotationibus instruxit D-r *Cornelius Will*, Lipsiae et Marpurgi, MDCCCLXI.

логическій порядокъ, въ которомъ появлялись въ свое время документы, означенные подъ №№ 1—17, и смыслъ ихъ выяснятся изъ дальнѣйшаго изложенія.

ГЛАВА II.

Разрывъ востока съ западомъ при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что патріархъ обдумалъ заранѣе планъ своихъ дѣйствій противъ Рима, прежде чѣмъ сдѣлать рѣшительные шаги. За несомнѣнное нужно также принять, что поводомъ къ составленію этого плана послужило долговременное пребываніе (съ 1046 г.) въ Константинополѣ итала Аргира, который усердно дѣйствовалъ въ пользу заключенія союза между императоромъ и папою противъ норманновъ. За время своего пребыванія въ столицѣ, Аргиръ, по словамъ самого Керуларія въ его первомъ посланіи къ Петру антіохійскому, былъ трижды или четырежды отлучаемъ отъ причащенія изъ-за опрѣсноковъ, т.-е. вѣроятно за то, что отстаивалъ латинскій обрядъ противъ нареканій со стороны патріарха, а при патріаршемъ богослуженіи въ Софійской церкви желалъ, наравнѣ съ другими, приступать къ Евхаристіи по греческому обряду. Тѣмъ самымъ уже заранѣе намѣчался тотъ пунктъ, который положенъ былъ потомъ во главу обвиненія противъ латынянъ, и о которомъ Фотій въ своей энцикликѣ еще не говорилъ. Въ 1051 г. Аргиръ былъ уже въ Италіи и, по разсказу италійскаго хроникера, отправилъ въ 1053 г. въ Константинополь, въ качествѣ своего повѣреннаго, для веденія переговоровъ о союзѣ, епископа г. Транъ Іоанна, и надо полагать, что, за время пребыванія Іоанна въ Константинополѣ, патріархъ привлекъ его на свою сторону [1]). Между тѣмъ, въ италійскихъ дѣ-

[1]) *Gfrorer*, Byzant. Gesch. III, 529. Въ пользу этого предположенія говоритъ послѣдовавшее, нѣсколько лѣтъ спустя, низложеніе этого епископа на соборѣ въ южной Италіи, при папѣ Николаѣ II-мъ, откуда можно заключать, что на западѣ смотрѣли на него, какъ на измѣнника. Ibid. 542 и *Migne*, Patrol lat. CXLIII, 929.

лахъ наступилъ поворотъ, чрезвычайно неблагопріятный для папы Льва IX: войска его были разбиты норманнами недалеко отъ Чивителлы, и самъ онъ попалъ къ нимъ въ плѣнъ, причемъ, однако, побѣдители относились къ плѣннику съ подобающимъ почтеніемъ. Этотъ моментъ Керуларій нашелъ вполнѣ благопріятнымъ, чтобы начать свои рѣшительныя мѣропріятія противъ римской церкви, такъ какъ, съ разгромомъ папскаго войска, папа пересталъ быть такою политическою величиною, союзъ съ которою могъ бы считаться цѣннымъ для византійскаго правительства. А для самого патріарха союзъ этотъ былъ нежелателенъ, ибо, въ числѣ условій этого союза, должны были трактоваться вопросъ о признаніи всецерковной власти папы и о возвратѣ римской церкви обширныхъ имѣній, отобранныхъ у нея въ прежнія времена Львомъ Исавромъ и Никифоромъ Фокой. Мѣропріятія патріарха выразились: въ закрытіи латинскихъ церквей въ Константинополѣ, въ составленіи Львомъ, архіепископомъ охридскимъ, посланія на имя вышеупоминавшагося Іоанна Транскаго (успѣвшаго уже къ тому времени вернуться въ Италію) [1]) и, нѣсколько позднѣе, въ составленіи монахомъ Студійскаго монастыря Никитой Стиѳатомъ или Пекторатомъ полемическаго трактата противъ латынянъ.

Въ Константинополѣ существовали латинскія церкви для проживавшихъ тамъ латынянъ, подобно тому какъ въ Италіи и въ самомъ Римѣ существовали церкви и монастыри греческаго обряда. Такъ напр. въ началѣ XI в. король Стефанъ венгерскій основалъ, съ согласія императора Василія II, церковь во имя своего патрона Св. Стефана; амальфитанцы имѣли свою церковь; норманнская или варяжская императорская гвардія имѣла церковь даже вблизи Св. Софіи [2]). Закрывая латинскія церкви въ Кон-

---

[1]) См. Byzant. Geschichten Гфререра, III, 542. Проф. Скабалановичъ (Христ. Чт. 1885, I, 111) высказалъ другое, довольно невѣроятное, предположеніе, что Іоаннъ самъ же и привезъ съ собой изъ Константинополя посланіе на свое имя.

[2]) См. *Car. du Fresne du Cange*, Historia Byzantina.... Constantinopolis christiana, Lutetiae Parisiorum, 1580, lib. IV, p. 82—83; *Belin*, Histoire de l'Église latine de Constantinople, Paris, 1872, стр. 2 и сл.; *Bréhier*, 20 и 96; *Скабалановичъ* въ „Христ. Чт.“ 1884, II, 732—733.

стантинополѣ, патріархъ предписалъ всѣмъ латинскимъ священникамъ, аббатамъ и монахамъ слѣдовать греческимъ обрядамъ, угрожая имъ, въ случаѣ упорства, анаѳемою, какъ «азимитамъ», т.-е. безквасникамъ или опрѣсночникамъ. Римскіе легаты въ своей экскоммуникаціонной буллѣ или грамотѣ, положенной ими позднѣе на престолѣ Софійской церкви, констатируютъ фактъ растоптанія ногами латинскихъ освященныхъ Даровъ, при закрытіи латинскихъ церквей, патріаршимъ сакелларіемъ, на томъ основаніи, что латинскіе опрѣсноки не суть евхаристическіе Дары. Закрытіе состоялось въ 1053 г., безъ всякаго сомнѣнія, по приказу самого патріарха, безъ вѣдома императора. Предполагать императорское согласіе на это мѣропріятіе невозможно, въ виду всего дальнѣйшаго поведенія императора по отношенію къ папѣ и къ легатамъ вплоть до оставленія послѣдними столицы.

Патріархъ, державшій въ своихъ рукахъ, по выраженію Пселла, «дѣла божественныя и человѣческія», распорядился собственною властію. Но на литературно-полемическомъ поприщѣ онъ не рѣшился выступить самолично, предпочитая дѣйствовать черезъ другихъ лицъ, выборъ которыхъ сдѣланъ былъ не безъ тонкости и не безъ остроумія. Соль полемическаго посланія Льва охридскаго на имя Іоанна транскаго заключалась во-первыхъ въ томъ, что папы еще со времени соборовъ IX в. не переставали доказывать передъ императоромъ свои церковныя права на Болгарію, а теперь архіепископъ охридскій, т. е. болгарскій, сдѣлавшійся со времени Василія II Болгароктона подданнымъ византійскаго императора, и притомъ бывшій клирикъ и хартофилаксъ константинопольской великой церкви, пишетъ обличительное посланіе, обвиняющее римскую церковь въ ересяхъ, вовторыхъ въ томъ, что посланіе адресовано въ Траны къ тому самому епископу южной Италіи (Апуліи), котораго присылалъ Аргиръ въ Константинополь для переговоровъ. Посланіе не имѣло характера частной корреспонденціи, которая должна бы была содержаться въ секретѣ. Напротивъ въ немъ прямо было выражено, что оно предназначается для «всѣхъ франкскихъ архіереевъ и для самого достопочтеннаго папы»; адресату рекомендуется, прочитавъ посланіе нѣсколько разъ въ присутствіи своего народа и усвоивъ его содержаніе, переписать въ нѣсколькихъ экземплярахъ, чтобы «спасти свою

душу», и разослать ко всѣмъ архіереямъ Италіи, заклиная ихъ «исправиться». Заблужденія, которыя ставятся въ вину латинянамъ, и отъ которыхъ они приглашаются исправиться, суть: совершеніе Евхаристіи на опрѣснокахъ, соблюденіе субботняго поста во время четыредесятницы, употребленіе въ пищу удавленины, т. е. животныхъ, убитыхъ безъ пролитія крови, напримѣръ задохшихся въ силкахъ, и не пѣніе аллилуіи въ четыредесятницу. Іоанну транскому было нетрудно исполнить возлагавшееся на него порученіе, такъ какъ, въ моментъ полученія имъ константинопольскаго посланія, въ Транахъ находился кардиналъ Гумбертъ, можетъ быть потому, какъ предполагаетъ Гфререрь [1]), что уже въ то время Іоанну транскому въ Римѣ не довѣряли и слѣдили за нимъ. Адресатъ передалъ посланіе Гумберту, который, будучи знакомъ съ греческимъ языкомъ, перевелъ его на латинскій и препроводилъ къ папѣ Льву IX-му.

Другое полемическое произведеніе, какъ сказано, составлено было студійскимъ монахомъ Никитой, можетъ быть уже послѣ прибытія римскихъ легатовъ въ Константинополь, какъ говоритъ Вилль [2]). Почему патріархъ выдвинулъ этого полемиста, понять не трудно. Студійскій монастырь, болѣе чѣмъ какой нибудь другой, извѣстенъ былъ доселѣ своимъ традиціоннымъ тяготѣніемъ къ Риму, и если теперь монахъ именно Студійскаго монастыря выступаетъ противъ Рима, то тѣмъ самымъ Риму наносился, такъ сказать, двойной ударъ. Въ трактатѣ Никиты также на первомъ мѣстѣ стоятъ опрѣсноки, и потомъ еще затронуты два пункта: постъ въ субботу и безбрачіе духовенства. Аргументація Никиты по этимъ тремъ пунктамъ любопытна въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ легкость, съ которою могли сливаться и смѣшиваться, съ теченіемъ времени, историческіе факты. Никита ссылается на правила трулльскаго собора 692 г., называя этотъ соборъ шестымъ вселенскимъ и настолько смѣшивая оба собора, что трулльскій соборъ 692 г. считаетъ состоявшимся при Константинѣ Погонатѣ и папѣ Агаѳонѣ (изъ которыхъ ни того ни другаго не было въ живыхъ въ 692 г.), откуда дѣлаетъ потомъ такой выводъ:

---

[1]) Byz. Gesch. III, 542.

[2]) Acta et scripta, стр. 47.

если-де вы, латиняне, утверждаете, что ваши теперешніе обряды основываются на древнемъ апостольскомъ преданіи, то какъ же папа Агаѳонъ на шестомъ соборѣ не воспротивился установленію такихъ каноновъ, которыми осуждаются опрѣсноки, постъ въ субботу и безбрачіе духовенства? Въ то же время, довольно непослѣдовательно даже и съ точки зрѣнія византійца, называвшаго трулльскій соборъ 692 г. шестымъ вселенскимъ, Никита извлекаетъ разные аргументы противъ латинянъ изъ апостольскихъ постановленій, которыя этимъ самымъ соборомъ 692 г. были осуждены, съ воспрещеніемъ употребленія ихъ въ церкви. Съ внѣшней стороны трактатъ Никиты написанъ сдержанно, безъ полемическаго задора; Никита называетъ даже римскихъ легатовъ «римлянами, мудрѣйшими и благороднѣйшими изъ всѣхъ народовъ» (omnium gentium sapientissimi ac nobilisimi romani) [1]). Однако, по поводу трактуемыхъ имъ «ужасныхъ пороковъ» (horribiles infirmitates) латинянъ, онъ примѣняетъ къ нимъ слова апостоловъ: объ антихристахъ, которые «отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ» (1 Іоан. II, 18), «о псахъ и злыхъ дѣлателяхъ» (Филип. III, 2), о «духахъ лестчихъ и ученіяхъ бѣсовскихъ», о «лицемѣрныхъ лжесловесникахъ», сожженныхъ въ своей совѣсти, возбраняющихъ жениться и употреблять «брашна, яже Богъ сотвори въ снѣденіе съ благодареніемъ» (1 Тим. IV, 1—3), о «внимающихъ іудейскимъ баснямъ и заповѣдямъ человѣкъ, отвращающихся отъ истины» (Тит. I, 14).

Итакъ, въ обѣихъ полемическихъ, или даже, можно сказать, оффиціально—обвинительныхъ статьяхъ противъ Рима, ничѣмъ на этотъ разъ не вызванныхъ со стороны Рима, важнѣйшая латинская разность—ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына не упоминается; изъ обвиненій, выдвинутыхъ нѣкогда патріархомъ Фотіемъ, упоминаются только постъ въ субботу и латинскій взглядъ на бракъ духовенства; остальные пункты (оффиціально покрайней мѣрѣ) выставляются въ первый разъ, и, въ полномъ соотвѣтствіи образу дѣйствій патріарха по отношенію къ Аргиру

[1]) Трактатъ Никиты изданъ только на латинскомъ языкѣ, хотя, по словамъ Димитракопуло (Ἱστορία τοῦ σχίσματος τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας ἀπὸ τῆς ὀρθοδόξου ἑλληνικῆς, 1867, стр. 21 и сл.), онъ имѣется и на греческомъ языкѣ.

и къ константинопольскимъ церквамъ «азимитовъ», на первый планъ выдвигаются опрѣсноки. Въ виду того, что существуютъ вѣскія основанія предполагать возбужденіе въ греческой полемической литературѣ вопроса объ опрѣснокахъ раньше времени патріарха Михаила Керуларія, напримѣръ, писанное на греческомъ языкѣ произведеніе русскаго митрополита Леонтія († 1008) [1]), нельзя думать, что желаніе быть оригинальнымъ руководило Керуларіемъ въ предъявленіи новаго обвинительнаго пункта, доселѣ не замѣчавшагося съ греческой стороны, хотя, въ видѣ прямого обращенія къ западной іерархіи и подъ прямою инспираціей со стороны константинопольскаго церковнаго правительства, вопросъ объ опрѣснокахъ, конечно, никогда до сихъ поръ не возбуждался. Но спрашивается, почему же опрѣсноки получили первостепенное значеніе въ разсмотрѣнныхъ нами документахъ? Г. Скабалановичъ не допускаетъ мысли, чтобы Михаилъ Керуларій не понималъ различія между догматомъ и обрядомъ [2]), и въ то же время ничѣмъ не доказалъ, что патріархъ дѣйствительно понималъ таковое. Для грековъ вообще вопросы культа имѣли огромную важность, и даже относительно высокообразованнаго патріарха Фотія нельзя отрицать, что латинскія обрядовыя разности онъ ставитъ въ своей энцикликѣ наряду съ ученіемъ о Св. Духѣ и даже не съ этого послѣдняго начинаетъ, а напротивъ имъ заканчиваетъ исчисленіе латинскихъ заблужденій. Еще вѣдь и гораздо раньше Фотія трулльскій соборъ 692 г. хотѣлъ наложить на западъ греческій обрядъ, между тѣмъ какъ на западѣ никто не думалъ налагать на греческій востокъ латинскій обрядъ. Если Керуларій неоднократно отлучалъ отъ причащенія изъ-за опрѣсноковъ, если латинскія церкви въ Константинополѣ закрыты были именно какъ церкви «азимитовъ», если наконецъ въ посланіи Льва охридскаго западная іерархія приглашалась исправиться, т. е. принять греческій обрядъ, если желаетъ спасти свои души, то все это можетъ свидѣтельствовать лишь о первостепенной важности, которую придавалъ Керуларій вопросу объ опрѣснокахъ. Г. Скабалановичъ невѣроятнымъ образомъ объяснилъ неоднократное

---

[1]) См. *Павловъ*, Критическіе опыты, стр. 26 и сл.

[2]) Христ. Чт. 1884, II, 737.

отлученіе патріархомъ Аргира: Аргиръ-де хулилъ греческій обрядъ совершенія Евхаристіи на кисломъ хлѣбѣ и старался пропагандировать въ Константинополѣ латинскіе опрѣсноки, даже требовалъ, чтобы и въ греческомъ храмѣ его причащали опрѣсноками! [1]) Аргиръ, насколько личность его выясняется намъ изъ историческихъ документовъ, былъ умнымъ дипломатомъ, а не человѣкомъ о двухъ головахъ, который, зная приверженность грековъ къ обрядамъ, рѣшился бы прать противъ рожна, пропагандировать въ самомъ Константинополѣ латинскіе опрѣсноки вмѣсто кислаго хлѣба,—мало того, даже требовать, чтобы спеціально для него доставлена была возможность причащаться въ греческой церкви опрѣсноками. Болѣе естественно предположить, какъ и выше было замѣчено, что патріархъ, при личныхъ разговорахъ съ Аргиромъ, нападалъ на опрѣсноки, а Аргиръ защищалъ латинскую практику, и когда, присутствуя при богослуженіи въ Софійской церкви, желалъ, вмѣстѣ съ другими, приступить къ греческой Евхаристіи, патріархъ отстранялъ его.

Нѣкоторые другіе ученые, допуская въ принципѣ, что патріархъ ясно представлялъ себѣ различіе между догматомъ и обрядомъ, объясняютъ предъявленіе имъ обвиненія противъ латинянъ по поводу опрѣсноковъ и опущеніе ученія латинянъ о Св. Духѣ или тѣмъ, что важнѣйшій аргументъ онъ приберегалъ къ концу [2]), или тѣмъ, что патріархъ хорошо зналъ народную массу,—зналъ, что ее не такъ легко разшевелить отвлеченными догматами, какъ вопросами обряда, тѣмъ болѣе такую массу, въ которой всѣ акты жизни политической, гражданской и индивидуальной были подчинены строгому этикету, не щадившему ни ранговъ, ни классовъ, и для которой всѣ, кто не соблюдалъ обрядовъ религіозныхъ и гражданскихъ, представлялись варварами, тѣмъ болѣе обрядовъ,

---

[1]) Христ. Чт. 1884, II, 742.

[2]) *Gfrorer*, o. c. III, 558—559. Керуларій дѣйствительно потомъ упоминаетъ объ исхожденіи Св. Духа, но не въ какомъ-либо документѣ, обращенномъ къ западу, а въ посланіи къ Петру антіохійскому, и притомъ въ числѣ многихъ другихъ, даже мелочныхъ пунктовъ (какъ брадобритіе, ношеніе епископами колецъ на рукахъ).

соединенныхъ съ важнѣйшимъ церковнымъ священнодѣйствіемъ[1]). Между тѣмъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Керуларій и въ самомъ дѣлѣ выдвигалъ противъ латинянъ такое оружіе, которое ему казалось наиболѣе сокрушительнымъ, и что патріархъ Петръ антіохійскій, лично, какъ мы увидимъ, имѣвшій болѣе просвѣщенный взглядъ на религіозныя разности запада, чѣмъ Керуларій, совершенно серьезно писалъ Доминику градо-венеціанскому: константинопольскій патріархъ не считаетъ латинянъ за κακοδόξους, а считаетъ ихъ православными, *хромающими лишь въ одномъ пунктѣ*—въ отношеніи къ опрѣснокамъ (Ἐνὶ δὲ μόνῳ τούτῳ σκάζοντας, τῇ τῶν ἀζύμων ἀναφορᾷ) [2]). Пселлъ въ своей обвинительной рѣчи аттестуетъ Керуларія такъ, что въ послѣднемъ дѣйствительно нельзя и заподозрить болѣе просвѣщеннаго религіознаго взгляда сравнительно съ массою: онъ не интересовался философіей и реторикой, не читалъ божественныхъ произведеній и никогда не раскрывалъ книги, не зналъ нашихъ догматовъ, не зналъ чему поклоняется; никто никогда не видѣлъ, чтобы онъ читалъ соборные каноны и постановленія отцовъ церкви,—вмѣсто всего этого онъ занимался астрологіей и алхиміей, проводя все время съ двумя хіосскими монахами-шарлатанами Никитой и Іоанномъ и съ ихъ пророчицей Досиѳеей, занимаясь ими безпрестанно, при выходахъ, при входахъ, куда бы онъ ни пошелъ, откуда бы ни выходилъ,—въ храмахъ, во время жертвоприношенія, вездѣ [3]). Въ этой аттестаціи, безъ сомнѣнія, краски сгущены, но что знаменитый патріархъ мало читалъ и мало зналъ, это доказывается и тою грубою историческою ошибкою, которая была имъ допущена въ посланіи къ Петру антіохійскому, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Константинопольскій патріархъ, вступая въ борьбу съ римскою церковью, выразившуюся въ извѣстныхъ уже намъ мѣропріятіяхъ, услышалъ, что патріархъ антіохійскій вступилъ въ корреспонденцію съ Римомъ. Патріархъ Петръ, согласно древне-

---

[1]) *Bréhier*, 146.

[2]) *Migne*, Patr. gr. t. 120, см. посл. Петра къ Доминику, стр. 761.

[3]) *Безобразовъ*, Матеріалы для исторіи визант. имперіи (Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 265, Спб. 1889, стр. 71 и сл).

му церковному обычаю, препроводилъ къ римскому папѣ извѣстительную грамоту о своемъ вступленіи на патріаршую каѳедру. Антіохія, въ теченіе долгаго времени находившаяся подъ властію невѣрныхъ, со времени Никифора Фоки была отвоевана и присоединена къ византійской имперіи, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи Гфререра [1]), что Петръ антіохійскій вспомнилъ объ этомъ древнемъ обычаѣ по знаку, сдѣланному изъ Константинополя отъ Константина Мономаха, которому непримиримый образъ мыслей Керуларія по отношенію къ Риму былъ небезызвѣстенъ, и который тѣмъ не менѣе старался укрѣпить почву для своей примирительной политики. Керуларій напротивъ постарался привлечь Петра на свою сторону; отсюда объясняется его посланіе къ Петру антіохійскому, безъ какого либо вызова или повода со стороны этого послѣдняго. Но такъ какъ посланіе это написано было константинопольскимъ патріархомъ уже по прибытіи въ столицу римскихъ легатовъ, то, мы, чтобы не забѣгать впередъ, посмотримъ сначала. какія мѣры были приняты съ латинской стороны противъ нападенія Керуларія.

Ознакомившись съ содержаніемъ посланія Льва охридскаго по переводу Гумберта, папа очень хорошо понялъ, кто иниціаторъ посланія и куда онъ мѣтитъ. Керуларій вѣдь въ самомъ дѣлѣ не только не допускалъ мысли о какомъ либо высшемъ положеніи папы въ церкви, но изрекалъ судъ надъ латинскою церковью, приглашая ее исправиться. Въ концѣ отвѣтнаго посланія Льва Керуларію есть ясное указаніе на то, что папа имѣлъ въ виду составить, а можетъ быть и дѣйствительно составилъ опроверженіе, по существу, тѣхъ обвиненій, которыя возведены были на римскую церковь [2]); но въ самомъ посланіи въ томъ видѣ,

---

[1]) Byz. Gesh. III, 559.

[2]) n. 40: „Sed quia jam nunc videmur digressi modum epistolae, alio exordio censuimus respondere vestrae calumniae... Inter haec dirigimus vestris cavillationibus refragantia venerabilium patrum nostrorum aliqua super his scripta; deinde ut Deus inspirabit, nostra rescripta, quatenus multipliciter vestra retundantur et retro ferantur iacula, et quem non vultis feriant. Nam si vos non erubescitis nec timetis de loquacitate, nos non tantum erubescere, quantum timere debemus de taciturnitate, quia de nostra multorum pendent animae, quae falsis fratribus calumniantibus et nobis tacentibus habent perire (стр. 768—769 у Миня).

въ какомъ оно дошло до насъ, папа не вдается ни въ какую аргументацію въ пользу римскихъ обрядовъ. Папа удивляется невѣроятной дерзости, съ которою константинопольскій епископъ и Левъ охридскій бросили въ глаза латинянамъ обвиненіе въ неправильномъ употребленіи опрѣсноковъ, и уподобляетъ эту дерзость дерзости дракона, увлекшаго съ собою третью часть звѣздъ съ неба на землю. Церковь римская, разсуждаетъ папа, существуетъ болѣе 1000 лѣтъ со времени страданія Спасителя, и вдругъ оказывается, что Отецъ, Иже на небесахъ, утаилъ отъ ікнязя апостоловъ Петра культъ или обрядъ видимой жертвы,— отъ того самаго Петра, которому Христосъ, Сынъ Бога живаго, сказалъ: «блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ, потому что, не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ», и на которомъ Христосъ основалъ церковь съ обѣщаніемъ, что врата адовы не одолѣютъ ея, — о которомъ Христосъ молился, чтобы не оскудѣла вѣра его, которому онъ поручилъ пасеніе овецъ своихъ, и котораго удостоилъ своимъ особымъ явленіемъ въ день воскресенія,—по предложенію котораго восполнено число 12 апостоловъ, который первый выступилъ съ проповѣдью удеямъ и первый же удостоился видѣнія относительно принятія въ церковь язычниковъ. Папа сравниваетъ римскую церковь съ греческою, обуревавшеюся разными ересями, и въ частности съ константинопольскою. Сколько ересей было задушено римскою церковью, восклицаетъ папа! Евсевій, Македоній, Евдоксій, Демофилъ, Максимъ — цинікъ и аполлинаристъ, Несторій, Евтихій Акакій, Анѳимъ, гордецъ Іоаннъ, называвшій себя вселенскимъ, моноѳелиты Пирръ, Сергій, Киръ и Павелъ, — все это еретики константинопольскіе, отъ ересей которыхъ христіанство спасено римскою церковью. Еще Константинъ съ Сильвестромъ провозгласили: первая каѳедра не подлежитъ ничьему суду (prima sedes a nemine iudicetur). Папа извлекаетъ далѣе свое полемическое оружіе изъ сборника лжесидоровскихъ декреталовъ, въ которомъ главенство римской церкви представляется утвержденнымъ вселенскими соборами, и воспроизводитъ текстъ подложнаго дарственнаго акта Константина В. Сильвестру, затѣмъ выражаетъ сомнѣніе въ справедливости слуховъ, что когда-то будто бы на константинопольскую каѳедру была возведена женщина, укоряетъ

константинопольскихъ патріарховъ за ношеніе ими гордаго титула: «вселенскій патріархъ», а Керуларія въ частности еще за дефектъ въ его посвященіи [1]) и за отнятіе у латинянъ ихъ церквей и монастырей, ставя на видъ патріарху, что римская церковь дозволяетъ свободное существованіе и внутри, и внѣ Рима греческихъ церквей и монастырей, и не только никому не мѣшаетъ оставаться при своихъ отеческихъ преданіяхъ и обычаяхъ, а даже увѣщаваетъ и побуждаетъ къ этому, зная, что никакого вреда спасенію вѣрующихъ не приносятъ различные по времени и мѣсту обычаи при единствѣ вѣры.

Отправлено ли было и дошло ли по адресу это папское посланіе,—вопросъ спорный по мнѣнію Гергенретера [2]), безусловно отрицательно разрѣшаемый Лангеномъ [3]), скорѣе утвердительно, чѣмъ отрицательно разрѣшаемый покойнымъ профессоромъ Павловымъ [4]). Послѣдній изъ названныхъ ученыхъ предполагаетъ именно, что посланіе Льва IX къ Керуларію во всякомъ случаѣ дошло до Константинополя, хотя бы и съ опозданіемъ и непрямымъ путемъ, т. е. неоффиціально, не съ легатами, а частнымъ образомъ черезъ кого-нибудь изъ италійскихъ грековъ, хотя бы, напримѣръ, черезъ упоминавшагося выше Іоанна транскаго. Два факта во всякомъ случаѣ не подлежатъ сомнѣнію: 1) что древнѣйшая греческая редакція константинова даренія, сдѣлавшаяся извѣстною на востокѣ и воспроизведенная во второй половинѣ XII в. Вальсамономъ въ его комментаріѣ къ I гл. VIII титула номоканона, сходна съ тою латинскою редакціей, которая читается въ посланіи Льва къ Керуларію; 2) что, по историческимъ свидѣтельствамъ, Керуларій пытался обратить въ свою пользу содержаніе этого дарственнаго акта,—значитъ этотъ актъ не остался неизвѣстнымъ для него. Брейе [5]) считаетъ несомнѣннымъ, что посланіе своевременно дошло до Константинополя и произвело

---

[1]) См. выше въ первой главѣ стр. 11.

[2]) Photius, III, 738.

[3]) *Langen*, Geschichte der romischen Kirche von Nicolaus I, Bonn, 1892, стр. 475.

[4]) Сборникъ неизданныхъ памятниковъ визант. церк. права. Спб. 1898, стр. 61—62.

[5]) *Bréhier*, 100—104.

сильный эффектъ. Изъ двухъ дальнѣйшихъ посланій Льва IX въ Константинополь къ императору и къ архіепископу Михаилу (о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь) видно, что въ восточной столицѣ свершилось нѣчто такое, что̀ произвело перемѣну въ настроеніи Керуларія, что императоръ представляется виновникомъ этой перемѣны, такъ какъ ему усвояется честь «примиренія» между обѣими церквами, и что перемѣна выразилась даже въ отправкѣ примирительнаго посланія Керуларіемъ въ Римъ, которое писалъ теперь уже онъ самъ отъ своего имени, а не черезъ подставныхъ лицъ. Посланіе Керуларія не дошло до насъ, но о примирительномъ его тонѣ говорится въ посланіи къ нему Льва IX, да и самъ Керуларій въ посланіи къ Петру антіохійскому явственно говоритъ, что, наслышавшись о «добродѣтели, благородствѣ и просвѣщенности» римскаго епископа, онъ послалъ ему письмо, полное умѣренности и вниманія къ его интересамъ. Надо думать, что императоръ, недовольный самовольными дѣйствіями патріарха по закрытію латинскихъ церквей въ Константинополѣ и приведенный въ еще большее раздраженіе, когда сдѣлалось ему извѣстно содержаніе посланія Льва охридскаго и произведенное имъ впечатлѣніе на западѣ, проявилъ необычную энергію и поговорилъ сильно съ патріархомъ. Не невѣроятно, что и Аргиръ, пришедшій въ ужасъ отъ всего случившагося,—такъ какъ все имъ сдѣланное доселѣ въ пользу союза Италіи съ Византіей разсыпалось въ прахъ,—ибо какимъ образомъ онъ могъ бы располагать италовъ къ союзу съ Византіей послѣ всего случившагося?—принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы византійское правительство расположило патріарха къ болѣе примирительнымъ мыслямъ. Не невозможно даже и то, что, для умиротворенія патріарха, со стороны императора и Аргира было обѣщано, что, какъ скоро вопросъ о союзѣ станетъ на почву правильныхъ переговоровъ, отъ римскаго епископа можно будетъ добиться того, чего не удалось добиться Евстаѳію при Іоаннѣ XIX, т. е. признанія константинопольскаго патріарха равноправнымъ римскому главою востока. Въ отвѣтномъ посланіи папы къ Керуларію есть, между прочимъ, такое мѣсто: «ты писалъ намъ, что если бы римская церковь черезъ наше посредство приняла твое имя, то наше имя черезъ твое посредство было бы принято во всей вселенной,—не чудовищно

ли это, любезнѣйшій братъ? Церковь римская, глава и мать церквей, не будетъ имѣть членовъ и дочерей? И какъ же можетъ она тогда называться главою или матерью?» [1]) Видно, что Керулярій ожидалъ установленія такого отношенія Константинополя къ Риму, при которомъ церковь константинопольская не считалась бы членомъ и дочерью римской, какъ главы и матери, а признавалась бы со стороны Рима такою же главою и матерью для востока, и, въ случаѣ исполненія этого ожиданія, готовъ былъ (несмотря и на опрѣсноки и проч.) прославить римскую церковь во всей вселенной, т.-е. возносить имя папы, какъ старѣйшаго іерарха, на всемъ пространствѣ греческой οἰκουμένη до крайнихъ предѣловъ востока. Но папа не обнаружилъ никакой склонности къ удовлетворенію желанія патріарха. Похваливъ его въ началѣ (второго) своего посланія за примирительный и уступчивый тонъ, онъ говоритъ далѣе о неканоническомъ его возведеніи изъ мірянъ въ епископы, о честолюбіи, которое побуждаетъ его лишить александрійскаго и антіохійскаго патріарховъ ихъ древнихъ привилегій и подчинить ихъ своей власти, о святотатственной узурпаціи, выражающейся въ томъ, что онъ вездѣ, и на словахъ, и на письмѣ, называетъ себя вселенскимъ патріархомъ, ибо даже и апостолъ Петръ не называлъ себя universalis apostolus, а папа Левъ, хотя и былъ предложенъ ему этотъ титулъ, отказался отъ него [2]). Посланіе императора къ папѣ, такъ же какъ и посланіе

---

[1]) „Scripsisti siquidem nobis, quoniam si una ecclesia romana per nos haberet nomen tuum, omnes ecclesiae in toto orbe terrarum haberent per te nomen nostrum. Quid hoc monstri est, frater carissime? Romana ecclesia, caput et mater ecclesiarum, membra et filias non habet? Et quomodo potest dici caput aut mater?“ *Migne*, Patrol. lat. CXLIII, p. 776.

[2]) Еще раньше Льва IX Григорій Великій говорилъ, что соборъ халкидонскій папѣ Льву I предложилъ титулъ вселенскаго патріарха, и что онъ отклонилъ этотъ титулъ, между тѣмъ какъ въ актахъ соборныхъ засѣданій ничего подобнаго не усматривается. *Гефеле* (Conciliengeschichte, II, 544—545) объясняетъ возникновеніе на западѣ этого исторически-невѣрнаго представленія изъ подписей и надписаній. Папскіе легаты подписывались: „vicarii apostolici universalis ecclesiae rapae“. Греки перевели эту подпись: οἰκουμενικῆς ἐκκλησίας ἐπισκόπου=universae ecclesiae episcopi. Далѣе въ 3-мъ засѣданіи халкид. собора заслушаны были нѣкоторыя прошенія, въ надписаніяхъ которыхъ Левъ В. титуловался „вселенскимъ архіепископомъ и патріархомъ великаго Рима“.

Керуларія, не дошло до насъ, а въ отвѣтномъ посланіи папы императоръ восхваляется за благочестіе и за умиротвореніе церквей, какъ соименникъ и преемникъ Константина Великаго. Папа проситъ и увѣщаваетъ императора возвратить и утвердить тѣ привилегіи, которыя нѣкогда были дарованы римской церкви великимъ Константиномъ [1]), просить о возвращеніи патримоній римской церкви, находящихся въ территоріи восточной имперіи, жалуется на патріарха, открывшаго гоненіе на латинскую церковь и не убоявшагося анаѳематствовать всѣхъ принимающихъ таинство на опрѣснокахъ, стремящагося притомъ же лишить другихъ восточныхъ патріарховъ ихъ древняго достоинства [2]). Папа не могъ забыть и про Петра антіохійскаго, который, назадъ тому нѣсколько времени, обратился къ нему съ общительнымъ посланіемъ. Похваливъ Петра за его почтеніе къ апостольскому престолу и напомнивъ, что римская церковь съ апостольскимъ престоломъ есть глава, къ которой должны поступать важнѣйшія и труднѣйшія дѣла всѣхъ церквей, папа убѣждаетъ Петра отстаивать достоинство своей церкви, какъ занимающей третій рангъ, и излагаетъ свое исповѣданіе вѣры съ Filioque. Мало того, безъ сомнѣнія, по иниціативѣ папы, обратился съ посланіемъ къ тому же Петру венеціанскій архіепископъ Доминикъ. Повидимому, папа надѣялся, какъ говоритъ Гфрёреръ [3]), что откровенное заявленіе антіохійца расположитъ Керуларія къ уступчивости, а почему именно Доминикъ выбранъ папой для корреспонденціи съ Антіохіей, объясняется во-первыхъ тѣмъ, что папа оказалъ передъ этимъ нѣкоторыя услуги и каѳедрѣ венеціанской, и самому вене-

---

[1]) А по т. н. дарственному акту Константина В. папа долженъ имѣть высшую юрисдикцію надъ патріархами александрійскимъ, антіохійскимъ, іерусалимскимъ и константинопольскимъ.

[2]) Защита равноправности другихъ восточныхъ патріарховъ съ константинопольскимъ, и даже признаніе за ними высшаго ранга сравнительно съ послѣднимъ, особенно за александрійскимъ и антіохійскимъ, каѳедры которыхъ производимы были отъ апостола Петра, была традиціонною политикою римской церкви съ того самаго времени, когда, силою обстоятельствъ и благодаря императорской политикѣ, сталъ возвышаться епископъ константинопольскій, т.-е. со времени II вселенскаго собора 381 г.

[3]) Byz. Gesch. III, 555—556.

ціанскому правительству, слѣдовательно имѣлъ право разсчитывать на благодарность Доминика, который самъ принадлежалъ къ знатнѣйшей фамили Венеціи, и во-вторыхъ тѣмъ, что имецно венеціанцы поддерживали живыя торговыя сношенія съ Сиріей. Доминикъ, назвавъ себя «патріархомъ» В енеціи, (что̀ какъ мы увидимъ, подало поводъ антіохійцу прочитать ему урокъ), защищаетъ въ своемъ посланіи римскую церковь отъ сдѣланнаго на нее нападенія по поводу опрѣсноковъ.

Такимъ образомъ, если папа готовъ былъ прославлять императора, какъ соименника и преемника Константина В., то онъ не обнаружилъ въ тоже время ни малѣйшаго желанія сдѣлать какія-либо уступки патріарху. Въ этомъ духѣ составлены были посланія папы, въ этомъ же духѣ должны были дѣйствовать и легаты, отправленные въ Константинополь съ этими посланіями и вмѣстѣ съ спеціальною миссіей уладить всѣ спорные пункты. Легаты посланы были къ императору, а не къ императору и патріарху: въ посланіи папы къ патріарху о нихъ не говорится ни одного слова, тогда какъ въ посланіи къ императору называются ихъ имена, и сами они рекомендуются благосклонному вниманію и покровительству императора. Ихъ было трое: извѣстный уже намъ кардиналъ Гумбертъ, канцлеръ римской церкви (родственникъ германскаго императора Генриха III) Фридрихъ и амальфитанскій архіепископъ Петръ, который, по какимъ-то причинамъ, оставилъ свою архіепископію и проживалъ въ Римѣ, пользуясь близостію и довѣріемъ папы Льва IX. Императоръ принялъ легатовъ съ подобающею честію и отвелъ имъ помѣщеніе во дворцѣ «Источника» (Πήγη). Какъ видно изъ словъ самого Керуларія въ посланіи его къ Петру антіохійскому, свиданіе константинопольскаго патріарха съ легатами состоялось всего только однажды, и, какъ увидимъ ниже, при изложеніи содержанія этого посланія, на этомъ первомъ и единственномъ свиданіи съ очевидностію выяснилось, что ни о какомъ мирномъ соглашеніи легатовъ съ патріархомъ не можетъ быть рѣчи. Поэтому, вмѣсто мирныхъ переговоровъ, легаты открыли оборонительно-наступательную компанію противъ сдѣланнаго на римскую церковь въ посланіи Льва охридскаго нападенія. Кардиналомъ Гумбертомъ, безъ сомнѣнія съ вѣдома и согласія Константина Мономаха, составленъ былъ діалогъ между Romanus и

Constantinopolitanus. Въ этой диспутаціи сначала воспроизводится текстъ посланія Льва охридскаго, которое прямо озаглавлено: *Michaël*, universalis patriarcha novae Romae, *et Leo* archiepiscopus Acridae metropolis Bulgarorum dilecto fratri Ioanni Tranensi episcopo». Въ длинномъ рядѣ пунктовъ римлянинъ разбиваетъ посланіе, начиная съ предисловія, при чемъ само собою разумѣется, наиболѣе мѣста отведено опрѣснокамъ, а разбивши обвинительные пункты, римлянинъ въ свою очередь укоряетъ грековъ за разные ихъ обряды и обычаи, напримѣръ, за то, что запачканный совокупленіемъ съ женой приступаетъ къ служенію алтаря, женщинамъ, опасно заболѣвающимъ при родахъ или во время менструаціи, отказывается въ причащеніи, а младенцы, умирающіе раньше 8-го дня, обрекаются на вѣчныя мученія, такъ какъ раньше восьми дней они не допускаются къ крещенію и т. д. Въ заключеніе азартный полемистъ угрожаетъ грекамъ за всѣ эти и другія неправильности, которыя долго бы было перечислять, въ случаѣ нераскаянности, безповоротною анаѳемой, въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ, отъ Бога и отъ всѣхъ католиковъ, за которыхъ Христосъ положилъ свою душу.—Точка зрѣнія, какъ видимъ, нисколько не лучшая, чѣмъ та, на которой стояли составители посланія Льва охридскаго.

Тотчасъ же затѣмъ пришлось Гумберту отвѣчать на выше упоминавшійся трактатъ Никиты Стиѳата, который вѣроятно составленъ былъ по прибытіи легатовъ въ Константинополь, а можетъ быть и раньше. Отповѣдь Гумберта на этотъ полемическій трактатъ рѣшительно поражаетъ своею несдержанностью. Гумбертъ начинаетъ свою «responsio sive contradictio» съ того, что если бы Никита прочиталъ внимательно 4-й канонъ халкидонскаго собора, то удовольствовался бы монашескимъ покоемъ, молитвой и постомъ въ монастырѣ, не вмѣшиваясь въ церковныя дѣла. Нарушивъ же постановленіе собора, онъ этимъ самымъ соборомъ и отлученъ за свои грѣхи. Никита, глупѣйшій осла (stultior asino), вздумалъ сокрушить чело льва, адамантовую твердыню; онъ—не пресвитеръ, а застарѣвшій въ злобѣ 100-лѣтній мальчишка, скорѣе Эпикуръ, чѣмъ монахъ, которому умѣстно жить скорѣе въ амфитеатрѣ или въ люпанарѣ, чѣмъ въ монастырѣ (это по поводу нападенія Никиты на безбрачіе латинскаго духовенства). Самое

прозвище Никиты «Пекторатъ» указываетъ на то, что онъ на груди своей (super pectus) носитъ древняго змія. Въ своемъ трактатѣ противъ латинянъ Никита не лучше развращенныхъ и бѣшеныхъ собакъ (perversis et rabiosis canibus) Юліана и Порфирія. Никита—еретикъ вмѣстѣ съ его соучастниками Михаиломъ Керуларіемъ и Львомъ охридскимъ; Никита—ругатель, излагающій, по діавольскому внушенію, заразительное ученіе (pestiferam doctrinam diabolica suggestione). Подобными комплиментами Гумбертъ постоянно пересыпаетъ свою рѣчь, когда опровергаетъ, по существу, ученіе Никиты объ опрѣснокахъ и кисломъ хлѣбѣ. По существу, Гумбертъ въ состояніи былъ изобличить Никиту въ невѣжествѣ, по поводу приписанія шестому вселенскому собору и папѣ Агаѳону того, чего они не постановляли, ибо шестой соборъ былъ созванъ для ниспроверженія ереси моноѳелитовъ, а не для навязыванія римлянамъ новыхъ учрежденій. Но Гумбертъ дѣлаетъ ссылку на акты шестого собора, не оправдываемую содержаніемъ этихъ актовъ, будто бы императору Константину Погонату на шестомъ соборѣ была заявлена римская традиція относительно опрѣсноковъ.

Съ аргументаціей Никиты, основанною на апостольскихъ постановленіяхъ, Гумбертъ справляется успѣшно, говоря, что книги якобы Климента и каноны якобы апостоловъ суть апокрифы, и что только 50 правилъ изъ нихъ принимаются церковью. Никита—вѣроломный навозникъ (perfidus stercorianista), поскольку онъ отстаиваетъ бракъ священниковъ, и николаитъ, такъ какъ бракъ священниковъ будто бы происходитъ отъ ересіарха діакона Николая,—это не бракъ, а прелюбодѣяніе. Римская церковь, основанная первымъ апостоломъ на краеугольномъ камнѣ Христѣ, всегда была чужда этой, какъ и другихъ ересей, свойственныхъ лишь той церкви, которую повредилъ Арій, осквернилъ Македоній, которая породила такихъ змѣй, какъ Несторій, Евтихій, моноѳелиты, теопасхиты и проч. Заключеніе такое: жалкій Никита, пока не исправится, да будетъ анаѳема, вмѣстѣ со всѣми упорствующими въ его превратномъ ученіи; желающій, по глупости своей, быть учителемъ, онъ не понимаетъ того, чему учитъ и что̀ утверждаетъ, и пусть лучше изучаетъ науку молчанія тотъ, кто никогда не учился говорить.—Такъ какъ ни въ посланіи

Льва охридскаго, ни въ трактатѣ Никиты латинское ученіе объ исхожденіи Св. Духа не было затронуто, то и Гумберту не пришлось полемизировать и аргументировать по этому пункту, который слѣдовательно въ полемикѣ, предшествующей окончательному раздѣленію церквей остался въ сторонѣ, и если потомъ Керуларій упоминаетъ о немъ въ посланіи къ Петру антіохійскому, а равно и этотъ послѣдній въ отвѣтномъ посланіи къ Керуларію (при чемъ оба они, какъ мы увидимъ, смотрятъ неодинаково на этотъ пунктъ), то, во всякомъ случаѣ, латинянамъ не пришлось опровергать восточное ученіе и защищать свое собственное.

Эффектъ отповѣди Гумберта Никитѣ былъ довольно замѣчательный. Іюня 24-го 1054 г. императоръ, со всѣмъ дворомъ и съ легатами, посѣтилъ Студійскій монастырь, въ которомъ жилъ Никита, и послѣдній призналъ себя изобличеннымъ, произнесъ анаѳему на свою книгу и на всѣхъ хулителей римской церкви и самую книгу сжегъ. А на другой день Никита посѣтилъ легатовъ во дворцѣ, въ которомъ они проживали, и, принятый ими дружелюбно, возобновилъ свои анаѳемы на хулителей римской церкви, такъ что легаты приняли его въ свое общеніе, и онъ сдѣлался ихъ «другомъ». Такъ разсказываетъ кардиналъ Гумбертъ въ своемъ отчетѣ о путешествіи. Димитракопуло оспариваетъ этотъ фактъ на томъ основаніи, что трактатъ Никиты уцѣлѣлъ въ рукописяхъ и, стало быть, не былъ сожженъ, *ergo* Гумбертъ выдумалъ небывалый фактъ. Но трактатъ, еще раньше личныхъ объясненій Никиты съ легатами, былъ, безъ сомнѣнія, распространенъ въ копіяхъ,—для того вѣдь онъ и составлялся, чтобы дать ему распространеніе. А затѣмъ и самъ Никита могъ оставаться «другомъ» легатовъ лишь на короткое время, пока легаты находились въ столицѣ подъ покровительствомъ императора: когда же побѣда осталась за патріархомъ, безъ сомнѣнія, онъ поспѣшилъ загладить свою вину передъ нимъ и возстановить текстъ своего трактата, даже если бы сожженный экземпляръ былъ единственнымъ, существовавшимъ въ тотъ моментъ [1]). Что Никита скоро пересталъ

---

[1]) Гергенретеръ (III, 741) предполагаетъ, что сочиненіе Никиты успѣло получить распространеніе даже въ Италіи, въ то время еще, пока легаты находились въ Константинополѣ.

быть «другомъ легатовъ», объ этомъ хорошо говорятъ его новыя полемическія произведенія о Св. Духѣ противъ латинянъ и объ опрѣснокахъ противъ армянъ. Такимъ образомъ, не имѣя основанія подвергать сомнѣнію правдивость разсказываемаго Гумбертомъ факта, мы можемъ представить себѣ, насколько уязвленнымъ чувствовалъ себя патріархъ при пораженіи и отступничествѣ своего союзника, который доведенъ былъ до необходимости произнести анаѳему и своему произведенію, и всѣмъ хулителямъ римской церкви. Это было не въ бровь, а прямо въ глазъ патріарху, который самъ именно и былъ иниціаторомъ и инспираторомъ этихъ «хуленій».

Выше было упомянуто, что патріархъ Михаилъ Керуларій, извѣстившись о перепискѣ Петра антіохійскаго съ папой (и съ Доминикомъ венеціанскимъ), счелъ нужнымъ принять мѣры къ тому, чтобы отвратить симпатіи Петра отъ запада и привлечь его на свою сторону. Справедливость требуетъ сказать, что посланіе Керуларія къ Петру бросаетъ неблагопріятный свѣтъ на константинопольскаго патріарха, и что греческій историкъ Димитракопуло, излагающій исторію раздѣленія церквей словами этого посланія, стоитъ очень далеко отъ дѣйствительной ἱστορία τοῦ σχίσματος. До меня дошелъ слухъ, говоритъ Керуларій адресату, что какъ ты, такъ и александрійскій и іерусалимскій патріархи возносятъ имя папы въ церковныхъ диптихахъ,—странно видѣть такое невѣдѣніе, особенно въ тебѣ. Извѣстно, что со времени св. и вселенскаго *шестого* собора и на все будущее время имя папы въ нашихъ св. церквахъ было вычеркнуто изъ диптиховъ по той причинѣ, что тогдашній римскій папа *Вигилій* не желалъ придти на тотъ соборъ и провозгласить анаѳему на сочиненія Ѳеодорита и Ивы. *Съ того времени и донынѣ* папа былъ отлученъ отъ каѳолической церкви,—вотъ почему намъ и показался невѣроятнымъ слухъ о поминовеніи папы, особенно у тебя — мужа, столь выдающагося знаніемъ и разсудительностію. Керуларій сообщаетъ Петру, что, наслышавшись о добродѣтели и проч. папы, онъ послалъ ему письмо, но письмо это *перехватилъ Аргиръ и отъ имени яко бы папы* прислалъ съ *самозванными легатами* въ столицу яко бы посланіе, на самомъ дѣлѣ *самимъ Аргиромъ сочиненное*. Самозванные легаты, продолжаетъ Керуларій, прибывъ въ столицу,

явились прежде всего къ императору съ заносчивымъ и надменнымъ видомъ, духомъ, поступью (μετὰ σοβαροῦ καὶ γαύρου σχήματος καὶ φρονήματος καὶ βαδίσματος), а потомъ пришедши къ нашей мѣрности, проявили всяческую гордость, спѣсь и заносчивость (ὑπερηφανία, ἀλαζονία καὶ αὐθάδεια), никакого привѣтствія не оказали намъ, никакого наклоненія головы и обычнаго *поклоненія* (προσκύνησις) [1]) отъ нихъ не было; они не хотѣли и слышать о томъ, чтобы сидѣть съ нами въ оффиціальномъ засѣданіи (ἐν τῷ σεκρέτῳ) *ниже митрополитовъ, какъ бы это слѣдовало согласно съ изначальнымъ обычаемъ*, считая это величайшею для себя обидой. Даже и императору они никакого почтенія не оказали, но, величаясь и воображая о себѣ слишкомъ много, вошли во дворецъ съ крестомъ и съ скипетромъ. И вотъ, не исполнивъ ничего изъ того, что слѣдовало исполнить, легаты передали намъ запечатанное посланіе и немедленно удалились. Сломавъ печать, патріархъ тотчасъ же убѣдился, что *посланіе—подложное, ибо въ немъ содержалось то самое, что раньше лично говорилъ ему Аргиръ*, въ бытность его въ Константинополѣ, особенно *по поводу опрѣсноковъ*, за что и былъ трижды или четырежды исключаемъ отъ божественнаго причащенія. Намъ вручена, говоритъ между прочимъ Керуларій, намѣстникомъ и духой антіохійскимъ Склеромъ копія съ твоего посланія къ епископу градскому (венеціанскому) [2]); по прочтеніи ея, оказалось, что въ посланіи говорится въ особенности много объ опрѣсноках (!), съ опущеніемъ другихъ, гораздо болѣе тяжкихъ заблужденій латинянъ, а если и онъ, Доминикъ, писалъ такъ къ

---

[1]) Προσκύνησις духовенства предъ патріархомъ вѣроятно должна была состоять въ томъ же, въ чемъ состояла προσκύνησις подданныхъ предъ императоромъ: въ поклоненіи до земли и цѣлованіи колѣнъ.

[2]) Титулы „аквилейскаго“ и „градскаго“ перешли къ венеціанскому епископу исторически. Когда лонгобарды стали завоевывать провинціи верхней Италіи, аквилейскій епископъ бѣжалъ на островъ Градо (недалеко отъ Трieста), продолжая титуловаться аквилейскимъ. Около того же времени, пятый вселенскій соборъ, какъ извѣстно, произвелъ въ Италіи расколъ между сторонниками этого собора и между противниками осужденія „трехъ главъ“. Старая Аквилея не признавала пятаго собора, а Градо-Аквилея стояла за этотъ соборъ. Возсоединеніе совершилось около 700 г. (Hefele, *II*, 915—923), и епископъ градо-аквилейскій, распространившій свою власть на Венецію, а позднѣе и переселившійся въ Венецію, удержалъ свои прежніе историческіе титулы.

твоей святости, то потому, что объ этомъ писала *ему* наша мѣрность, но ни о чемъ таковомъ не объявляла ни самому папѣ, ни кому-либо другому изъ его епископовъ, за исключеніемъ того посланія, копію съ котораго мы теперь къ тебѣ посылаемъ [1]).

Далѣе въ посланіи Керуларія къ Петру антіохійскому говорится о разныхъ другихъ заблужденіяхъ латинянъ, въ томъ числѣ о такихъ, о которыхъ ни слова не было ни въ посланіи Льва охридскаго, ни въ статьѣ Никиты, напримѣръ объ употребленіи въ пищу нечистыхъ вещей, о мясоядѣніи монаховъ, объ употребленіи ими въ пищу свинины и даже кожи, объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о дозволеніи брака между двумя братьями и двумя сестрами, о неправильномъ способѣ причащенія, состоящаго будто бы въ томъ, что одинъ вкушаетъ опрѣсноки, а другіе цѣлуютъ

---

[1]) Мѣсто это вѣроятно искажено переписчиками. Въ греческомъ текстѣ оно читается такъ. εἰ τάχα δὲ καὶ ἔγραψεν οὑτωσὶ πρὸς τὴν σὴν ἁγιότητα, ὅτι περὶ τούτων ἔγραψεν αὐτῷ ἡ μετριότης ἡμῶν· ἀλλ᾽ οὖν περὶ οὐδενὸς τούτων ἐδήλωσε ποτὲ ἢ αὐτῷ τῷ πάπα ἢ τινι ἄλλῳ τῶν ἐπισκόπων αὐτοῦ πλὴν τῆς ἐπιστολῆς ἣς νῦν πρὸς σὲ τὸ ἴσον ἐξαπεστείλαμεν. Изъ словъ: ὅτι περ τούτων ἔγραψεν αὐτῷ ἡ μετριόττης ἡμῶν г. Скабалановичъ (Христ. Чт. 1884, II, 735) заключилъ, что Керуларій, одновременно съ посланіемъ Льва охридскаго отправилъ посланіе къ Доминику, въ которомъ трактовался вопросъ объ опрѣсноках, и что оно-то именно и побудило Доминика (а не папа) писать въ Антіохію, что напрасно-де введено на римскую церковь константинопольскимъ клиромъ обвиненіе въ нарушеніи церковнаго единства введеніемъ опрѣсноковъ. Однако, въ виду того, что у Миня въ подстрочномъ примѣчаніи читается варіантъ. αὐτό, вмѣсто αὐτῷ, можно думать, что не о посланіи Керуларія къ Доминику шла рѣчь, а о посланіи патріарха по тому же предмету, т. е. объ опрѣснокахъ, при чемъ подразумѣвалось бы посланіе Льва охридскаго по иниціативѣ Керуларія. Если же правильно чтеніе. αὐτῷ, то приходится предположить одно изъ двухъ: или фактъ отправленія посланія къ Доминику выдуманъ, какъ выдуманы факты аргироза подлога и самозванства легатовъ, выдуманъ для того, чтобы показать, что, благодаря Керуларіемъ же данному толчку, Доминикъ писалъ Петру антіохійскому, или этотъ фактъ былъ на самомъ дѣлѣ, и тогда онъ свидѣтельствовалъ бы о томъ, что планъ нападенія на латинянъ былъ обдуманъ еще шире и тщательнѣе, чѣмъ раньше было сказано Было отправлено еще вызывающее посланіе. и почему-то прямо отъ имени патріарха, а не черезъ подставное лицо, къ Доминику венеціанскому о тѣхъ же опрѣснокахъ Во всякомъ случаѣ никакого документа отъ имени Керуларія на имя Доминика до насъ не дошло.

его. въ этомъ яко бы цѣлованіи и поставляя причащеніе, о ношеніи епископами на рукахъ колецъ, въ знакъ союза ихъ съ церквами, какъ бы съ ихъ женами, о самоличномъ участіи епископовъ въ сраженіяхъ, о крещеніи въ одно погруженіе съ наполненіемъ устъ крещаемыхъ солью, о непочитаніи латинянами мощей и даже св. иконъ (нѣсколько позднѣе Θеофилактъ болгарскій назвалъ это обвиненіе противъ латинянъ *σατανικὴ συκοφαντία*—дьявольскою клеветою [1]), о непризнаніи будто бы святыми великихъ учителей Григорія, Василія и Златоуста. Но, *что всего важнѣе, что наиболѣе тяжко изъ всѣхъ ихъ заблужденій*, проговорился Керуларій, (между тѣмъ какъ въ статьяхъ, прямо обращенныхъ по адресу западной церкви, объ этомъ-то важномъ пунктѣ и не говорится ни слова),—это разсужденіе легатовъ, что они *пришли—де сюда не для того, чтобы ихъ учили, или чтобы съ ними диспутировали, а чтобы учить и обязывать къ соблюденію ихъ догматовъ, и подобныя вещи они говорятъ съ властью и безстыдствомъ* (*μετ' ἐξουσίας καὶ ἀναισχυντίας*).—Легаты, разумѣется, прибыли въ Константинополь, какъ представители епископа, считавшаго себя высшею церковною властью, и притомъ же отправленные къ императору, а не къ патріарху, и поэтому Керуларій напрасно ожидалъ, что они воздадутъ ему такое же «поклоненіе», съ которымъ обращалось къ нему греческое духовенство. А мѣсто, которое указывалъ имъ Керуларій—ниже греческихъ митрополитовъ—было уже совершеннымъ нарушеніемъ традиціоннаго церковнаго порядка. Изъ исторіи извѣстно, что раньше легаты даже на вселенскихъ соборахъ занимали всегда мѣсто выше самихъ патріарховъ, а не только греческихъ митрополитовъ, и ссылка Керулярія на «изначальный» обычай свидѣтельствуетъ или о незнаніи исторіи, или о сознательномъ уклоненіи отъ правды. За тридцать пять лѣтъ до столкновенія Керулярія съ легатами, въ Константинополѣ произошло любопытное событіе, отмѣченное Кедреномъ [2]): въ день пятьдесятницы возникла большая смута изъ за мѣстъ при богослуженіи, такъ

---

[1]) „Μὴ γὰρ δὴ παραδεξώμεθα τὴν σατανικὴν ἐκείνην συκοφαντίαν, ὡς ἄρα λατίνοις οὐ παραδεκτέα ἡ τῶν εἰκόνων προσκύνησις". *Migne*, Ptr. gr., t. CXXVI, стр. 246.

[2]) II, 487.

какъ митрополиты *не желали допустить*, чтобы *синкеллы патріарха* сидѣли выше ихъ. Весьма возможно, что синкеллы [1]) не безъ воли патріарха заявили притязаніе на высшій рангъ предъ митрополитами, а митрополиты вѣроятно чувствовали за собою поддержку двора [2]). Такимъ образомъ, если въ Константинополѣ даже синкеллы патріарха не довольствовались своими мѣстами ниже митрополитовъ, а пытались отвоевать себѣ высшій рангъ, то предложеніе римскимъ легатамъ занять мѣста ниже митрополитовъ было прямымъ оскорбленіемъ самаго вызывающаго характера. Одно обстоятельство, повидимому, могло бы говорить въ пользу Керуларія: легаты отправились изъ Рима въ январѣ 1054 г. и прибыли въ Константинополь не ранѣе іюня, а въ апрѣлѣ папа Левъ IX умеръ, и въ теченіе цѣлаго года римская каѳедра оставалась вакантною, такъ что пребываніе легатовъ въ Константинополѣ падаетъ на время вакантности папскаго престола. Это обстоятельство дѣйствительно и подало г. Скабалановичу [3]) поводъ къ слѣдующему разсужденію: «для Керуларія, воспитаннаго на византійской формалистикѣ и этикетѣ, трудно было понять, чтобы посолъ могъ существовать безъ пославшаго, уполномоченный безъ лица уполномочившаго, и онъ былъ убѣжденъ, или по крайней мѣрѣ другихъ хотѣлъ убѣдить, что легаты были не настоящими, а самозванными послами папы Льва». Но надо полагать, что наиболѣе строго византійская формалистика и этикетъ соблюдаемы были при самомъ византійскомъ дворѣ, и однако императоръ признавалъ легатовъ въ ихъ качествѣ пословъ, и патріарху тутъ рѣшительно не о чемъ было размышлять, а тѣмъ болѣе не слѣдовало сочинять небылицы объ аргировомъ подлогѣ.

---

[1]) Синкеллы—собственно сожители, живущіе въ одной кельѣ, или въ одномъ помѣщеніи съ патріархомъ и состоящіе постоянными свидѣтелями его добродѣтельной жизни. Въ XI в. синкеллъ означалъ скорѣе почетное отличіе, чѣмъ должность или чѣмъ положеніе такого сожителя, такъ что многіе епископы, управлявшіе своими епархіями, носили этотъ титулъ, указывавшій на особую близость къ патріарху. Эта близость поощряла и т. н. „архонтовъ“, т.-е. высшихъ должностныхъ лицъ патріаршей церкви, въ особенности хартофилакса, къ претензіи садиться выше епископовъ. См. *Zachariae*, Jus graeco-romanum, P. III, nov. XLII.

[2]) Ср. *Gfrorer*, Byz. Gesch. III, 132.

[3]) Христ. Чт. 1885, I, 123.

Притомъ же свиданіе легатовъ съ патріархомъ должно было, безъ сомнѣнія, состояться на первыхъ порахъ ихъ пребыванія въ Константинополѣ, когда извѣстіе о смерти папы могло еще не дойти сюда.

Своихъ личныхъ взглядовъ на высшую церковную власть Керуларій не высказываетъ, и у него нѣтъ малѣйшаго намека на ту наивную теорію пяти чувствъ, которую достопочтенный патріархъ антіохійскій развилъ подробно въ своемъ посланіи къ Доминику венеціанскому, хотя самъ же Керуларій говоритъ, что копія съ этого посланія сообщена была ему антіохійскимъ дукой Склеромъ, и слѣдовательно содержаніе посланія было ему извѣстно. Теорія пяти чувствъ не могла себѣ найти никакого сочувствія въ константинопольскомъ патріархѣ, и онъ не рѣшается, правда, выразить откровенно свое несочувствіе, но косвенно даетъ понять адресату, что онъ не сторонникъ этой теоріи: онъ *возлагаетъ* на антіохійскаго патріарха *порученіе изслѣдовать*, вѣрны ли дошедшіе до Керулярія слухи о томъ, что въ восточныхъ патріархатахъ упоминается имя папы въ церковныхъ диптихахъ, и допускаются къ общенію люди, «принимающіе опрѣсноки».

А теорія Петра антіохійскаго, развитая въ посланіи къ Доминику, стоитъ того, чтобы на ней остановиться. Можно сказать, что теорія пяти чувствъ въ этомъ посланіи нашла себѣ классическое выраженіе. Петръ высказываетъ свое удивленіе по поводу того, что предстоятель Аквилеи называетъ себя «патріархомъ», между тѣмъ какъ въ цѣломъ мірѣ установлено Божіею благодатію всего пять патріарховъ: римскій, константинопольскій, александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій, да и изъ нихъ, строго говоря, единственный, кому исключительно принадлежитъ этотъ титулъ, есть антіохійскій, такъ какъ римскій и александрійскій называются папами, а константинопольскій и іерусалимскій— архіепископами. Выходя изъ мысли, что всѣ они равны между собою, не смотря на различіе титуловъ, Петръ проситъ Доминика принять въ соображеніе слѣдующее: Тѣло человѣка управляется одною головою; членовъ въ немъ много, но всѣ они руководятся пятью чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ. Тоже самое и въ тѣлѣ Христовомъ, т. е. въ церкви вѣрующихъ. Многіе народы входятъ въ него,

какъ бы члены, и, подъ руководствомъ пяти чувствъ, т. е. великихъ престоловъ, управляются единымъ Главой—Христомъ. И подобно тому, какъ кромѣ пяти чувствъ, нѣтъ какого либо еще иного, такъ и сверхъ пяти патріарховъ не можетъ быть никакого иного. Итакъ пятью этими престолами, какъ бы чувствами, всѣ національныя церкви и всѣ мѣстные епископы руководятся подъ единымъ главенствомъ Христа, истиннаго Бога. Слѣдовательно, какимъ же образомъ можно бы было называть кого либо шестымъ патріархомъ, когда шестого чувства не имѣется въ тѣлѣ человѣческомъ? Приводятся въ примѣръ архіепископъ болгарскій и іерархи Вивилона, Ромагириса или Хорасана и прочія цѣлаго востока епархіи. Въ нихъ посылаются нами, говоритъ Петръ, архіепископы и католикосы, которыми рукополагаются митрополиты для отдѣльныхъ частей этихъ странъ, а эти послѣдніе имѣютъ въ свою очередь подчиненныхъ имъ многихъ епископовъ, но ни одинъ изъ нихъ никогда не называлъ себя патріархомъ [1]).

Дошедшее до насъ отвѣтное посланіе Петра антіохійскаго Керуларію не могло быть пріятно для послѣдняго, хотя Петръ остался съ впечатлѣніемъ о вмѣшательствѣ Аргира въ церковныя дѣла, т. е. Керуларію удалось убѣдить Петра въ самозванствѣ легатовъ. Петръ начинаетъ съ поправки грубой исторической ошибки, касающейся времени исключенія имени папъ изъ церковныхъ диптиховъ, изъ учтивости, впрочемъ, приписывая невѣжество не самому Керуларію, а его хартофилаксу. Петръ говоритъ, что онъ стыдится за содержаніе полученнаго имъ посланія, особенно если подобное же посланіе отправлено и къ другимъ патріархамъ. Онъ иронически говоритъ о константинопольскомъ хартофилаксѣ, что,

---

[1]) Въ послѣднемъ пунктѣ, какъ и въ цѣлой теоріи пяти чувствъ, Петръ живетъ, вѣроятно, не въ мірѣ реальныхъ фактовъ, а въ мірѣ благочестивыхъ желаній и воспоминаній Католикосы Вавилона и Хорасана, далѣе еще раньше, тѣмъ персидское христіанство сдѣлалось несторіанскимъ, скорѣе въ теоріи, чѣмъ въ дѣйствительности зависѣли отъ антіохійскаго патріархата, а тѣмъ болѣе ни о какой зависимости нельзя было говорить, послѣ того какъ христіане Персіи отдѣлились отъ каѳолической церкви. Но заслуживаетъ нашего вниманія то обстоятельство, что, ставя на одну линію съ вавилонскимъ и другими католикосами архіепископа болгарскаго, Петръ *eo ipso* и послѣдняго не считалъ автокефальнымъ, а слѣдовательно не считалъ автокефальнымъ и прежняго предстательскаго или доростольскаго патріарха, даже не признавалъ за нимъ этого титула

быть можетъ, онъ силенъ въ риторической наукѣ, но, по молодости, еще недостаточно свѣдущъ въ церковныхъ дѣлахъ, и сравниваетъ его, употребляя выраженіе Іоанна Лѣствичника, съ молодымъ виномъ, только что вышедшимъ изъ точила. Вигилій, поучаетъ Петръ Керуларія, былъ во время *пятаго, но не шестого* собора, а между пятымъ и шестымъ соборами, прошло 139 лѣтъ [1]); Вигилій былъ лишь на короткое время отдѣленъ отъ общенія, такъ какъ имѣлъ разногласіе съ патріархомъ Миной, и, по устраненіи разногласія, миръ между ними былъ возстановленъ. Во времена же шестого собора папой былъ Агаѳонъ, мужъ достопочтенный и въ божественныхъ дѣлахъ мудрый. Да я и самъ помню, добавляетъ Петръ, что, при блаженной памяти моемъ предшественникѣ Іоаннѣ, папа римскій, тоже Іоаннъ, числился въ церковныхъ диптихахъ. Мало того, и въ Константинополѣ самомъ, когда я былъ тамъ, *сорокъ пять лѣтъ тому назадъ*, при блаженной памяти патріархѣ Сергіѣ, имя папы находилось въ диптихахъ, и какимъ образомъ прекратилось потомъ возношеніе его имени, мнѣ неизвѣстно.—Прочитавъ Керуларію, въ лицѣ его хартофилакса, урокъ по церковной исторіи, антіохійскій патріархъ приступаетъ къ разсмотрѣнію заблужденій римлянъ, различая такія, которыя подлежатъ осужденію и должны быть избѣгаемы, такія, которыя допускаютъ увраченіе, и наконецъ такія, на которыя не стоитъ даже и вниманіе обращать. Что за дѣло, напримѣръ, если епископы брѣютъ бороды и, въ знакъ обрученія съ церковью, носятъ кольца? Вѣдь и мы, говоритъ Петръ, въ честь верховнаго апостола Петра, какъ основанія церкви, носимъ на головѣ гуменце (ταράραν, παπαλήθραν, tonsuram, откуда видно, что восточное духовенство въ это время выстригало темя головы, оставляя волосы по краямъ головы). Что касается скверноядѣнія и употребленія монахами въ пищу сала и свиного мяса, то подобное найдется и у насъ, ибо въ Виѳиніи, Ѳракіи и Индіи ѣдятъ сорокъ, галокъ, голубей, земляныхъ ежей,—вѣдь никакое творе-

[1]) Такимъ образомъ и Петръ антіохійскій, знающій исторію лучше, чѣмъ Керуларій, допускаетъ ту же ошибку, какъ и Никита Пекторатъ, утверждая, что между пятымъ и шестымъ соборами прошло 139 лѣтъ, слѣдовательно шестой соборъ относя къ 692 г. (553+139) и въ то же время представляя Агаѳона современникомъ его.

ніе Божіе не должно быть отвергаемо, если принимается съ благодареніемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ книга Дѣяній (извѣстное видѣніе апостола Петра), и что̀ подтверждается словами Василія В. и Пахомія. Иное дѣло прибавка къ символу. Въ этомъ пунктѣ Петръ антіохійскій снова изобличаетъ свою собственность нетвердость въ исторіи, приписывая первому вселенскому собору установленіе ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и разсуждая такимъ образомъ: римляне де, вѣроятно, потеряли списки перваго собора никейскаго при завоеваніи города Рима вандальскимъ народомъ, отъ котораго они и научились аріанствовать и крестить въ одно погруженіе,—если вѣрно то, что ты пишешь, добавляетъ Петръ Керуларію. Тѣмъ не менѣе антіохійскій патріархъ взываетъ къ константинопольскому о мирѣ и братской любви, ибо и латиняне, говоритъ онъ, суть братья наши, хотя, по причинѣ ихъ деревенщины и необразованности, часто случается, что они отступаютъ отъ должнаго, слѣдуя своему хотѣнію,—отъ варварскихъ народовъ нельзя и требовать того, что требуется отъ людей воспитанныхъ. Достаточно и того, если они правильно исповѣдуютъ Св. Троицу и тайну воплощенія. Петръ строго порицаетъ латинское воспрещеніе священникамъ имѣть законныхъ женъ, а также употребленіе въ пищу мяса и сыра въ первую недѣлю поста, относительно же опрѣсноковъ не повторяетъ своей аргументаціи въ пользу греческаго обряда, ссылаясь на свое посланіе къ Доминику. Если далѣе у латинянъ ѣдятъ удавленину, или два брата женятся на двухъ родныхъ сестрахъ, то это дѣлается, вѣроятно, не по распоряженію папы или епископовъ, а по злоупотребленію, какъ и у насъ, безъ нашего вѣдома, возможны разныя злоупотребленія. Напримѣръ, въ Студійскомъ монастырѣ,—не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, говоритъ Петръ Керуларію,—діаконы надѣваютъ на себя пояса: дѣло совсѣмъ несообразное съ церковнымъ преданіемъ, и ты, столько труда положившій на искорененіе этого обычая, не достигъ цѣли. Что же удивительнаго, если мы окажемся не въ состояніи отвратить гордый и надменный народъ (т. е. латинянъ) отъ свойственныхъ ему обычаевъ. Обвиненіе латинянъ въ непочитаніи иконъ Петръ прямо отвергаетъ ссылкой на то, что папа Адріанъ, «предсѣдательствовавшій (!) на седьмомъ соборѣ», анаѳематствовалъ иконобор-

цевъ, что многія св. иконы изъ Рима доставлены были въ Константинополь, и что франки-перегрины, въ бытность на востокѣ, посѣщаютъ здѣшніе храмы и воздаютъ св. иконамъ всяческое почтеніе. Потомъ еще разъ антіохійскій пастырь горячо и усиленно проситъ константинопольскаго патріарха не доводить дѣла до разрыва.—Посланіе его есть цѣнный историческій документъ, свидѣтельствующій о томъ, что на востокѣ нашелся въ то время человѣкъ христіанскаго чувства и здраваго смысла, не только различавшій между заблужденіями латинянъ важныя отъ неважныхъ, но не допускавшій мысли о разрывѣ даже и изъ-за такихъ заблужденій, которыя онъ считалъ важными. Эта честь и останется за нимъ навсегда въ исторіи, хотя въ данномъ случаѣ достопочтенный антіохійскій патріархъ запоздалъ съ своимъ примирительнымъ посланіемъ. Въ Константинополѣ событія шли такъ быстро, что, ко времени полученія посланія адресатомъ, разрывъ былъ уже совершившимся фактомъ.

Изъ посланія Керуларія къ Петру мы видѣли, какое чувство оставили въ немъ легаты, при личномъ ихъ съ нимъ свиданіи, говорили также о томъ, насколько непріятно было патріарху отступничество Никиты. Прибавимъ къ этому, что, съ прибытіемъ легатовъ въ Константинополь, по всей вѣроятности, латинскія церкви, закрытыя раньше по распоряженію патріарха, были вновь открыты, или, можетъ быть, устроены другія, по приказанію императора. Объ этомъ слѣдуетъ заключить изъ отчета легатовъ о своемъ путешествіи (см. ниже), въ которомъ они говорятъ, что они оставили столицу, «устроивъ дѣла тамошнихъ латинскихъ церквей». Патріархъ былъ раздраженъ, но онъ былъ сдержанъ и выжидалъ, слѣдуя принятой имъ политикѣ—уклоняться отъ всякихъ дальнѣйшихъ свиданій и объясненій съ легатами, и ждать ему пришлось недолго. Римскіе легаты оказались не дальновидными и осторожными дипломатами, каковыми впослѣдствіи заявили себя папскіе дипломаты, а людьми несдержанными и безтактными. Выведенные изъ терпѣнія уклончивостію Керуларія, которая дѣлала невозможнымъ веденіе переговоровъ, и полагаясь на поддержку императора, легаты рѣшились смирить патріарха публичною демонстраціей. Можетъ быть, они разсчитывали возстановить общественное мнѣніе противъ патріарха, какъ винов-

ника зла и, можетъ быть, даже предвкушали удовольствіе видѣть низложеніе патріарха, при несочувствіи къ нему императора и народа. И вотъ, 16 іюля 1054 г. они вошли въ храмъ Св. Софіи, полный молящагося народа и, послѣ произнесенія рѣчи предъ народомъ, въ которой жаловались на упорство патріарха, положили на престолъ грамоту, содержавшую въ себѣ приговоръ объ отлученіи Керуларія и его единомышленниковъ, потомъ, выходя изъ храма, отряхли прахъ отъ ногъ своихъ съ восклицаніемъ: «пусть видитъ Богъ и судитъ» (videat Deus et judicet). Очередные діаконы, безъ сомнѣнія не вдругъ опомнившіеся отъ этого небывалаго происшествія, сняли съ престола грамоту и представили ее патріарху, который послѣ нѣкотораго колебанія взялъ ее, чтобы не допустить ея распространенія и велѣлъ перевести ее на греческій языкъ. Въ грамотѣ легаты говорили, что св. римскій первый и апостольскій престолъ, которому, какъ главѣ, принадлежитъ попеченіе о всѣхъ церквахъ, въ видахъ церковнаго мира и пользы, препроводилъ ихъ, своихъ апокризіаріевъ, въ царствующій городъ, чтобы черезъ нихъ узнать о вѣрности или невѣрности дошедшихъ до него слуховъ. Легаты радуются благочестію императора, клира, сената и народа, ибо, что касается столповъ имперіи и почтеннѣйшихъ гражданъ, они нашли городъ этотъ городомъ христіаннѣйшимъ и православнымъ,—но еще болѣе нашли такого, о чемъ слѣдуетъ печалиться, что касается именно Михаила, по злоупотребленію называемаго патріархомъ, и его сторонниковъ, распространяющихъ ежедневно среди столицы плевелы своихъ ересей. Легаты находятъ въ Михаилѣ и его сторонникахъ разнообразныя ереси: симоніанъ, валентиніанъ, аріанъ, донатистовъ, николаитовъ, северіанъ, пневматомаховъ, манихеевъ и назореевъ, подводя подъ эти ереси тѣ особенности, которыми восточная церковь отличалась отъ западной. По поводу своихъ заблужденій Михаилъ, приглашенный къ раскаянію папой Львомъ, не одумался и напротивъ легатамъ, представителямъ папы, желавшимъ искоренить причины таковыхъ золъ, отказалъ въ свиданіи и въ разговорѣ, запретилъ въ латинскихъ церквахъ службу, заперевъ ихъ еще раньше прибытія легатовъ, обзывая латинянъ азимитами и всячески преслѣдуя ихъ, такъ что, въ лицѣ сыновъ латинской церкви, онъ осудилъ самую каѳедру апостольскую, въ

противность которой притомъ же называетъ себя вселенскимъ патріархомъ. Поэтому легаты властію Св. и нераздѣльной Троицы, во имя апостольскаго престола, представляемаго ими, а также православныхъ отцовъ семи вселенскихъ соборовъ и всей каѳолической церкви, провозглашаютъ анаѳему Михаилу, по злоупотребленію называемому патріархомъ, — неофиту и лишь страха ради человѣческаго сдѣлавшемуся монахомъ, а также Льву охридскому и сакелларію Константину, растоптавшему ногами латинскую Жертву, и всѣмъ послѣдователямъ его, если не раскаются.

Грамота остается печальнымъ историческимъ документомъ, свидѣтельствующимъ объ убожествѣ представителей римской церкви, которые не въ состояніи были понять, что признаніе Михаила еретикомъ за то, что онъ отстаиваетъ восточную практику, и признаніе въ то же время православными императора и народа, которые также стояли за восточную практику и не поступились бы ею въ пользу западной, есть логическое противорѣчіе, граничащее съ отсутствіемъ здраваго смысла. Если бы легаты ограничились осужденіемъ тѣхъ, кто римскую церковь не признаетъ церковью за то, что она имѣетъ тѣ или другія особенности сравнительно съ восточною, то право и здравый смыслъ были бы на ихъ сторонѣ, потому что они не вышли бы изъ оборонительнаго положенія, въ которое латинскій міръ былъ поставленъ наступательнымъ образомъ дѣйствій Керуларія. Но они теперь сами, не понимая того, что дѣлаютъ, произвели нападеніе на восточную церковь. Михаилъ подвергнутъ анаѳемѣ впредь до раскаянія (nisi forte resipuerit), но въ чемъ могло бы состоять раскаяніе? Не въ томъ, что онъ пересталъ бы порицать римскую церковь и перекрещивать латинянъ, а въ томъ, что онъ пересталъ бы проповѣдывать ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца, защищать бракъ духовенства и служеніе Евхаристіи на кисломъ хлѣбѣ. Сохранилась еще другая формула экскоммуникаціи, произнесенной легатами устно, въ присутствіи императора и сановниковъ: всякій, кто будетъ упорно противорѣчить вѣрѣ св. римскаго и апостольскаго престола и ея Жертвѣ, да будетъ анаѳема маранаѳа и да не считается христіаниномъ каѳолическимъ, а еретикомъ *прозимитомъ* [1]). Эта формула болѣе продумана, хотя и въ ней «прозп-

[1]) Item alia excommunicatio ibidem facta in praesentia imperatoris et opti-

митъ», въ противоположность «азимиту» все таки названъ еретикомъ.

Послѣдствія необдуманнаго шага легатовъ не заставили себя долго ждать. Вотъ что сами они разсказываютъ въ своемъ докладѣ или отчетѣ о пребываніи ихъ въ столицѣ. Устроивъ дѣла латинскихъ церквей въ Константинополѣ и провозгласивъ анаѳему всѣмъ, которые будутъ причащаться изъ рукъ грека, порицающаго латинскую Жертву (это уже совсѣмъ не то, что выражено въ обѣихъ эскоммуникаціонныхъ формулахъ!), легаты направились въ обратный путь, обласканные и одаренные императоромъ. Но, по настоятельной просьбѣ Михаила, увѣрявшаго, что онъ желаетъ устроить конференцію съ ними, императоръ вернулъ ихъ съ пути. Когда они снова помѣстились во дворцѣ «Источника», ересіархъ Михаилъ сталъ стараться о томъ, чтобы на слѣдующій день завлечь ихъ въ Софійскую церковь и здѣсь, прочитавъ ихъ грамоту въ искаженномъ видѣ, натравить на нихъ народную массу. Умный императоръ, предвидя, что̀ можетъ случиться при этомъ, настаивалъ, чтобы патріархъ устроилъ засѣданіе, и непремѣнно въ личномъ присутствіи самого императора, и когда патріархъ рѣшительно отказался отъ этого предложенія, императоръ велѣлъ легатамъ немедленно отправляться въ путь, что́ они и исполнили. Михаилъ, раздосадованный тѣмъ, что легаты ускользнули изъ его рукъ, произвелъ бунтъ въ народѣ, такъ что императоръ былъ вынужденъ выдать патріарху головой состоявшихъ при легатахъ переводчиковъ Павла и Смарагда, предварительно подвергнувъ ихъ тѣлесному наказанію и остриженію, благодаря чему волненіе улеглось. Позднѣе императоръ, получивъ изъ города руссовъ достовѣрнѣйшій экземпляръ эскоммуникаціонной грамоты и убѣдившись, что Михаилъ исказилъ ее, лишилъ его друзей и свойственниковъ ихъ должностей, выпроводивъ ихъ изъ дворца, а противъ самого Михаила и до сихъ поръ держитъ въ себѣ гнѣвъ.

Въ синодальномъ эдиктѣ, т. е. въ постановленіи или въ актѣ

---

matum ejus viva voce. „Quicunque fidei sanctae romanae et apostolicae sedis ejusque sacrificio pertinaciter contradixerit, sit anathema maranatha, nec habeatur christianus catholicus, sed prozymita haereticus. Fiat, fiat, fiat“

засѣданія (σημείωμα) константинопольскаго синода, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ патріарха изъ нѣсколькихъ епископовъ 20 іюля, т. е. на пятый день послѣ пропзшествія въ великой церкви, также разсказывается объ этомъ пропзшествіи и о послѣдующихъ событіяхъ. Сначала словами энцикликп Фотія говорится о людяхъ, вышедшихъ изъ мрака, т. е. съ запада, и, подобно молніи, вихрю, граду, или, лучше, дикому вепрю, ворвавшихся въ православную столицу съ цѣлію развращенія ея нечестивыми догматами. Эти люди положили на престолѣ великой церкви грамоту, которою отлучили насъ и даже всю православную церковь Божію и всѣхъ, кто не принимаетъ ихъ нечестивыхъ догматовъ, за то именно, что мы желаемъ быть благочестивыми и распространять православную вѣру, обвиняя насъ въ разныхъ вещахъ, и въ томъ, что мы не допускаемъ, подобно имъ, брадобритія, искажающаго человѣческій образъ, принимаемъ причащеніе отъ женатыхъ пресвитеровъ, не желаемъ искажать символъ, утвержденный всѣми вселенскими постановленіями. При этомъ излагается, согласно энцикликѣ Фотія, аргументація въ пользу восточнаго ученія объ исхожденіи Св. Духа, хотя этотъ пунктъ не былъ затронутъ въ предшествовавшей полемикѣ, и хотя самъ патріархъ Фотій, выставивпшй впервые обвиненіе по этому пункту, не счелъ нужнымъ возбуждать этотъ спорный вопросъ на соборѣ 879 г. Синодальный эдиктъ Михаила Керуларія усматриваетъ въ латинскомъ ученіи ересь Македонія. О легатахъ говорится тоже, что въ посланіи Керуларія къ Петру антіохійскому, т. е. что они самозванцы, никогда папой не посылавшіеся, а явившіеся по собственной волѣ и побуждаемые коварными совѣтами Аргира, съ посланіемъ за подложною печатью. Относительно факта возложенія грамоты на престолѣ разсказывается, что иподіаконы, сорвавъ ее съ престола, заставляли возложившихъ взять ее назадъ, а когда они отказались, патріархъ, съ цѣлью помѣшать ея распространенію, взялъ ее себѣ и поручилъ нѣкоторымъ, свѣдущимъ въ италійскомъ языкѣ (Козьмѣ, Петру и монаху Іоаннѵ), перевести ее на греческій языкъ. Воспроизводится далѣе текстъ экскоммуникаціонной грамоты, которому, однако, предпосылается то, что выше приведено было, какъ «alia excommunicatio in praesentia imperatoris et optimatum viva voce». Наша мѣрность, говорится

въ эдиктѣ, по поводу случившагося дерзкаго поступка имѣла разговоръ съ императоромъ. Императоръ, такъ какъ люди эти за день передъ этимъ удалились изъ города, послалъ гонцовъ вернуть ихъ. Но они, вернувшись, отказались видѣться съ патріархомъ, или явиться на засѣданіе синода для объясненій по поводу ихъ нечестиваго поступка, заявляя, что они могли бы сказать и еще больше противъ православія патріарха, чѣмъ сказано въ ихъ буллѣ, и угрожая, что они скорѣе наложатъ на себя руки, чѣмъ явятся къ патріарху, или на синодъ.

Объ этомъ отвѣтѣ легатовъ было доведено до свѣдѣнія патріарха черезъ особое посольство отъ императора. Затѣмъ императоръ, въ виду нежеланія означенныхъ людей явиться къ патріарху и на его синодъ, не желая, съ одной стороны, допустить насиліе въ отношеніи къ людямъ, принимавшихся за пословъ, а съ другой оставить безнаказаннымъ подобное дѣло, снарядилъ новое посольство къ патріарху, въ составѣ котораго, между прочимъ, упоминается «ипатъ философовъ» (т. е. Пселлъ, который носилъ этотъ оффиціальный титулъ), и которое вручило патріарху собственноручное посланіе императора. Текстъ этого посланія буквально воспроизведенъ въ синодальномъ эдиктѣ. Здѣсь говорится: «святѣйшій владыко, произведя послѣдованіе о случившемся, мое царское величество нашло, что корнемъ зла были переводчики и товарищи Аргира, а также нѣкоторые изъ чужеземцевъ. Не имѣя возможности что либо предпринять по отношенію къ послѣднимъ, виновниковъ зла, по учиненіи имъ тѣлеснаго наказанія, мы препроводили къ твоей святости, дабы и другіе научились не дѣлать на будущее время подобныхъ дерзостей. Самая же грамота, по преданіи анаѳемѣ тѣхъ, кто давалъ совѣтъ, или издалъ, или написалъ, или съ одобреніемъ отнесся къ произшедшему, должна быть сожжена въ присутствіи всѣхъ; кромѣ того, зятя Аргира и его сына повелѣвается заключить подъ стражу». На основаніи этого царскаго посланія, говорится въ эдиктѣ, составители грамоты и подстрекатели и пособники, въ присутствіи императорскихъ пословъ, въ засѣданіи синода были подвергнуты анаѳемѣ, но оригиналъ грамоты не былъ подвергнутъ сожженію, а помѣщенъ на храненіе въ хартофилакію, къ вѣчному безчестію и постоянному осужденію тѣхъ, кто изрыгалъ подобныя хулы противъ

Бога нашего. Въ началѣ эдикта помѣчено, что въ засѣданіи синода присутствовало 12 митрополитовъ и два архіепископа, а въ концѣ прибавляется, что, при провозглашеніи анаѳемы, присутствовали еще семь епископовъ, находившихся въ то время въ столицѣ.

Не теряя времени и не успѣвъ, вѣроятно, получить отвѣтъ на первое свое посланіе къ Петру антіохійскому, Керуларій поспѣшилъ отправить въ Антіохію новое посланіе, въ которомъ римскіе легаты снова представляются самозванцами, прибывшими яко бы отъ папы, а на самомъ дѣлѣ отъ Аргира, съ подложною грамотою. Обвиненія ихъ представляются направленными не противъ Керулярія, а противъ всей восточной церкви. Керуларій избѣгалъ свиданія съ ними какъ потому, что «убѣжденъ былъ въ ихъ неисправимости», такъ и потому что «считалъ долгомъ не вступать съ римскими легатами (!) въ переговоры безъ другихъ патріарховъ». Адресатъ извѣщается о фактѣ возложенія на престолѣ Софійской церкви нечестивой грамоты, содержащей въ себѣ анаѳему противъ всей православной церкви за то, что православные не желаютъ брить бородъ на подобіе латынянъ, принимаютъ причащеніе отъ женатыхъ священниковъ, въ Евхаристіи приносятъ кислый хлѣбъ и не исповѣдуютъ Св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына. Лучше было бы, если бы эта нечестивая грамота была предана сожженію и до нашихъ глазъ не дошла, говоритъ Керуларій; но этого не случилось, потому что она была положена въ присутствіи всѣхъ недѣльныхъ иподіаконовъ и нѣкоторыхъ другихъ. Все-таки мы не пожелали мстить за хулу противъ насъ, или лучше, противъ всѣхъ православныхъ, для того чтобы не подать повода къ соблазнамъ въ Римѣ (!), тѣмъ болѣе, что занимавшій первое мѣсто въ этомъ посольствѣ называлъ себя канцлеромъ римской церкви и двоюроднымъ братомъ короля и папы. Впрочемъ, съ полнымъ правомъ, таковую хулу и тѣхъ, кто ее произнесъ, мы, «по приказанію императора», въ засѣданіи синода предали анаѳемѣ и, по дѣлу этой грамоты, много убѣждали виновныхъ явиться предъ наши глаза и отречься какъ отъ всего содержащагося въ той грамотѣ, такъ и отъ искаженія св. символа. Послѣ же того какъ они отказались послѣдовать нашему увѣщанію и угрожали наложить на себя руки, если далѣе бу-

дутъ ихъ принуждать, мы нашли нужнымъ приступить къ анаѳематствованію ихъ хулы. Керуларій, по его словамъ, спѣшитъ извѣстить антіохійскаго патріарха о случившемся потому, что оскорбленіе нанесено и ему, во-вторыхъ, потому, что дѣло идетъ о вѣрѣ, а Петръ—ея твердый защитникъ, и наконецъ его нужно было какъ можно скорѣе поставить въ извѣстность о событіяхъ, на случай полученія невѣрныхъ свѣдѣній изъ Рима, такъ чтобы онъ могъ дать туда достойный отвѣтъ. Петру рекомендуется переслать копіи съ этого посланія къ другимъ восточнымъ патріархамъ, кромѣ того, еще и отъ своего имени напомнить имъ, чтобы они возгорѣлись ревностью по истинной вѣрѣ и, на случай запроса изъ Рима, дали подобающій отвѣтъ.

Свѣдѣнія, получаемыя нами объ іюльскихъ событіяхъ 1054 г. въ Константинополѣ, съ одной стороны, изъ отчета легатовъ объ ихъ путешествіи, а съ другой изъ синодальнаго эдикта и изъ втораго посланія Керуларія къ Петру антіохійскому, какъ мы видѣли, далеко не согласуются между собою. Допуская, что легаты въ своемъ отчетѣ изложили ходъ дѣлъ въ одностороннемъ и невѣрномъ освѣщеніи, и самую ихъ грамоту или буллу экскоммуникаціонную считая дѣломъ необдуманнымъ и исполненнымъ внутреннихъ противорѣчій, мы должны сознаться, что и синодальный эдиктъ Михаила Керуларія, вмѣстѣ съ его (вторымъ) посланіемъ къ Петру антіохійскому, производитъ прискорбное впечатлѣніе. Для того, чтобы составить себѣ по возможности ясное представленіе о дѣйствительномъ ходѣ событій, слѣдуетъ принимать во вниманіе тѣ и другія свѣдѣнія, которыя, не смотря на ихъ взаимное противорѣчіе, взаимно восполняютъ себя. Въ синодальномъ эдиктѣ говорится, что императоръ вернулъ пословъ затѣмъ, чтобы они держали отвѣтъ предъ патріархомъ въ учиненной имъ дерзости, а когда они отказались явиться, приказалъ сжечь ихъ грамоту, съ провозглашеніемъ анаѳемы ея составителямъ и всѣмъ причастнымъ къ этому дѣлу и сочувствующимъ ему, сложилъ вину въ смутѣ на Аргира и обрушился своимъ гнѣвомъ на членовъ семейства этого Аргира, находившихся въ Константинополѣ, а также на переводчиковъ. О самихъ легатахъ довольно противорѣчиво говорится, что, съ одной стороны, они не легаты, а самозванцы, съ другой же, что по отношенію къ

нимъ нельзя было употребить насилія, въ виду ихъ мнимо-посольскаго характера. Во всякомъ случаѣ, въ числѣ потерпѣвшихъ ихъ не оказывается, и слѣдовательно имъ дана была возможность благополучно выбраться изъ столицы. Отправленіе двухъ посольствъ отъ императора къ патріарху и собственноручный рескриптъ императора—все это безспорные факты, но факты, совершавшіеся спѣшно, въ одинъ и тотъ же день, когда происходило и засѣданіе синода, и при томъ стоящіе въ совершенномъ противорѣчіи со всѣмъ предшествовавшимъ отношеніемъ Константина Мономаха къ легатамъ. Эта рѣзкая перемѣна могла быть вынуждена только крайнею необходимостью, и она оставалась бы необъяснимою для насъ, если бы мы не имѣли въ своемъ распоряженіи отчета легатовъ. Легаты говорятъ, что императоръ вернулъ ихъ не затѣмъ, чтобы они держали отвѣтъ по поводу учиненной ими дерзости, а потому что патріархъ выразилъ желаніе устроить наконецъ долго и напрасно ожидавшуюся ими конференцію. Вполнѣ естественно, что они возвратились не какъ подсудимые, а въ своемъ качествѣ легатовъ, и заняли опять свое прежнее помѣщеніе во дворцѣ «Источника». Вполнѣ естественно далѣе, что императоръ настаивалъ на томъ, чтобы конференція состоялась въ его присутствіи и подъ его предсѣдательствомъ. Лично явившись, и, конечно, не безъ внушительной силы, онъ надѣялся оградить, въ случаѣ надобности, легатовъ отъ мести патріарха. Не нужно было даже искажать ихъ грамоту, какъ подозрѣвали легаты: достаточно было прочитать въ присутствіи народа въ великой церкви подлинный текстъ ея, чтобы возбудить бурю негодованія въ народѣ, и легатамъ дѣйствительно едва ли бы удалось выйти живыми изъ этой бури. Что патріархъ былъ мстителенъ и не могъ простить нанесенной ему легатами тяжкой обиды, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Пселлъ въ своей обвинительной рѣчи чрезвычайно ярко выставилъ эту черту характера Керулярія. «Положимъ», говоритъ Пселлъ, «кто нибудь толкнулъ его въ толпѣ, будучи десятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ сердился на это и высказывалъ свое злопамятство; каждый разъ какъ онъ видѣлъ этого человѣка, онъ припоминалъ его проступокъ, и у него не было никакого къ тому снисхожденія, ни кротости. Тотъ просилъ у него прощенія, указывая на то, что прошло много времени, на

незначительность проступка, на отсутствіе злого умысла,—все это только разжигало его гнѣвъ. Онъ ни съ кѣмъ никогда не обходился кротко. Онъ сердился на многихъ за то, что, сорокъ лѣтъ тому назадъ, проходя по улицѣ или по дорогѣ, не привѣтствовали его. Если это былъ кто нибудь изъ членовъ клира, онъ тотчасъ былъ удаляемъ изъ всѣхъ церквей и изгоняемъ, какъ будто сдѣлалъ что нибудь запрещенное закономъ. Если же провинившійся принадлежалъ къ синклиту, онъ обвинялъ его въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ и, каждый разъ какъ видѣлъ императора, просилъ его наказать этого человѣка и исключить изъ членовъ сената. Такимъ бременемъ былъ онъ для тѣхъ, противъ кого питалъ злобу. А любить онъ никого не любилъ, потому что однихъ ненавидѣлъ, другихъ преслѣдовалъ» [1])... Вполнѣ допуская, что Пселлъ въ своей обвинительной рѣчи сгущалъ краски, мы все-таки, за вычетомъ извѣстнаго процента преувеличенія, въ результатѣ получимъ такой характеръ, которому рѣшительно несвойственно было прощать жестокую, публично нанесенную, обиду, и даже не одну, а рядъ обидъ, такъ какъ все пребываніе легатовъ въ Константинополѣ было одною систематическою обидою патріарху. Въ самомъ синодальномъ эдиктѣ, равно какъ въ посланіи Керуларія къ Петру антіохійскому, говорится, что легаты скорѣе готовы были наложить на себя руки, чѣмъ явиться къ патріарху. И Пселлъ, даже въ своемъ панегирикѣ, проговорился, что легаты не пожелали συμμίξαι καὶ εἰς χεῖρας ἐλθεῖν [2]). Значитъ, имъ ясно представлялась ожидавшая ихъ участь, и отъ этой участи императоръ ихъ спасъ. Въ отчетѣ легатовъ есть указаніе на важный фактъ, который не можетъ считаться плодомъ ихъ выдумки, а напротивъ подтверждается неоспоримыми историческими свидѣтельствами: легаты вышли изъ Константинополя съ щедрыми дарами отъ императора—для нихъ лично, для каѳедры св. Петра и для монтекассинскаго монастыря. Исторія этихъ даровъ Константина Мономаха образовала цѣлую эпопею. Слухи о нихъ распространились далеко и возбудили аппетиты даже не въ восточныхъ, но

---

[1]) *Безобразовъ*, стр. 69—70.

[2]) См. выше, стр. 24.

въ своихъ же, западныхъ, людяхъ [1]). Отсюда видно, что легаты до самаго конца сохранили расположеніе къ нимъ императора, и слѣдовательно тѣмъ неожиданнѣе являются рѣчи, съ которыми послы императора обращались къ патріарху, и языкъ императорскаго рескрипта. Очевидно, силы Мономаха достало лишь настолько, чтобы спасти легатовъ; но теперь ему самому нужно было спасать свою корону. Онъ развѣнчанъ былъ патріархомъ отъ титула «защитника православія» въ глазахъ народа, и устроенный патріархомъ бунтъ, о которомъ говорятъ легаты въ своемъ отчетѣ, на самомъ дѣлѣ долженъ былъ имѣть мѣсто. Императоръ спасъ свою корону только благодаря тому, что патріархъ переложилъ свой гнѣвъ на милость, получивъ удовлетвореніе въ видѣ двукратнаго посольства, собственноручнаго императорскаго рескрипта и выдачи ему нѣсколькихъ лицъ, послужившихъ «козлами отпущенія» [2]). Императорскій рескриптъ включенъ былъ даже въ синодальный эдиктъ и тѣмъ самымъ, по вѣрному замѣчанію Брейе, какъ бы прибитъ къ позорному столбу (comme cloué à un pilori honteux [3]), къ вящему торжеству патріарха и надъ легатами, и надъ императоромъ, и надъ Аргиромъ, такъ какъ въ Константинополѣ ни для кого не было тайной, что легаты дѣйствовали

---

[1]) Левъ, кардиналъ—епископъ Остіума въ своей „Chronica sacri monasterii Casinensis“ (*Muratorius*, Rerum Italicarum scriptores. tom. IV, Mediolani, 1723), lib. II, c. 88, 89 и 94, разсказываетъ, что легатовъ обобралъ Тразмундъ графъ теанскій,—что, несмотря на то, императоръ Генрихъ, находившійся тогда въ самыхъ непріятныхъ отношеніяхъ съ герцогомъ Готфридомъ, братомъ канцлера Фридриха, услышавъ о большихъ деньгахъ, принесенныхъ послѣднимъ изъ Константинополя, возымѣлъ къ нему сильное подозрѣніе и приказалъ его схватить, такъ что Фридрихъ долженъ былъ спасаться въ монтекассинскій монастырь и принять здѣсь постриженіе,—и что, по смерти императора, папа Викторъ, которому Фридрихъ разсказалъ объ ограбленіи, отлучилъ Тразмунда отъ церкви, и этотъ долженъ былъ почти все отнятое возвратить. Кардиналъ Левъ не договариваетъ еще многаго. Когда самъ Фридрихъ сдѣлался папой подъ именемъ Стефана IX, даръ Мономаха былъ отнятъ римлянами, а относительно драгоцѣнныхъ камней сохранились еще особенныя извѣстія. См. у *Bréhier*, стр. 120—121.

[2]) Поэтому *Неандеръ*, Allgem. Gesch. der christlichen Religion und Kirche, B VI, 411) напрасно говоритъ, о „двусмысленной роли“ и обычной византійской „лжи“ императора.

[3]) *Bréhier*, 122.

солидарно съ Аргиромъ и пользовались явнымъ покровительствомъ императора, который теперь долженъ былъ отречься отъ нихъ и публично признать свой прежній образъ дѣйствій ошибочнымъ, другими словами явиться къ патріарху съ повинной головой. Тѣмъ непріятнѣе дѣйствуетъ на читателя неискренній тонъ послѣдняго посланія Керулярія къ Петру антіохійскому, гдѣ говорится, будто бы Керулярій потому избѣгалъ свиданія съ легатами, что безъ участія другихъ патріарховъ считалъ себя не въ правѣ вступить въ разсужденія о вѣрѣ, будто отъ мести онъ воздержался, чтобы не подать повода къ соблазну въ Римѣ и т. п. Самое правильное для него было бы — разъ онъ дѣйствительно убѣжденъ былъ въ самозванствѣ легатовъ — снестись съ Римомъ и навести тамъ справки о томъ, кто эти лица; но Керулярію, разумѣется, не это было нужно. Во всемъ его посланіи проглядываетъ лишь желаніе предупредить полученіе антіохійскимъ патріархомъ свѣдѣній о константинопольскихъ событіяхъ изъ другихъ источниковъ и настроить Петра непріязненно по отношенію къ западу. Хотя о позднѣйшихъ взглядахъ самого Петра мы ничего не знаемъ, но изъ того, что преемникъ его дѣйствовалъ, какъ мы увидимъ, на улицахъ Константинополя, во время переворота въ пользу Исаака Комнена, какъ подручный агентъ константинопольскаго патріарха, явствуетъ, что антіохіецъ сталъ всецѣло на его сторону. Вѣрно ли затѣмъ показаніе легатовъ о томъ, что случилось въ восточной столицѣ послѣ ихъ отбытія изъ нея, о чемъ слѣдовательно они могли лишь по слухамъ говорить — объ искаженіи будто бы Керуларіемъ экскоммуникаціонной грамоты, о полученіи изъ города руссовъ вѣрнаго ея текста, объ увольненіи отъ должностей друзей и родственниковъ патріарха и о затаенномъ гнѣвѣ императора противъ самого патріарха, — мы не знаемъ, а знаемъ только, что дѣйствительно остатокъ царствованія Мономаха прошелъ въ глухой борьбѣ съ патріархомъ, о которой намъ придется еще говорить.

Формула анаѳемы или отлученія въ синодальномъ эдиктѣ, сообразованная съ содержаніемъ императорскаго рескрипта, составлена болѣе осторожно и умно, чѣмъ формула римскихъ легатовъ. Въ ней нѣтъ осужденія цѣлой латинской церкви ни прямого, ни косвеннаго, такъ какъ дѣло идетъ исключительно о винов-

ныхъ въ событіи 16 іюля и о причастныхъ этому событію подачей совѣта, или выраженіемъ согласія и одобренія на составленіе нечестивой грамоты. Тѣмъ не менѣе,—такъ какъ въ предшествующемъ содержаніи эдикта о «людяхъ запада» говорится словами энциклики Фотія, и въ ученіи латинянъ объ исхожденіи Св. Духа усматривается ересь Македонія, и такъ какъ, кромѣ того, при тогдашнихъ обстоятельствахъ не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что весь латинскій западъ одобрилъ бы грамоту легатовъ, то и у современниковъ, и въ позднѣйшей исторіи восточной церкви осужденію керуларіевскаго собора придано было общее значеніе осужденія латинянъ. Мы видѣли, что такъ разсуждаетъ уже Пселлъ, современникъ Керуларія, представляющій осужденіе легатовъ воздаяніемъ за то, что «старый Римъ взбунтовался противъ новаго» [1]). А въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ керуларіевскій соборъ сталъ считаться даже вселенскимъ. Таковымъ назвалъ его константинопольскій патріархъ Іосифъ въ посланіи къ Михаилу Палеологу, доказывая вселенскій его характеръ сравненіемъ съ III всел. соборомъ, на которомъ не было ни папы римскаго, ни патріарховъ константинопольскаго и антіохійскаго [2]), причемъ забывается, что самъ предсѣдатель ефесскаго собора Кириллъ былъ облеченъ полномочіями папскаго викарія, не считая трехъ другихъ легатовъ, бывшихъ въ Ефесѣ, константинопольскій епископъ былъ подсудимымъ на этомъ соборѣ, а антіохійскій призналъ его лишь тогда, когда Кириллъ подписалъ антіохійское исповѣданіе вѣры. Вселенскимъ же называетъ керуларіевскій соборъ и новѣйшій греческій историкъ Димитракопуло, воспроизводящій аргументацію патріарха Іосифа [3]). Существовало, впрочемъ, и другое воззрѣніе, что, кромѣ собора, издавшаго эдиктъ, Керуларіемъ былъ составленъ еще новый соборъ, который и былъ «вселенскимъ» [4]). Воззрѣніе это не подтверждено никакими свидѣтельствами изъ эпохи раздѣленія церквей. Понятно, во всякомъ случаѣ, что «вселенскій» со-

---

[1]) См. выше стр. 24.

[2]) Δημητρακοπούλου, Ἱστορία τοῦ σχίσματος, стр. 26—28.

[3]) Стр. 25.

[4]) См. у *Пихлера*, I, 260 и у *Герпентретера*, Photius, III, 777 пр. 56.

боръ не могъ имѣть дѣла съ «самозванными» легатами, судившимися за дерзкій поступокъ, а имѣлъ дѣло со всею латинскою церковью. Проф. Скабалановичъ говоритъ, что въ столкновеніяхъ Рима съ Константинополемъ со времени патріарха Фотія преобладающее значеніе имѣлъ вопросъ по преимуществу практическій—о власти и правахъ патріарховъ римскаго и константинопольскаго, и что отъ постановки этого вопроса зависѣла постановка разностей не только дисциплинарно-обрядовыхъ, но и догматической (т. е. о Св. Духѣ). Какъ скоро доходило до столкновенія между папами, увлеченными безмѣрностію притязаній, и константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ, охранявшимъ свою самостоятельность, тогда не только догматическая разность получала истинное свое освѣщеніе, но и разности церковно-обрядовыя и дисциплинарныя чуть не возводились въ догматы. Если же папы молчали о своемъ приматствѣ, не дѣлали покушеній подчинить себѣ церковь восточную, то не только разности церковно-обрядовыя и дисциплинарныя трактовались въ духѣ снисхожденія и взаимнаго уваженія, но и разность въ догматѣ не дѣлалась источникомъ раздора [1]). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «правда, онъ (Керуларій) былъ честолюбивъ, но честолюбіе его не шло въ разрѣзъ съ справедливостію, направляясь къ поддержанію достоинства и правъ константинопольскаго патріаршаго престола [2])». Эта охрана достоинства и правъ константинопольскаго престола, какъ пояснилъ г. Скабалановичъ, состояла въ томъ, что патріархъ не желалъ допустить возвращенія римской церкви патримоній въ южной Италіи и возстановленія ея власти надъ Апуліей, Калабріей и Сициліей, опасаясь, что успѣхъ въ этомъ отношеніи разогрѣетъ старыя притязанія римскаго престола на болгарскую архіепископію, а равно возобновитъ притязанія папы вообще на власть и на подчиненіе востока, въ отношеніи же къ южной Италіи въ частности успѣхъ поведетъ къ изгнанію греческаго обряда и къ замѣнѣ его латинскимъ [3]).

Въ приведенныхъ сужденіяхъ г. Скабалановича вѣрно лишь

---

[1]) Христ. Чт. 1885, II, стр 728—729.

[2]) Тамъ же, стр. 737.

[3]) Христ. Чт. 1885, I, 110—111.

то, что движущею причиною раздѣленія церквей были не обряды и не догматы, а вопросъ о власти, и что до Керуларія, какъ при самомъ Фотіѣ, такъ и при его преемникахъ, съ каждымъ улучшеніемъ отношеній между Римомъ и Константинополемъ, всякія разности, и обрядовыя, и догматическія, забывались. Все остальное требуетъ значительныхъ поправокъ.

1) Трудно указать время, когда бы римскіе папы. по меньшей мѣрѣ съ Целестина (современника III всел. собора), не предъявляли своихъ притязаній на приматъ, если не считать не удавшейся попытки Іоанна XIX пойти на сдѣлку съ Константинополемъ. Въ этомъ послѣднемъ забывали о разностяхъ не потому, что папы забывали о приматѣ, а потому, что въ данный моментъ Константинополь получалъ удовлетвореніе отъ Рима, хотя въ этомъ самомъ удовлетвореніи, напримѣръ, въ признаніи папами какого-либо патріарха константинопольскаго (Фотія, Стефана, Ѳеофилакта) папы, съ своей точки зрѣнія, усматривали выраженіе примата же, такъ какъ въ признаніи папы нуждались. И папа Левъ IX никакихъ новыхъ безмѣрныхъ притязаній не заявлялъ. Съ формальной стороны онъ стоялъ на исторической почвѣ, и если онъ говорилъ, что римская церковь въ былые вѣка уничтожила множество восточныхъ ересей, то эта была правда, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что она могущественно содѣйствовала побѣдѣ православія надъ ересями. Иное дѣло вопросъ—по поводу котораго мы будемъ говорить ниже, — оправдывались ли обстоятельствами даннаго времени и соотвѣтствовали ли фактическимъ отношеніямъ XI в. исторически-обоснованныя притязанія папства.

2) О Михаилѣ Керуларіѣ нельзя сказать, что онъ охранялъ честь и достоинство патріаршаго константинопольскаго престола отъ римскихъ притязаній, и самъ г. Скабалановичъ отказался отъ этого разсужденія, говоря по поводу не дошедшаго до насъ посланія Керуларія къ Льву IX: «Керуларій убѣждалъ папу быть въ согласіи и единеніи, но при этомъ давалъ понять, что согласіе и миръ могутъ быть прочны только при взаимномъ уваженіи къ достоинству и правамъ *обѣихъ каѳедръ*...—другими словами, что константинопольская каѳедра не можетъ быть приравнимаема къ остальнымъ патріаршимъ престоламъ, что она имѣетъ *предпочтительное достоинство и власть сравнительно съ александрійскимъ*,

антіохійскимъ и іерусалимскимъ патріархами, въ ея юрисдикціи находится весь востокъ, и даже западъ долженъ поучиться у константинопольскаго патріарха, поелику не напрасно онъ носитъ титулъ вселенскаго» [1]). Если такъ, то дѣло шло очевидно не о «достоинствѣ и правахъ» патріаршей константинопольской каѳедры, а о власти на цѣломъ востокѣ, и даже съ «безмѣрными», съ исторической точки зрѣнія совершенно необоснованными, притязаніями на авторитетъ въ западномъ мірѣ. И при этомъ огромная разница: папа прямо и откровенно заявлялъ свой взглядъ на римскую церковь, какъ на главу всѣхъ церквей, отстаивая въ то же время традиціонныя права другихъ восточныхъ патріарховъ по отношенію къ константинопольскому; патріархъ же не высказываетъ и даже не можетъ, столь же прямо и откровенно, высказать свой взглядъ на церковную власть, потому что въ его виды не входило отталкивать отъ себя антіохійскаго патріарха. Оба восточные патріарха солидарны были лишь въ томъ отношеніи, что за римскимъ епископомъ не признавали правъ высшей власти. Что же касается положительной конструкціи церковной власти, то одинъ изъ нихъ говорилъ одно, а другой ничего прямо не говорилъ, но косвенно давалъ понять, что онъ думаетъ нѣчто совершенно другое.

3) Какъ конфискація недвижимыхъ имѣній и отчисленіе извѣстныхъ территоріальныхъ округовъ отъ римской церкви, съ включеніемъ ихъ въ составъ константинопольскаго патріархата, были дѣломъ императоровъ, такъ и возвращеніе недвижимостей и обратное отчисленіе территоріальныхъ округовъ въ сферу власти римскаго епископа долженствовали быть дѣломъ исключительно императорской же власти. Вѣдь оставилъ же, напримѣръ, Романъ Лекапенъ, не очень за долго до Никифора Фоки, подъ церковною властію папы Далмацію, хотя политически эта послѣдняя входила въ составъ византійской имперіи [2]). Не подобающее вмѣшательство патріарха въ политику повело лишь къ тому, что южная Италія была окончательно потеряна не только для константинопольскаго патріарха, а и для восточной имперіи, послѣ

---

[1]) Христ. Чт. 1885, I, 116.

[2]) *Schlumberger*, L'épopée byzantine, 266.

того какъ папы были вынуждены заключить союзъ съ тѣми самыми норманнами, противъ которыхъ они думали дѣйствовать въ союзѣ съ императоромъ. Нельзя даже считать основательнымъ опасеніе Керуларія, или правильнѣе сказать, г. Скабалановича, что возстановленіемъ власти папы въ южной Италіи открывался бы доступъ туда латинскому обряду, вмѣсто греческаго. Нетерпимость къ чужому, вѣками укоренившемуся, обряду есть скорѣе восточная, чѣмъ западная черта, а если исторія и представляетъ примѣры католической нетерпимости въ области культа, то подобныя явленія объясняются не столько общекатолическими или римскими тенденціями, сколько національными (напримѣръ германскими въ эпоху дѣятельности славянскихъ апостоловъ, или польскими по отношенію къ православнымъ и даже къ уніатамъ). Во всякомъ случаѣ, какъ разъ именно въ южной Италіи и не случилось насильственнаго введенія латинскаго обряда, послѣ того какъ она была потеряна для восточной имперіи и безповоротно поступила подъ власть римскаго епископа. Греческій обрядъ уцѣлѣлъ во многихъ мѣстахъ южной Италіи до настоящаго времени, и никто не думалъ воздвигать противъ него гоненіе. О дѣйствіяхъ же Керуларія по отношенію къ латинскимъ церквамъ въ Константинополѣ и къ римскимъ легатамъ можно смѣло утверждать, что они не имѣютъ себѣ никакого оправданія.

Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго, что Римъ былъ правъ въ своемъ столкновеніи съ Керуларіемъ? Что легаты римскіе вели себя въ Константинополѣ безтактно и необдуманно, объ этомъ нѣтъ надобности распространяться. Но былъ ли правъ и самъ папа Левъ IX? Отстаивая «достоинство» римской церкви отъ константинопольскихъ нападеній, онъ былъ безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ правъ. Но, предъявляя права свои на высшую церковную власть надъ востокомъ, онъ былъ правъ лишь формально, въ томъ смыслѣ, что онъ не какимъ нибудь новымъ, непзвѣстнымъ доселѣ языкомъ говорилъ (за исключеніемъ, конечно, ссылокъ на лжеисидоровскіе декреталы и на константиново дареніе), а говорилъ языкомъ Целестина, Льва Великаго, Ормизды, Агаѳона и Адріана. Съ матеріальной точки зрѣнія, папа XI в. не имѣлъ уже права говорить этимъ языкомъ. Было дѣйствительно такое время, особенно время Льва Великаго, когда попеченіе (sollici-

tudo) римской церкви обнимало и западъ, и востокъ, когда зоркій глазъ папы проникалъ даже во второстепенныя дѣла константинопольскаго церковнаго управленія (напримѣръ назначеніе на должности [1]), порядокъ управленія церковнымъ имуществомъ) [2]), когда авторитетъ и вліяніе его чувствовались и въ Константинополѣ, и въ Египтѣ, и въ Сиріи, и въ Палестинѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нѣтъ даже надобности изучать въ подлинникѣ всю корреспонденцію Льва В.: для желающаго достаточно ознакомиться съ нею, напримѣръ, по Лангену [3]). И о власти Льва можно сказать, что эта была власть попечительная съ широкимъ кругозоромъ, охватывающимъ востокъ и западъ. Можно ли сказать тоже самое о папѣ Львѣ IX? Еще задолго до него, въ самую эпоху вселенскихъ соборовъ папы вынуждены были жаловаться на печальное состояніе церковной жизни подъ напоромъ варваровъ, которые то борются между собою, то бѣгутъ врозь и грабятъ, на паденіе римской образованности, и сознавались въ неимѣніи людей съ высокими познаніями, съ пышнымъ краснорѣчіемъ и съ способностію вести споры и т. п. [4]) Для римскаго епископа въ пору было заботиться о западѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше римскій епископъ сливалъ себя съ западнымъ міромъ, утрачивая живую связь съ востокомъ, особенно послѣ прекращенія его отношеній подданства къ восточному императору и послѣ основанія западной имперіи. Западный міръ, безъ сомнѣнія скрывавшій въ себѣ зерна будущаго развитія всемірной исторіи, но въ то время, безъ сомнѣнія же, варварскій, настолько оказывалъ давленіе на папу,

---

[1]) Извѣстное дѣло константинопольскаго архидіакона Аэція, который, подъ видомъ повышенія (посвященіемъ въ пресвитеры), былъ смѣщенъ съ своей вліятельной архидіаконской должности въ пользу подозрительнаго по своей ортодоксіи лица, протежируемаго константинопольскимъ патріархомъ Анатоліемъ, но который, благодаря вмѣшательству папы, былъ возстановленъ въ своей должности. См. у *Миня*, въ Patr. latin. t. LIV, epist. 111—113, 127, 135.

[2]) Вмѣшательство папы по поводу изданія императоромъ Маркіаномъ закона, вводившаго контроль свѣтскихъ чиновниковъ надъ управленіемъ церковнаго имущества. Тамъ же, epist. 137.

[3]) *Langen* (извѣстный старокатолическій ученый), Geschichte der romischen Kirche von Leo I bis Nicolaus I, 1885, стр. 1—113.

[4]) Таковы напримѣръ уже римскія посланія къ императору Константину Погонату, прочитанныя въ четвертомъ засѣданіи VI всел. собора.

что онъ утрачивалъ возможность слѣдить за ходомъ церковной жизни на востокѣ и понимать ея нужды, а въ состояніи лишь былъ предъявлять голый принципъ власти, безъ той попечительности, которая должна была соединяться съ этою властію. Мы можемъ предоставить богословамъ разсмотрѣніе, по существу, ученія объ исхожденіи Св. Духа; но, съ точки зрѣнія исторической, вставка въ символъ вѣры «Filioque», хотя бы самое ученіе имѣло за себя нѣкоторыя основанія, навсегда останется неопровержимымъ доказательствомъ подчиненія папы западному давленію и игнорированія имъ востока, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ непониманія папами тѣхъ послѣдствій, которыми должна была сопровождаться эта вставка на востокѣ, имѣвшемъ тогда неоспоримое право считать себя болѣе компетентнымъ въ вопросахъ метафизическихъ, чѣмъ варварскій міръ. Случаи заявленія и даже осуществленія папами правъ высшей церковной власти послѣ Фотія были таковы, что опять свидѣтельствовали лишь о непониманіи папами воззрѣній и религіозныхъ нуждъ востока. Возьмемъ, напримѣръ, знаменитое дѣло о четвертомъ бракѣ Льва Мудраго, возбудившее религіозныя страсти, вызвавшее борьбу партій, стоившее низложенія и заточенія двумъ патріархамъ—сначала Николаю Мистику, не допускавшему этого брака, а потомъ преемнику его Евѳимію, одобрившему этотъ бракъ, причемъ вмѣстѣ съ патріархами отправляемы были въ ссылку и многіе другіе епископы, съ ними единомышленные. Въ 906 г. приглашенные императоромъ римскіе легаты одобрили четвертый бракъ и не только не поддержали Мистика, а и признали его низложеніе. Допустимъ, что въ Римѣ имѣли болѣе ясныя юридическія понятія, чѣмъ въ Константинополѣ, что тамъ уже въ то время понимали различіе между общею нормою и между диспензаціей въ отдѣльномъ случаѣ [1]), которое въ византійскихъ головахъ не укладывалось,—допустимъ, что патріархъ Николай Мистикъ стоялъ за невоз-

[1]) Случай состоялъ въ томъ, что Левъ Мудрый, бывшій въ трехъ послѣдовательныхъ бракахъ и озабоченный продолженіемъ династіи, вступилъ въ четвертый бракъ съ Зоей Карбонопсиной, послѣ того какъ отъ внѣбрачнаго сожительства съ нею родился у него сынъ (Константинъ Порфирородный), хотя незадолго передъ тѣмъ самъ же Левъ издалъ законъ, которымъ даже и третій бракъ воспрещался.

можную юридически комбинацію — родившагося ребенка признать законнымъ царевичемъ, а матерь его законною женою императора не признавать и дальнѣйшаго сожитія между ними не дозволять,— допустимъ наконецъ, что въ западномъ каноническомъ правѣ не было правила (какъ его и до сихъ поръ тамъ нѣтъ) объ ограниченіи числа послѣдовательныхъ браковъ тремя, потому что восточныя правила Василія В. въ западныхъ каноническихъ сборникахъ не содержались; но достаточно было того, что пользовавшіяся на востокѣ авторитетомъ, равнымъ съ соборными канонами, правила Василія В. исключали возможность четвертаго брака, чтобы отнестись внимательно къ состоянію умовъ на востокѣ и къ восточной практикѣ и не прилагать къ послѣдней западную мѣрку. Позднѣе это дѣйствительно и сдѣлано было въ 920 г., когда папскіе легаты снова были приглашены въ Константинополь, чтобы положить конецъ смутѣ, когда уже ни Льва, ни Зои не было въ живыхъ, а Константинъ Порфирогенетъ былъ безспорнымъ императоромъ, и когда для самихъ византійцевъ сдѣлалось болѣе яснымъ, что можно поддерживать въ силѣ общее правило и въ то же время допустить исключеніе изъ него, или, на оборотъ, можно допустить въ данномъ случаѣ отступленіе отъ общей нормы, не колебля самой нормы. Но сколько было смуты, борьбы и даже драмъ, прежде чѣмъ пришли къ этому, такъ называемому, примирительному рѣшенію (τόμος ἑνώσεως), сколько было нареканій на римскихъ легатовъ со стороны почтеннаго патріарха Николая Мистика, осужденнаго ими, сколько наконецъ соблазна причинено было ихъ образомъ дѣйствій среди строгой части духовенства и монашества! Не лучше былъ другой случай въ 933 г., когда Романъ Лекапенъ, самъ будучи императоромъ (при законномъ императорѣ, зятѣ Лекапена, Константинѣ Порфирородномъ), съ цѣлью обезпечить власть за своей фамиліей,—сдѣлалъ сыновей своихъ соимператорами, а одного сына, кромѣ того, посадилъ на патріаршую каѳедру, хотя ему не было еще 16 лѣтъ отъ роду. Этотъ незрѣлый патріархъ, по имени Ѳеофилактъ, оказавшійся потомъ однимъ изъ самыхъ недостойныхъ патріарховъ по своей жизни, былъ посвященъ и утвержденъ на своей каѳедрѣ спеціально приглашенными римскими легатами. Подобные акты осуществленія «высшей церковной власти» на востокѣ не имѣли ничего общаго съ попече-

ніемъ о восточныхъ церковныхъ дѣлахъ. Этого мало. Десятая и первая половина одиннадцатаго столѣтія составляютъ такую эпоху въ исторіи римской церкви, о которой западные же писатели говорили, что тогда въ Римѣ царствовалъ не апостолъ Петръ, а Симонъ волхвъ, что уста, которыя должны бы были произносить благословеніе, изрекали проклятіе, и наоборотъ. Это было время, когда послѣ отпаденія Рима отъ восточной имперіи и послѣ крушенія каролингской имперіи, престолъ св. Петра сдѣлался игрушкой въ рукахъ враждовавшихъ партій римской аристократіи, когда на папской каѳедрѣ появлялись ставленики то Тускулановъ, то Кресценціевъ, даже 12-ти лѣтніе мальчики, не имѣвшіе никакого понятія о задачахъ церковнаго правительства, проводившіе распущенную жизнь, совершавшіе разныя злодѣйства. При этомъ еще феодализмъ наложилъ специфическую, глубоко антипатичную для востока, печать на весь строй западной церкви, и на всю западную іерархію; напримѣръ, самъ папа Левъ IX лично предводительствовалъ своимъ войскомъ противъ норманновъ. И тѣмъ не менѣе этотъ папа, самъ по себѣ человѣкъ достойный, но преемникъ папъ, давнымъ давно позабывшимъ о своемъ призваніи, слившійся съ западнымъ міромъ, жившій его интересами и идеями, вздумалъ говорить языкомъ Льва Великаго и даже болѣе сильнымъ, потому что и Левъ Великій, не знавшій лжеисидоровскихъ декреталовъ и константинова даренія, не говорилъ, что церковь, не подчиненная римской каѳедрѣ, есть не церковь, а «синагога сатаны», какъ выразился Левъ IX во второмъ своемъ посланіи къ Керуларію. Наконецъ и еще одно, весьма важное, обстоятельство не должно быть упускаемо изъ вниманія при оцѣнкѣ событій, разыгравшихся въ началѣ второй половины XI в. Чтобы водворить церковный порядокъ въ Римѣ, положить конецъ борьбѣ партій и возведенію на каѳедру св. Петра лицъ недостойныхъ, сначала Оттоны, позднѣе и съ большею энергіею императоры салической династіи взяли въ свои руки замѣщеніе римской каѳедры и стали проводить протежируемыхъ ими кандидатовъ, безъ сомнѣнія людей болѣе достойныхъ, чѣмъ кандидаты римскихъ партій. И какъ разъ именно папа Левъ IX былъ протеже германскаго императора, чистокровный германецъ Брунонъ, оставившій даже за собою прежнюю свою епископскую каѳедру въ Германіи. Но какое впечат-

лѣніе производила на самомъ западѣ подчиненность римскаго престола германскому императору? Въ то время въ западной Европѣ еще не сформировались нынѣшнія европейскія націи, которыя отчетливо выступили лишь къ XV-му столѣтію. Въ то время существовали лишь племена и феодальныя владѣнія, отчасти на племенной основѣ, отчасти безъ таковой. Но какъ чутки были тогдашнія племена и тогдашніе крупные феодалы къ факту порабощенія римской каѳедры германскому императору! Исторія въ этомъ отношеніи представляетъ поучительные факты. При Оттонахъ Гуго Капетъ, король Нейстріи, родопачальникъ династіи капетинговъ, сдѣлалъ попытку провести на реймсскомъ соборѣ 991 г., мысль объ образованіи на западѣ самостоятельныхъ патріархатовъ, независимыхъ отъ римскаго епископа, сдѣлавшагося креатурой германскаго императора, а при салійцахъ, не только внукъ Гуго Капета, король Нейстріи, Генрихъ I, возобновилъ прежнюю попытку, но его примѣръ вызвалъ подражаніе и на пиринейскомъ полуостровѣ [1]).

Естественно, что тѣмъ менѣе должна была найти сочувствіе на востокѣ рѣчь ставленника германскаго императора, заявлявшаго притязаніе на высшую власть надъ востокомъ. Гфрёреръ, вообще не безгрѣшный на счетъ произвольныхъ преувеличеній, и тутъ преувеличиваетъ, говоря: «gewiss die Schuld des kirchlichen Risses zwischen Rom und Konstantinopol fallt guten Theils auf Seiten zweier deutschen Dynastien: der Ottonen und der Salier. Гфререръ, усматривающій въ дѣйствіяхъ Оттоновъ и Салійцевъ одно лишь властолюбіе и желаніе поработить римскую каѳедру, забываетъ, что безъ вмѣшательства германскихъ императоровъ римская церковь не поднялась бы изъ той глубины паденія, въ которой она находилась: но въ приведенныхъ его словахъ есть все-таки доля правды. Восточная имперія считала себя одну законною римскою имперіею, а на западную варварскую имперію смотрѣла, какъ на узурпацію, и не могла примириться съ самимъ существованіемъ ея. Даже позднѣе при Комненахъ, вообще отличавшихся западничествомъ, употребляя выраженіе нашего вре-

---

[1]) См. объ этомъ *Gfrörer*, Pabst Gregorius VII, B. V Кар 34. B. VI Кар. 53. Byzant. Geschichten. III, 581.

мени, и ходомъ дѣлъ вынужденныхъ искать поддержки на западѣ, вырабатывались такія комбинаціи, при которыхъ бы возможно было вступить въ союзъ съ папой, признавъ его высшую церковную власть, но вмѣстѣ выговоривъ упраздненіе германскаго императорства и предоставленіе короны западной имперіи византійскому императору, которому она и безъ того принадлежала по праву [1]). А папа въ XII в. уже не былъ ставленикомъ германскаго императора, каковымъ былъ Левъ IX: что же удивительнаго, если голосъ этого германскаго папы не находилъ сочувствія на востокѣ? Вѣдь даже и раньше, когда еще политическая связь Рима съ Византіей не порвалась, тяготѣніе къ Риму, какъ къ оплоту ортодоксіи противъ еретиковъ, разсматривалось какъ недостатокъ патріотизма (въ Максимѣ Исповѣдникѣ). А римскія симпатіи Ѳеодора Студита и его партіи производили отталкивающее дѣйствіе на массу [2]). При такихъ обстоятельствахъ, какъ въ IX в. Фотію, такъ къ XI в. Михаилу Керуларію не трудно было воспользоваться настроеніемъ массы для достиженія своихъ цѣлей. Въ 20-хъ годахъ XI в. въ Константинополѣ думали путемъ мирныхъ переговоровъ съ папой римскимъ получить признаніе константинопольскаго епископа восточнымъ папой. Когда это не удалось, и на мирное достиженіе этой цѣли не усматривалось никакихъ шансовъ, Керуларій рѣшился путемъ войны съ Римомъ добиться того, чего нельзя было достигнуть мирнымъ путемъ. Фактически онъ и безъ того былъ единственнымъ іерархическимъ главой на востокѣ. Еще во времена Фотія эпанагога говорила только объ одномъ патріархѣ, какъ главѣ священства, въ сопоставленіи ея съ главою царства. Египетъ и Палестина давно находились внѣ границъ имперіи, и патріархи въ этихъ странахъ настолько перестали быть величинами, съ которыми нужно бы было считаться, что Керуларій даже не находилъ нужнымъ вступать съ ними въ прямыя сношенія, дѣйствуя черезъ Петра антіохійскаго, и самъ Петръ антіохійскій, начавшій, послѣ длиннаго пере-

[1]) Въ такомъ смыслѣ велись переговоры Мануила Комнена съ папой Александромъ III. См. *Васильевскій*, Василія Охридскаго неизданное надгробное слово, въ Визант. Врем. т. I, вып. 1, стр. 75.

[2]) См. *Gelzer*, Das Verhältniss von Staat und Kirche in Byzanz (Historische Zeitschrift, B. 86, 1901, стр. 217 и 238).

рыва, рядъ православныхъ патріарховъ въ присоединенной къ имперіи Антіохіи (долгое время здѣсь были только монофизитскіе патріархи), представлялъ собою лишь тѣнь прежняго антіохійскаго патріархата, а его воззрѣнія на церковное устройство были наивнымъ анахронизмомъ. При Керуларіѣ не существовало уже и болгарскаго патріархата, съ упраздненіемъ при Василіѣ II перваго болгарскаго царства,—мало того, архіепископъ охридскій дѣйствовалъ какъ первый застрѣльщикъ и помощникъ Керуларія въ войнѣ противъ Рима. Это фактическое положеніе главы всей восточной іерархіи Керуларій закрѣпилъ путемъ разрыва съ Римомъ, потому что послѣ разрыва уже никто не могъ предъявлять къ нему никакихъ притязаній на высшую надъ нимъ власть. Опасность могла угрожать только отъ своей же, восточной, власти, именно отъ власти императорской; но Керуларій, какъ можно было видѣть отчасти изъ предшествующаго изложенія, и какъ въ особенности покажетъ намъ слѣдующая глава, сдѣлалъ попытку оградить восточное папство и противъ этой опасности, даже поставить императорскую власть въ зависимость отъ духовной, хотя нѣтъ ни надобности, ни достаточнаго основанія предполагать, какъ предполагаетъ, даже утверждаетъ Брейе, что этотъ планъ былъ готовъ въ головѣ Керуларія уже предъ объявленіемъ имъ войны Риму.

ГЛАВА III.

Отношеніе патріарха Михаила Керуларія къ императорской власти послѣ разрыва съ Римомъ.

Закрывая латинскія церкви въ Константинополѣ, выдерживая по отношенію къ римскимъ легатамъ свою политику, противоположную политикѣ императорской, вынуждая императора къ публичному отреченію отъ своей политики и къ признанію себя побѣжденнымъ, Керуларій съ достаточною ясностію показалъ, что императорское правительство можетъ найти въ немъ сильнаго союзника, или, напротивъ, опаснаго противника. Въ дѣйствитель-

ности мы и видимъ, что какъ въ остальное время царствованія Константина IX, такъ и при императрицѣ Ѳеодорѣ, при Михаилѣ VI Стратіотикѣ и при Исаакѣ Комненѣ (послѣ того какъ послѣдній пересталъ нуждаться въ содѣйствіи патріарха, укрѣпившись на императорскомъ престолѣ), патріархъ состоялъ въ оппозиціи правительству, представляя собою грозную силу. Правительство или оказывалось вынужденнымъ повиноваться патріарху, или пассивно сносило его заносчивость, игнорируя его требованія, но и не смѣя предпринять противъ него что нибудь рѣшительное, пока не разразился конфликтъ съ Исаакомъ Комненомъ, закончившійся низложеніемъ и смертію патріарха.

Промежутокъ времени между 1054 г., когда совершился церковный разрывъ, и между 1059 г., когда низложенный Керуларій умеръ, составляетъ какія-нибудь пять лѣтъ, а между тѣмъ сколько событій и перемѣнъ послѣдовало въ Византіи за это время! Мономахъ, въ концѣ своего царствованія, въ виду печальнаго состоянія государственной казны, опустошеню которой и самъ онъ не мало содѣйствовалъ расходами на своихъ метрессъ и ихъ родственниковъ, а съ другой стороны на церкви и монастыри, рѣшился пополнить истощенную казну, а въ Византіи уже и раньше, какъ скоро правительство приходило къ этой мысли и начинало осуществлять ее въ той или другой формѣ (при Никифорѣ Фокѣ и Василіѣ II), тѣмъ самымъ вызывалось неудовольствіе духовенства (архіереевъ и монастырей) [1]). Такъ и при Мономахѣ неудовольствіе массы лицъ, въ томъ числѣ и духовенства, было сильное. Атталіотъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ изображаетъ мѣропріятія Мономаха, смотря на нихъ, какъ на сплошное беззаконіе, чѣмъ они едва ли были на самомъ дѣлѣ. Никѣмъ не предвидѣвшеся, хитросплетенные штрафы и недоимки, несправедливые суды и неслыханные розыски, тюрьмы для неисправныхъ

[1]) Достопочтенный патріархъ Николай Мистикъ составляетъ исключеніе. Когда, въ началѣ двадцатыхъ годовъ X в., окончаніе войны съ болгарскимъ царемъ Симеономъ потребовало тяжкихъ жертвъ, патріархъ обратился къ митрополитамъ съ приглашеніемъ выслать отъ всѣхъ подчиненныхъ имъ церквей и монастырей значительныя денежныя суммы въ столицу, добавляя, что, если выслано будетъ слишкомъ мало, императорскіе чиновники безъ согласія митрополитовъ произведутъ сборъ денегъ. *Hergenrother*, Photius, III, 702

плательщиковъ и страхъ тюрьмы для тѣхъ, кто еще не подвергся нападенію фискальнаго чиновника, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что вотъ-вотъ опустится висящій надъ нимъ мечъ,—такова была участь всѣхъ сколько нибудь состоятельныхъ людей, по словамъ Атталіота. А относительно церковныхъ учрежденій добавляется еще нѣчто особенное. Ужасное дѣло, разсуждаетъ Атталіотъ, распространилось и на то, что посвящено было божественнымъ мѣстамъ и учрежденіямъ, въ которыхъ хранились запасы продовольствія, ибо во всѣ епархіи разсылались указы о производствѣ слѣдствія и допросѣ служителей храмовъ, съ цѣлію принудительной экзекуціи, въ случаѣ если бы не послѣдовало добровольной выдачи. И когда царя поразила смерть раньше, чѣмъ приступлено было къ этому слѣдствію, всѣ говорили, что небесная казнь покарала его за покушеніе переиначить то, что прекрасно предназначено было для благочестиваго употребленія [1]). Фискальныя мѣропріятія императоровъ вообще рѣдко находили себѣ сочувственную оцѣнку у современниковъ, въ томъ числѣ и у историковъ. Мѣропріятія Мономаха, какъ и другихъ императоровъ, безъ всякаго сомнѣнія затрогивали только лицъ состоятельныхъ, властелей (δυνατοί, personae potentiores), а такъ какъ въ первомъ ряду этихъ «властелей» стояли издревле духовные землевладѣльцы, то патріарху легко было, опираясь на общее недовольство, стать въ открытую оппозицію императорскимъ мѣропріятіямъ.

Пселлъ даже въ своей надгробной рѣчи, т. е. въ томъ произведеніи, въ которомъ онъ имѣлъ цѣлью не очернить, а восхвалить умершаго патріарха, хвалитъ его такъ, что въ похвалахъ его сквозитъ пронія. Вотъ какъ онъ изображаетъ отношеніе патріарха какъ къ Мономаху, такъ и ко всѣмъ вообще «согрѣшающимъ». У него не было различія между убогимъ и богатымъ, между подданнымъ и царемъ. Онъ изобличалъ, порицалъ, «законополагалъ». Исправляя, онъ казался тяжелымъ и неумолимымъ. Отъ царя, если этотъ оскорблялъ его, онъ кротко принималъ возраженія, и, какъ скоро царь измѣнялся къ должному, забывалъ его противорѣчіе. И если случалось, что патріархъ въ первый разъ бывалъ отосланъ, онъ все-таки не бросалъ начатаго дѣла,

[1]) Mich. Attaliotae historia, по боннск. изд. 1853 г., стр. 50—51.

какъ человѣкъ, исполнившій то, что ему слѣдовало исполнить, а продолжалъ дѣлать свои представленія. Отъ мысли, что имъ не все сдѣлано, душа въ немъ дрожала, какъ будто бы ее ранили ужасныя стрѣлы, и эти раны въ немъ не зажпвали, пока ему не удавалось довести до конца свое дѣло дерзновенія. Императоръ же, съ неудовольствіемъ встрѣтившій первую попытку, не оставался враждебнымъ къ человѣку, мѣшавшему ему въ томъ отъ чего нужно было удержать его, а напротивъ, съ перемѣной къ лучшему, по минованіи вспышки и возвращеніи къ нему здравомыслія, благодарилъ за сдержку и за перемѣну къ лучшему. Нѣкоторымъ онъ казался тяжелымъ въ нападеніи и упорнымъ въ гнѣвѣ. Но это въ сущности была «экономія» (οἰκονομία), т. е. мудро разсчитанная и взвѣшенная политика обращенія на путь добра и истины. Единственное и первое, чего желалъ онъ, одушевляемый божественною ревностію къ добру,— это чтобы никто не удалялся отъ добродѣтели, чтобы каждаго образовать по Богѣ и искорененіемъ въ немъ страсти обратить ко спасенію. Поэтому-то, желая исправить уклоняющихся, онъ педагогически преслѣдовалъ эту цѣль, поражалъ словомъ и дѣйствовалъ какъ бичъ на сознаніе лица, устрашая и уцѣломудривая его «движеніемъ бровей», — это именно и суть свойства, присущія евангельскому ученію (!). Для того же, чтобы таковые пріемы не показались для многихъ лицемѣріемъ и выдумками, онъ не въ порывѣ раздраженія выбиралъ время для вразумленія и не спѣшилъ перемѣнять личину, — отъ того-то для незнающихъ характера этого мужа и его строго разсчитанной системы «экономіи», внѣшнее проявленіе представлялось не образомъ, а самою истиною, такъ что скрытая сторона дѣла ускользала отъ наблюденія, и патріархъ въ глазахъ нѣкоторыхъ представлялся сердитымъ и на милость не легко склоняющимся [1]).

Можно себѣ представить, какъ должны были обостриться отношенія между патріархомъ и царемъ, и какъ опасно было положеніе послѣдняго, когда онъ, бывъ уже раньше развѣнчанъ отъ титула защитника православія, позволилъ себѣ вдобавокъ грѣховное посягательство на имѣнія духовныхъ властелей и нисколько

[1]) Σάθας, IV, 341 и сл.

не думалъ о раскаяніи, а рѣшился до конца довести задуманное имъ дѣло. Смерть Мономаха (въ самомъ началѣ 1055 г.) избавила его, быть можетъ, отъ политической катастрофы. Керуларію она принесла ту пользу, что о фискальныхъ мѣропріятіяхъ Мономаха на время забыли, но самъ патріархъ не сдѣлался, по этой причинѣ, persona grata при дворѣ, потому, какъ надо думать, что притязаній его не могли выносить. То, что говоритъ Пселлъ въ своей похвальной рѣчи о времени царствованія Ѳеодоры, не многословно, но весьма характерно: къ царицѣ Ѳеодорѣ покойный патріархъ приходилъ какъ «законодатель», но царица законодательствовала въ противность законодателю, находясь подъ вреднымъ вліяніемъ [1]). Патріарху сдѣлали даже крупную непріятность: не смѣя затронуть его лично, отправили въ ссылку излюбленныхъ имъ хіосскихъ монаховъ съ ихъ пророчицей, какъ людей, ученіе которыхъ признано было нечестивымъ, чѣмъ была наброшена тѣнь на ортодоксію самого патріарха [2]). Пселлъ же даетъ понять, что патріархъ старался устроить брачный союзъ Ѳеодоры (находившейся въ глубокой старости) съ кѣмъ либо изъ генераловъ, съ тѣмъ чтобы на престолѣ чувствовалась не женская, а мужская рука [3]). Ѳеодора и слышать объ этомъ не хотѣла и предпочла пріобщить къ власти, т. е. сдѣлать соимператоромъ престарѣлаго же Михаила Стратіотика, безъ вступленія съ нимъ въ бракъ. Этой причины было достаточно, чтобы личность новаго императора сдѣлать непріятною для патріарха, что впослѣдствіи и обнаружилось самымъ наглядньмъ образомъ. Но въ данный моментъ патріархъ дѣйствовалъ вполнѣ корректно, уваживъ волю императрицы и коронованъ Стратіотика даже по смерти императрицы (въ августѣ 1056 г.), такъ какъ при жизни ея не успѣли совершить коронованія. Мало того, патріархъ рѣшительно сталъ на сторону существующаго правительства, когда племянникъ Константина IX проэдръ Ѳеодосій Мономахъ, считавшій себя обиженнымъ вслѣдствіе того, что Ѳеодора не его, а Стратіотика сдѣлала императоромъ, на-

---

[1]) Ibid. 357—358: „ὁ πατὴρ...νομοθέτης τῇ βασιλίδι κατήρχετο....ἡ δε...μεταβαλοῦσα ἀντενομοθέτει“.

[2]) Обвин. рѣчь Пселла, см. *Безобразовъ*, Матеріалы, стр 38 и сл.

[3]) Ἔγκωμ у Саѳы, т. IV стр 358.

бралъ себѣ приверженцевъ и вздумалъ овладѣть властію. Патріархъ ни минуты не колебался относительно этого претендента, хотя послѣдній явно разсчитывалъ на патріарха. Возмутившійся Ѳеодосій направился въ Софійскую церковь, которая могла бы, при сочувствіи Керуларія, сдѣлаться центромъ революціоннаго движенія, каковымъ она дѣйствительно и сдѣлалась при послѣдовавшемъ затѣмъ вскорѣ сверженіи Михаила VI Стратіотика въ пользу Исаака Комнена. Патріархъ распорядился запереть ворота св. Софіи, и злосчастный претендентъ, не поддержанный патріархомъ, дорого поплатился за свою авантюру [1]). Объяснять образъ дѣйствій патріарха въ данномъ случаѣ его лояльностью, желаніемъ поддержать существующій порядокъ было бы ошибочно. Тутъ должны были существовать другія причины. Во-первыхъ, личность племянника Константина IX не могла внушать патріарху никакой симпатіи и никакого довѣрія, а другихъ политическихъ комбинацій еще пока не назрѣло. Во-вторыхъ, патріархъ очень хорошо понималъ привязанность народа къ престарѣлой Ѳеодорѣ, какъ къ послѣднему отпрыску славной македонской династіи, царствовавшей почти 200 лѣтъ, — случай рѣдкій въ византійской исторіи, и хотя Ѳеодора умерла еще до коронованія Стратіотика, но воля ея достаточно ясно была выражена при жизни, такъ что патріарху всего благоразумнѣе было дѣйствовать согласно съ этою волею. Притомъ же патріархъ понималъ, что поддержаніе легитимности въ данныхъ обстоятельствахъ создастъ ему гораздо большее обаяніе въ народѣ, чѣмъ участіе въ безумномъ предпріятіи, и обяжетъ Стратіотика къ благодарности патріарху, какъ къ опорѣ и покровителю императорской власти. А такъ какъ Стратіотикъ, и при жизни, и по смерти Ѳеодоры, не дѣлалъ тѣхъ предупредительныхъ шаговъ, которые ожидались отъ него патріархомъ, и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ совѣтниковъ, непріязненныхъ патріарху, не спрашиваясь этого послѣдняго, то недолго заставила себя ждать трагическая развязка кратковременнаго царствованія Стратіотика. Пселлъ въ своемъ «Столѣтіи византійской исторіи» сообщаетъ намъ интересное извѣстіе. Онъ, Пселлъ, въ числѣ другихъ совѣтовъ, далъ Стратіотику, по-

[1]) Cedren. II, 612—614, Zonar. III, 655—656.

ложеніе котораго начинало колебаться, слѣдующій: прекратить всякіе раздоры съ патріархомъ, желаніямъ котораго императоръ до сихъ поръ во многихъ вещахъ сопротивлялся, позаботиться объ единомыслии и дружбѣ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, который имѣетъ въ настоящее время большую силу и, въ случаѣ непринятія совѣта Пселла, будетъ дѣйствовать за одно съ бунтовщиками [1]). Въ Пселлѣ рискованно было бы отыскивать нравственныя достоинства, но въ одномъ ему нельзя отказать—въ знаніи отношеній того времени и въ огромной политической опытности. Совѣтъ, который давалъ Пселлъ Стратіотику былъ дѣйствительно совѣтомъ умнаго государственнаго человѣка, который умудрился держаться при дворѣ и у власти при самыхъ головоломныхъ дворцовыхъ переворотахъ [2]) и не потерялся даже въ такой моментъ, когда все, повидимому, было кончено для него [3]). Пселлъ несомнѣнно давалъ Стратіотику полезный совѣтъ, и неизвѣстно, какую форму получили бы отношенія между восточнымъ императоромъ и константинопольскимъ патріархомъ, если бы совѣтъ былъ принятъ. Вся послѣдующая исторія краснорѣчиво говоритъ, что совѣтъ не былъ принятъ (хотя г. Скабалановичъ и утверждаетъ противное), что Стратіотикъ не постарался пріобрѣсти благоволеніе патріарха. Слѣдуя совѣтамъ партіи, враждебной патріарху, и въ то же время дѣлая промахи въ дѣлахъ внутренней политики [4]), онъ пріобрѣлъ въ лицѣ патріарха не союзника, а врага, и врага не зауряднаго. Патріархъ оказался во главѣ оппозиціонной партіи, усиленной не-

---

[1]) См. у Саѳы IV, 214.

[2]) Пселлъ служилъ при девяти императорахъ: Михаилѣ IV Пафлагонѣ, Михаилѣ V Калафатѣ, Константинѣ IX Мономахѣ, при царицѣ Ѳеодорѣ, Михаилѣ VI Стратіотикѣ, Исаакѣ Комненѣ, Константинѣ Дукѣ, Романѣ IV Діогенѣ и Михаилѣ VII Парапинаксѣ.

[3]) Разразившись при Исаакѣ Комненѣ обвинительною рѣчью противъ Керуларія, которая написана не чернилами, а ядомъ, Пселлъ остался въ фаворѣ двора и тогда, когда на престолъ вступилъ Константинъ Дука, мужъ племянницы Керуларія Евдокіи, и Евдокія, по смерти Константина Дука, въ малолѣтство сына ихъ Михаила Парапинакса, была даже нѣкоторое время правительницею государства, написавъ, по требованію обстоятельствъ, панегирикъ въ честь умершаго дяди императрицы.

[4]) *Bréhier*, 253 и сл.; *Безобразовъ*, М. Пселлъ, стр. 62.

довольными генералами, которыхъ Михаилъ VI чувствительно оскорбилъ.

Еще раньше, чѣмъ Пселлъ далъ вышеуказанный совѣтъ императору, состоялся форменный заговоръ, и не гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, а въ Софійской церкви. У Кедрена разсказывается, что оскорбленные [1]) императоромъ военачальники, горя гнѣвомъ и мщеніемъ, собрались всѣ за одно въ великой церкви и, обѣщавъ взаимно подъ присягой молчаніе и месть за обиду, скрѣпили договоръ, что называется, адамантовыми узами. Когда поставленъ былъ вопросъ, кому быть императоромъ, рѣшено было предложить власть Кекавмену Катакалону (одному изъ выдающихся военачальниковъ), но этотъ отклонилъ предложеніе высказавшись за Исаака Комнена (другого выдающагося генерала). То, что совершилось на этотъ разъ въ великой церкви, не могло оставаться неизвѣстнымъ патріарху, и ворота ея не оказались запертыми, какъ для Ѳеодосія Мономаха. Допуская даже, что подобная сходка состоялась экспромтомъ, безъ вѣдома патріарха, мы все таки не можемъ сомнѣваться въ томъ, что патріархъ долженъ былъ получить о ней скорѣйшія свѣдѣнія отъ служителей храма и отъ кого либо изъ духовенства и дать знать кому слѣдуетъ о подозрительномъ собраніи людей, которые располагали силою и популярностью, и чувства которыхъ по отношенію къ существующему правительству были хорошо всѣмъ извѣстны. Но о такомъ шагѣ со стороны патріарха мы ничего не знаемъ, а знаемъ только изъ вышеприведенныхъ словъ Пселла, что императору предстояла альтернатива: или подчиниться желаніямъ патріарха, или видѣть его въ средѣ бунтовщиковъ. Военачальники выбыли изъ Константинополя въ мѣста расположенія ихъ войскъ, и вскорѣ Комненъ поднялъ открытое возстаніе, подступая ближе и ближе къ столицѣ и разбивая высылаемыя противъ него императорскія войска. Стратіотикъ вынужденъ былъ отправить къ Комнену посольство изъ трехъ лицъ, лучше которыхъ нельзя было и выбрать, какъ скромно

---

[1]) Cedren, II. 619—620. Оскорбленіе состояло въ томъ, что императоръ не только обошелъ военачальниковъ наградами, изливая въ тоже время свои щедроты на сенатъ, но и отнесся къ нимъ съ ироніей и съ пренебреженіемъ, въ отвѣтъ на ихъ заявленіе о своихъ заслугахъ.

заявляетъ Пселлъ [1]), (въ составѣ этого посольства находился и онъ самъ, «консулъ философовъ)». Посольство отправлено было безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ патріарха и имѣло предложить Комнену отъ имени Михаила VI усыновленіе и титулъ цезаря (съ надеждой преемства по смерти Стратіотика, но безъ осуществленія правъ императорской власти при его жизни), причемъ обѣщалась амнистія всѣмъ сторонникамъ Комнена. Это предложеніе никого не удовлетворило; посольство возвратилось въ столицу, но оттуда снова было отправлено въ лагерь Комнена съ новыми предложеніями, которыя всѣми были приняты, только одинъ Катакалонъ Кекавменъ настаивалъ на низверженіи Стратіотика безъ всякихъ условій и оговорокъ. Кедренъ говоритъ, что, по слухамъ, сами послы подбивали Катакалона не принимать никакихъ условій, а также и Комнена подъ присягой увѣряли, что все населеніе города любитъ его, и что ему стоитъ лишь подступить къ городу, какъ оно, вытолкавъ «старика», приметъ его съ побѣдными кличами и съ гимнами [2]).

Между тѣмъ, еще раньше вступившій въ переговоры съ Комненомъ, Стратіотикъ, стараясь привлечь къ себѣ благосклонность гражданъ подарками и почестями, чтобы связать ихъ еще болѣе сильными узами, обязалъ византійцевъ присягнуть, подъ страшными заклятіями, въ томъ, что они никогда не назовутъ Комнена царемъ или господиномъ и не воздадутъ ему чести, подобающей царю, а сенаторовъ заставилъ подписаться подъ документомъ, въ которомъ это было изложено, и написанное скрѣпить. Теперь, когда сдѣлалось извѣстно, что императоръ пріобщаетъ Комнена къ власти, а Комненъ между тѣмъ былъ уже совсѣмъ близко отъ столицы, ранним утромъ, собралась въ великую церковь толпа народа, въ томъ числѣ нѣсколько знатныхъ лицъ, требуя, чтобы патріархъ сошелъ къ нимъ, такъ какъ они имѣютъ сообщить ему важныя извѣстія. Патріархъ сначала отказался и распорядился запереть дверь, ведущую въ верхнія отдѣленія церковнаго зданія, ограничившись высылкой къ бушующей толпѣ, для ея выслушанія, двухъ своихъ племянниковъ, а толпа тѣмъ временемъ сильно

---

[1]) Обвинит. рѣчь, см. у *Безобразова* въ „Матеріалахъ“, стр. 53.

[2]) Cedren II, 633—634.

возрасла, увеличившись не только зѣваками, жадными до всякихъ новостей, но и людьми благоразумными, и немалымъ числомъ сенаторовъ, недовольныхъ Стратіотикомъ. Послышались угрозы, что племянниковъ патріарха задушатъ, если онъ самъ не сойдетъ. Тогда патріархъ—вынужденно ли, не знаю, говоритъ Кедренъ, или добровольно, какъ большею частію утверждаютъ,—сошелъ внизъ въ своемъ патріаршемъ облаченіи, съ видомъ глубоко оскорбленнаго человѣка. Но все это, какъ показали факты, было комедіей,—говоритъ Кедренъ. Лишь только онъ явился, какъ зажигатели толпы взяли его и, принеся тропъ, посадили по правую сторону амвона. Сначала его стали убѣждать, чтобы онъ отправился посломъ отъ нихъ къ императору и потребовалъ выдачи присяжнаго документа, такъ какъ теперь самъ же императоръ назначилъ Комнена престолонаслѣдникомъ, такъ что для присягнувшихъ оказывается-де неизбѣжною дилемма: или совершить клятвопреступленіе (величая Комнена, въ противность присягѣ, императоромъ), или подвергнуться казни за преступленіе величества (не провозглашая имени его, какъ императора, въ противность состоявшемуся между Стратіотикомъ и Комненомъ соглашенію). Патріархъ обѣщалъ исполнить эту просьбу, но нѣсколько спустя, о просьбѣ было забыто, Комнена провозгласили самодержцемъ-царемъ, не желавшихъ этого называя врагами римлянъ и апостатами и требуя разграбленія ихъ домовъ. Это одобрено было и самимъ патріархомъ, отъ имени котораго присутствовалъ и одобрялъ второстепенный священникъ Стефанъ, а также патріархъ антіохійскій Ѳеодоръ (преемникъ извѣстнаго намъ Петра), который провозгласилъ многолѣтіе Комнену и распоряжался разрушеніемъ и разграбленіемъ домовъ лицъ, не одобрявшихъ случившагося. И все это дѣлалось въ св. храмѣ! Патріархъ затѣмъ отправляетъ два посольства: одно къ Комнену, другое къ «старику», перваго приглашая спѣшить безъ всякаго промедленія и требуя награды за содѣйствіе, какъ бы уже за покончeнное дѣло, а послѣдняго приглашая оставить дворецъ, какъ совсѣмъ ему не принадлежащій. Отсюда для всѣхъ ясно обнаружилось, что патріархъ былъ не только соучастникомъ, но и первовиновникомъ «апостазіи». Когда «старикъ» спросилъ посланныхъ къ нему патріархомъ митрополитовъ: «что патріархъ дастъ мнѣ въ замѣнъ царства?»

и эти отвѣтили: «царство небесное», онъ тутъ же, снявъ съ себя порфиру и пурпурныя туфли и одѣвшись въ простое платье, оставилъ дворецъ. Все это разсказываетъ Кедренъ, присовокупляя свое собственное размышленіе, что Стратіотикъ несомнѣнно-де получилъ бы обѣщанное митрополитами царство небесное, если бы добровольно отрекся отъ царства при самомъ началѣ «апостазіи», но такъ какъ онъ довелъ дѣло до междоусобной войны и до погибели многихъ гражданъ и отрекся лишь бывъ вынужденъ необходимостію, то остается подъ сомнѣніемъ, получитъ ли онъ царство небесное, въ видѣ эквивалента (ἀντιμισθία) за земное царство [1]). А закапчивается разсказъ Кедрена сообщеніемъ, что, послѣ удаленія старика въ свой домъ, находившійся въ Акрополѣ, 31-го августа утромъ Кекавменъ Катакалонъ, возведенный Комненомъ въ санъ куропалата, со многими знатными лицами посылается занять дворецъ, къ вечеру же является и самъ Комненъ, послѣ чего на другой день, 1-го сентября 1058 г. въ торжественной процессіи направляется въ великую церковь, гдѣ съ высоты амвона возлагаются на него руками патріарха царская діадема, и онъ провозглашается царемъ-самодержцемъ римлянъ. Подробно говоритъ о двухъ посольствахъ къ Комнену Пселлъ, который самъ былъ главнымъ дѣйствующимъ въ нихъ лицомъ, ибо на его краснорѣчіе и софистическую силу (εὐγλωττία και σοφιστική δύναμις) въ особенности разсчитывалъ Стратіотикъ [2]). Понятно, что о вѣроломствѣ пословъ, которое могло бы быть лишь послѣдствіемъ стачки съ патріархомъ и съ комненовскою партіею въ Константинополѣ, «ипатъ философовъ» ничего не говоритъ. Дѣло, по изложенію Пселла, представляется въ такомъ видѣ, что предложенія, съ которыми явилось второе посольство, были одобрены всѣми, начиная съ самого Комнена и кончая его солдатами. Комненъ намѣревался уже мирнымъ образомъ вступить въ столицу, безъ всякихъ непріязненныхъ намѣреній въ отношеніи къ престарѣлому Стратіотику, а константинопольскіе послы готовились возвратиться съ этою вѣстію въ столицу, какъ пришло оттуда извѣстіе о низверженіи Стратіотика съ престола.

---

[1]) *Cedren.* II, 634—638.

[2]) См. у Саѳы, IV, 217 и сл. *Безобразовъ*, Мих. Пселлъ, стр. 63—72

Кедренъ, писавшій въ XII в., какъ считается теперь установленнымъ у спеціалистовъ византійской исторіографіи, повторялъ въ своемъ Σύνοψις ἱστοριῶν Іоанна Скилицу, младшаго современника Пселла, который состоялъ въ высокомъ санѣ куропалата въ концѣ XI в., и слѣдовательно писалъ черезъ 25—30 лѣтъ послѣ описанной константинопольской революціи. Но объ этой же революціи довольно подробно говоритъ и другой, болѣе ранній историкъ, въ собственномъ смыслѣ современникъ Пселла, Михаилъ Атталіотъ, фактическую сторону излагающій не съ такою подробностію, какъ Кедренъ, но на нѣкоторыхъ пунктахъ останавливающійся съ особымъ вниманіемъ.

Вопервыхъ, Атталіотъ подробнѣе говоритъ объ отношеніи патріарха къ константинопольской революціи. Неяснымъ остается, по его словамъ, былъ ли патріархъ съ самаго начала участникомъ въ замыслахъ, направленныхъ противъ царя (т. е. не была ли самая явка бунтовщиковъ въ великую церковь условлена заранѣе между патріархомъ и вожаками, и притомъ съ вѣдома самого Комнена); но, въ виду нѣкоторыхъ фактовъ, подозрѣніе патріарха въ соучастіи представляется Атталіоту правдоподобнымъ. Эти факты суть: 1) дружба и приближенность къ Комнену Константина Дуки (женатаго на племянницѣ Керуларія); 2) поведеніе собравшейся не въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, а именно въ храмѣ, толпы, которая послѣ того, какъ означенный умыселъ пересталъ держаться въ секретѣ, дѣйствовала противорѣчиво, сначала упирая на то, что царь, въ нарушеніе ранѣе состоявшагося соглашенія, по которому Комненъ не долженъ быть признаваемъ царемъ, вступилъ съ этимъ же самымъ Комненомъ въ переговоры и пріобщилъ его къ власти, а потомъ неожиданно провозгласивъ Комнена императоромъ; 3) присутствіе въ храмѣ племянниковъ патріарха, для спасенія якобы которыхъ и для предупрежденія междоусобной войны, патріархъ взялъ на себя роль судьи и вершителя того, что говорилось, ставъ на сторону большинства и приказавъ священникамъ провозгласить славословіе Комнену.

Вовторыхъ, сказавъ, что партія Комнена въ городѣ стала болѣе и болѣе усиливаться, а власть «старика» расшатываться, и что къ Комнену послано было извѣстіе объ открытыхъ для него

воротахъ города и о всенародномъ провозглашеніи его императоромъ, Атталіотъ сообщаетъ намъ важдый фактъ, о которомъ, какъ мы увидимъ, говоритъ также Пселлъ. Въ ожиданіи Компена, патріархъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальныхъ лицъ (πάντας τοὺς ἐν τέλει), изъ которыхъ одни явились добровольно, другіе вынужденно (но можетъ быть благоразумно)—военныя и гражданскія сословія, вмѣстѣ и съ царскою властью, неумѣло отставилъ [1]) и назначилъ новыхъ должностныхъ лицъ, которыя казались приличествующими данному времени, а старику, по требованію толпы, послалъ сказать, чтобы онъ немедленно постригся, если желаетъ остаться въ живыхъ.

Втретьихъ, сцена низложенія Стратіотика описывается Атталіотомъ съ нѣкоторыми новыми чертами. Несмотря на то, что дворцовая гвардія и приверженцы его готовы были выйти на противниковъ и поддержать его власть, Михаилъ не допустилъ этого, говоря, что было бы съ его стороны дѣломъ человѣконенавистничества и эгоизма согласиться на оскверненіе столицы убійствами и закланіями человѣческими, и, посмотрѣвъ на красныя туфли, промолвилъ: «изъ за нихъ Михаилъ не измѣняетъ благочестію», потомъ, отшвырнувъ ихъ отъ себя, наклонилъ голову передъ посланными, для постриженія. Благодушно перемѣнивъ царское великолѣпіе на монашеское житіе и драгоцѣнное одѣяніе на рубище, онъ сейчасъ же препровождается къ патріарху, который встрѣчаетъ его съ видомъ человѣколюбія и съ улыбкой, говоритъ ему: «радуйся» и цѣлуетъ его. Старикъ же на это привѣтствіе отвѣчаетъ: «Богъ да воздастъ тебѣ, святитель, за твое привѣтствіе», послѣ чего препровождается въ одинъ изъ патріаршихъ домовъ для совершеннѣйшаго уединенія, процарствовавъ всего одинъ годъ [2]).

---

[1]) Въ греческомъ текстѣ стоитъ: καὶ δὴτα τοῦ πατριάρχου πάντας τοὺς ἐν τέλει μετακαλεσαμένου πρὸς ἑαυτὸν, οὓς μὲν ἑκουσίως, δὺς δὲ ἀκουσίως ἐκβιασθέντας τυχὸν οἰκονομικῶς, στρατιωτικὰ δὲ καὶ δημοτικὰ συντάγματα ἐκεῖσε τὴν βασίλειον ἐξουσίαν ἀφυῶς μετεστήσατο. Въ латинскомъ переводѣ по боннскому изданію это мѣсто едвали правильно передано. „atque postquam patriarcha omnes magistratus ad se arcessivisset, alios volentes, alios invitos coactos· prudenter fortasse, militum et populi collegia ibi regiam potestatem *omnino mutarunt.*

[2]) Michaelis Attaliotae historia по боннск. изд. 1853 г., стр. 56—59.

И еще одинъ византійскій историкъ подробно говоритъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ воцаренію Исаака Комнена, именно Іоаннъ Зонара, писавшій около половины XII в. Этотъ говоритъ обстоятельно о двухъ посольствахъ отъ Стратіотика къ Комнену и о рѣшимости послѣдняго, вмѣстѣ съ его войскомъ, сложить оружіе и прекратить «тираннію», не набрасывая тѣни подозрѣнія на пословъ и не приписывая заднихъ мыслей ни Комнену, ни его сторонникамъ. Сказавъ затѣмъ о томъ неудачномъ шагѣ, который сдѣланъ былъ Стратіотикомъ до вступленія его въ переговоры съ Комненомъ (наложеніе на византійцевъ присяги никогда не признавать Комнена) и объ извѣстныхъ намъ событіяхъ въ Софійской церкви, Зонара, какъ и другіе историки, констатируетъ существованіе мнѣній или слуховъ о притворствѣ патріарха, якобы противъ воли вынужденнаго выйти къ бунтовщикамъ. Притворствомъ считаетъ Зонара и просьбу, обращенную къ патріарху отправиться къ царю, въ качествѣ посла для вытребованія присяжнаго документа, равно какъ и согласіе патріарха удовлетворить этой просьбѣ, ибо, по прошествіи немногаго времени, явно провозгласили Комнена царемъ и самодержцемъ, при согласіи и при содѣйствіи самого патріарха (αὐτοῦ τοῦ πατριάρχου συνευδοκοῦντος καὶ συμπράττοντος), который пригласилъ Комнена спѣшить и потребовалъ отъ него награды за провозглашеніе, а Михаила извѣстилъ, чтобы онъ оставилъ дворецъ. Слѣдуетъ краткое сообщеніе (по Кедрену) о сценѣ постриженія Стратіотика и о торжественномъ вступленіи Комнена въ столицу [1]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя намъ тремя историками о революціи, предшествовавшей воцаренію Исаака Комнена, оставляютъ неяснымъ вопросъ объ отношеніи самого Комнена къ этой революціи и вмѣстѣ о честности пословъ, черезъ которыхъ велись переговоры между Комненомъ и Стратіотикомъ. Но работали ли вожаки константинопольскаго движенія по соглашенію съ Комненомъ и стали ли на сторону этого же движенія послы Стратіотика, такъ что на устраненіе послѣдняго прямо разсчитывалось въ лагерѣ Комнена предъ въѣздомъ его въ столицу, или же послы не измѣняли Стратіотику, и сверженіе его съ престола было не-

[1]) Ioannes Zonaras, III, 661—665.

ожиданностію для Комнена—личность патріарха предстаетъ предъ нами въ одинаково невыгодномъ освѣщеніи. Если допустить первое, то патріархъ, становясь во главѣ заговорщиковъ, подкапывался подъ существующее правительство въ пользу «тиранна», по соглашенію съ этимъ послѣднимъ. Если допустить второе, то патріархъ сдѣлалъ нѣчто такое, чего самъ Комненъ не ожидалъ, хотя въ пользу Комнена же. При томъ и при другомъ предположеніе ясно, что патріархъ велъ свою политику, которая была бы тѣмъ болѣе непростительна, если бы, какъ утверждаетъ г. Скабалановичъ [1]), Стратіотикъ принялъ выше упоминавшійся совѣтъ Пселла, т. е. примирился бы съ патріархомъ. Въ еще болѣе рѣзкой окраскѣ выступаетъ передъ нами патріархъ у Пселла въ его обвинительной рѣчи. Сказавъ о благопріятномъ исходѣ второго посольства, о согласіи Комнена на сдѣланныя ему предложенія и о прекращеніи междоусобія, Пселлъ говоритъ нѣчто такое, на что лишь намекаютъ названные выше историки. «Такъ постановилъ Богъ» разсуждаетъ обвинитель, сказавъ о согласіи Комнена на предложенія, сдѣланныя ему черезъ второе посольство, «а великій въ патріархахъ творитъ ужасное, *не выноситъ, чтобы кто нибудь царствовалъ безъ его согласія*, и возстаетъ противъ Бога за то, что Онъ не посовѣтовался съ нимъ, какъ распорядиться царствомъ. Что же онъ дѣлаетъ? Не думайте, что я сочиняю: будь я проклятъ, если прибавлю что нибудь къ дѣйствительно случившемуся. Онъ открываетъ двери храма бѣшенымъ мятежникамъ, кутившимъ цѣлую ночь.... Какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, одни приходятъ за другими, но не знатные люди, не стоящіе во главѣ войска и государства, но прежде всего вся его партія и нѣкоторые другіе, проклинаемые народомъ. Когда большинство черни, по истинѣ скотское исчадіе, собралось у великаго пастыря и архіерея, онъ сперва выказываетъ неудовольствіе на ихъ движеніе и надѣваетъ маску лицемѣрія. Затѣмъ очень скоро его убѣждаютъ, онъ снисходитъ къ нимъ и *дерзаетъ выступить противъ двухъ царей*, изъ которыхъ одинъ находился въ царскомъ дворцѣ, украшенный всѣми императорскими регаліями (т. е. Стратіотикъ), другой же входилъ во дворецъ, сопровождаемый царскою

[1]) Визант. госуд. и церковь ст. 77—78 въ примѣч.

свитою (т. е. Комненъ).... я обвиняю архіерея, въ томъ, что ему не слѣдовало, въ то время какъ скипетръ находился, какъ сказано, въ рукахъ двухъ царей, вмѣшиваться въ государственныя дѣла и заботиться о выборѣ царя. *Онъ сдѣлался тираномъ по отношенію къ двумъ царямъ* и на обоихъ онъ поднималъ руки, одного устраняя издали, другого отгоняя отсюда, *чтобы утвердить державу и дворецъ за собою.* Онъ и въ прежнія времена стремился къ этому (имѣется въ виду заговоръ противъ Пафлагона), но планы его тогда не удались, однако отъ своей надежы онъ не отказался. Для чего же онъ открылъ заговорщикамъ ворота храма? Почему же онъ не пригрозилъ сбѣжавшимся и не выгналъ ихъ оттуда?. Ибо они ни вошли сразу большой толпой, но сперва человѣкъ 16, или немного больше..... *Стремленіе къ царской власти, желаніе царствовать надъ всѣми, желаніе движеніемъ бровей потрясать небо и Олимпъ заставляло его пренебрегать самыми священными вещами.* Итакъ сходитъ внизъ владыка съ пастырскимъ жезломъ, чтобы направить паству на пастбище и къ источнику. Онъ стоитъ съ дубиною и обычною жестокостью, намѣреваясь выгнать дикихъ звѣрей и отдать имъ на съѣденіе священную паству Господа, за которую онъ положилъ свою душу. Придя, онъ ничего не сказалъ, не спросилъ, не возражалъ, не высказалъ своего мнѣнія, но какъ тираны, когда очутятся внутри стѣнъ, тотчасъ всходятъ на акрополь, чтобы съ возвышеннаго мѣста сейчасъ же выказать свой тираннскій образъ мыслей, такъ и этотъ священническій тираннъ тотчасъ же разбойническимъ и непріязненнымъ образомъ бросился въ тайное святилище подъ недоступную крышу, въ мѣсто для толпы неприступное». Сравнивъ затѣмъ Керуларія съ Іудой, Пилатомъ и Каіафой, Пселлъ продолжаетъ:

«Обсуждали выборъ царя, ибо онъ *одинаково ненавидѣлъ обоихъ императоровъ.* Онъ желаетъ тотчасъ же умертвить находящагося во дворцѣ, находящемуся вдали помѣшать войти. чтобы *или самому стать тираномъ, или рукоположить кого въ тираны.* Если даже мы допустимъ, что онъ не хотѣлъ стать царемъ самъ, мы не можемъ устранить отъ него обвиненіе въ оскорбленіи величества, ибо онъ возмущался противъ царя, имѣлъ намѣреніе убить императора, а возымѣвъ такое намѣреніе, дерзнулъ совершить это (т. е. принудительнымъ постриженіемъ Стратіотика).... Когда столица призна-

вала двухъ императоровъ, одного живущаго внутри столицы, другого приходящаго извнѣ по соизволенію Божіему, на котораго возлагали всего болѣе надежды, *не было повода ни къ какому новому движенію*, случившееся нравилось всѣмъ, и никто изъ знатныхъ и власть имущихъ не замышлялъ ничего, но всѣ сидѣли смирно, предоставляя дѣло произволу Божіему. Божественный же владыка собралъ разбойническое войско, сдѣлалъ ихъ копьеносцами и метающими камни. О дерзость, о наглость! Онъ не только вооружилъ эту шайку, но сначала старался привлечь знать, а затѣмъ собралъ народную толпу. Онъ приказывалъ *срывать до основанія дома* тѣхъ, кто не желалъ этого и предпочиталъ жить спокойно. Какая ни дѣлалась ужасная вещь! Какое нелѣпое дѣло ни совершалось! *Разрушались дома, ихъ стражи подвергались нападеніямъ, одни защищаясь падали мертвыми, другіе сдавались отъ такого образа дѣйствій. Все было преисполнено смятенія и безпорядка...* (Пселлъ сравниваетъ Керуларія съ Нерономъ, который, поджегши городъ, смотрѣлъ на пожаръ, какъ на игру). Патріархъ угрожалъ тѣмъ, кто не хотѣлъ стать на его сторону. *Онъ представляетъ изъ себя царя, дѣлаетъ назначенія, раздаетъ чины, одного ставитъ во главѣ народа* (дѣлаетъ димархомъ), *другому вручаетъ власть надъ моремъ, третьему ввѣряетъ поля, а себѣ самому удѣляетъ достоинство царя. Онъ намѣревался въ непродолжительномъ времени украситься діадемой и повсюду являться вѣнценосцемъ.* Устроивъ все, онъ посылаетъ людей убить императора, если онъ тотчасъ не сойдетъ съ престола, не склонитъ передъ нимъ головы. Тотъ же, испугавшись тиранской жестокости и боясь, какъ бы не потерпѣть чего нибудь болѣе ужаснаго, безъ долгихъ убѣжденій отказался отъ престола вслѣдствіе испуга и идетъ къ тирану... *Укротивъ такимъ образомъ одного, онъ направляется противъ другого.* Но, когда онъ увидѣлъ, что Провидѣніе склонилось на сторону того (Комнена), и всѣ призываютъ его и не хотятъ слышать ни о комъ другомъ, онъ самъ по необходимости дѣлается его сторонникомъ. ....Архіерей напалъ на священную особу царя и изъ двухъ царей одного уничтожилъ, другого уничтожить не смогъ... Когда Богъ отдѣлилъ священство отъ царства, послѣднее поставилъ во главѣ мірскихъ дѣлъ, священству же поручилъ заботу о душахъ, божественный Самуилъ не противился Саулу, онъ не негодовалъ и

не сопротивлялся царской власти, считая, что она отнята отъ него, напротивъ, сынъ Анны повиновался и подчинялся сыну Кисову; великій же нашъ владыка посягнулъ на царскую власть, *пытался соединить власти, Богомъ разъединенныя*, одного изъ самодержцевъ свелъ съ ромейскаго престола, другого старался не допустить.... [1])

Охотно допуская, что обвинительная рѣчь Пселла страдаетъ преувеличеніями и натяжками, въ родѣ сравненія Керуларія съ Пилатомъ, съ Нероном̀ъ и проч., искажаетъ факты, напримѣръ фактъ, устанавливаемый всѣми историками, что въ Софійской церкви присутствовали не одни подонки константинопольскаго населенія, а и люди изъ сенаторскаго сословія и другія знатныя лица, читатель долженъ сознаться, все-таки, что рѣчь производитъ гораздо большее впечатлѣніе реальной правды, чѣмъ посмертный панегирикъ того же Пселла въ честь Керуларія, въ которомъ мы видимъ наборъ словъ и отсутствіе исторической перспективы. Мы познакомились раньше съ отрывкомъ изъ этого панегирика, касающагося раздѣленія церквей, и видѣли, насколько онъ соотвѣтствуетъ дѣйствительной исторіи. Таковой же неисторическій характеръ носитъ и то мѣсто въ панегирикѣ, которое относится къ революціи, предшествовавшей воцаренію Комнена. Очень краснорѣчиво описывается междоусобная война съ ея ужасами и бездѣятельность Стратіотика [2]) раньше собранія народа въ великой церкви; но о разрушеніи и разграбленіи домовъ тѣхъ лицъ, которыя не желали провозглашенія Комнена императоромъ, послѣ состоявшагося рѣшенія въ великой церкви, не говорится ни слова. Притомъ даже и въ похвальной своей рѣчи Пселлъ не можетъ удержаться отъ нѣкоторой ироніи, выражаясь, что, патріархъ, взявшійся умѣлою рукою за руль въ моментъ распаденія всякаго порядка, выступилъ съ такимъ величіемъ, что, тѣ за кого онъ благоволилъ высказаться, тѣ и признавались лучшими другихъ [3]), и что каждому изъ соперничавшихъ императоровъ онъ мудро

---

[1]) Обвинит. рѣчь по переводу Безобразова въ Ж. М. Н. Пр. ч 265, стр. 54—58.

[2]) У *Сафы, IV*, 363—364.

[3]) Тамъ же стр. 362

доставилъ то, что для нихъ было нужно,—одному спасеніе души, другому власть и усмиреніе возстанія [1]). О желаніи царствовать и движеніемъ бровей потрясать всѣхъ и все говорится не въ обвинительной только рѣчи, а и въ другихъ источникахъ, съ которыми мы отчасти уже встрѣчались [2]), а отчасти предстоитъ еще познакомиться. Поэтому едва ли правильно было бы тѣ мѣста обвиненія, въ которыхъ Керуларію приписывается попытка захвата въ свои руки царской власти, и гдѣ онъ представляется лишь позднѣе и вынужденно переходящимъ на сторону Комнена, считать неосмысленною клеветою, или эксцессомъ прокурорскаго увлеченія. Пселлъ, когда писалъ свою обвинительную рѣчь, конечно, принималъ въ соображеніе и то, что случилось позднѣе, уже въ царствованіе Комнена, и характеризовалъ патріарха не только тѣми чертами, которыя раскрылись передъ воцареніемъ Комнена, но и такими, которыя ясно выступили позднѣе, такъ что обвинитель оперировалъ надъ цѣльною, такъ сказать, психологіею Керуларія. А выходя изъ этой цѣльной психологіи, даже и современный изслѣдователь можетъ задаться вопросомъ: сразу ли въ самомъ дѣлѣ Керуларій сталъ на сторону Комнена, и не было ли у него первоначально въ головѣ другой политической комбинаціи, отъ которой, однако, онъ поспѣшилъ отступиться, увидѣвъ невозможность ея осуществленія? Если Пселлъ говоритъ, что патріархъ хотѣлъ или самъ стать тиранномъ, или рукоположить кого въ тиранны, то не было ли для этого обвиненія фактической подкладки? Не замышлялось ли уже тогда патріархомъ то самое, что потомъ, два года спустя, осуществилось по смерти патріарха путемъ интриги, благодаря которой Исаакъ Комненъ, человѣкъ воинской доблести, умный и честный правитель, долженъ былъ оставить престолъ, очистивъ его для неспособнаго Константина Дуки?, Другими словами, не разсчитывалъ ли патріархъ, ставъ во главѣ движенія, направляемаго противъ Стратіотика, повернуть это движеніе въ пользу того кандидата, котораго самъ онъ предложилъ бы? А Константинъ Дука былъ бы, разумѣется, болѣе желательнымъ для Керуларія кандидатомъ, чѣмъ Исаакъ Комненъ, не только

---

[1]) Тамъ же стр. 365—366.

[2]) См. выше, стр. 82.

потому, что Дука былъ мужемъ племянницы Керуларія, но и потому, что Дука вполнѣ пригоденъ былъ дѣйствовать на императорскомъ престолѣ, какъ креатура патріарха, а этотъ послѣдній въ самомъ дѣлѣ получилъ бы возможность соединить такимъ образомъ и въ этомъ смыслѣ въ своихъ рукахъ и духовную, и свѣтскую власть. Можетъ быть, и для самого Комнена эта комбинація не представлялась невозможною; поэтому-то онъ, въ числѣ другихъ милостей, излитыхъ имъ на патріарха въ видѣ благодарности за содѣйствіе къ вступленію его на престолъ, возвелъ или обѣщалъ возвести Константина Дуку въ цезари [1]). Во всякомъ случаѣ остаются безспорными два немаловажные факта, удостовѣряемые не только Пселломъ въ его обвинительной рѣчи, но и Скилицей—Кедреномъ: 1) патріархъ руководилъ тѣмъ терроромъ, который обрушился на всѣхъ тѣхъ, кто не присоединился къ рѣшенію, состоявшемуся въ великой церкви [2]); 2) патріархъ своею властію замѣстилъ должности по государственному управленію, хотя на другой день ожидалось торжественное вступленіе самого Комнена въ столицу, и слѣдовательно не было никакой надобности предпринимать этотъ правительственный актъ даже съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, не говоря уже о принятіи на себя патріархомъ неподобающаго дѣла.

Керуларій,—сразу ли и искренно, или послѣ нѣкотораго колебанія,—очистившій императорскій престолъ для Комнена, сознавалъ за собою право разсчитывать на благодарность послѣдняго,—сознавалъ соотвѣтствующую обязанность и самъ Комненъ, что и выразилось самымъ наглядным образомъ, тотчасъ же по вступленіи его на престолъ. Дѣйствительно и у Атталіота, [3]) и у Скилицы [4]), и у Зонары [5]) говорится о проявленіи Комненомъ чувства благодарности по отношенію къ содѣйствовавшимъ вступленію на

---

[1]) Пселлъ у Саѳы, IV, 257. См. объ этомъ *Скабаланновича*, Визант. госуд. и церковь, 87 и *Безобразова*, Пселлъ, 91—95.

[2]) См. выше стр. 95 и ср. на стр. 59 у *Безобразова* въ „Матеріалахъ“: „развѣ ты не вооружалъ однихъ, не приказывалъ другимъ стеречь улицы, занимать узкіе проходы, окружать стѣны, снаряжать триры?“

[3]) Attal. 66.

[4]) Cedren. II, 641—642.

[5]) Zonar. III, 666.

престолъ и въ особенности по отношенію къ патріарху, который при томъ же (по разсказу историковъ), при самомъ отправленіи посольства къ Комнену съ предложеніемъ спѣшить въ столицу (послѣ извѣстнаго намъ провозглашенія его императоромъ въ великой церкви), *потребовалъ* отъ Комнена эквивалента за оказанныя услуги. Благодарность выразилась въ особомъ почтеніи, съ которымъ относился новый императоръ къ патріарху, какъ къ своему отцу, въ возведеніи племянниковъ патріарха на высшія должности, въ возвращеніи изъ ссылки хіосскихъ монаховъ и въ отказѣ отъ императорскаго права назначенія на должности по имущественному управленію великой церкви и надзора за этимъ управленіемъ. Послѣдній пунктъ требуетъ нашего особаго вниманія. По словамъ Атталіота и Скилицы, императоръ свои царскія права по отношенію къ священству принесъ въ жертву великой церкви съ совершеннымъ устраненіемъ дворца (т. е. свѣтскаго правительства), такъ что ни въ области хозяйства, ни по части попеченія и управленія священными сокровищами (т. е. церковной казной), никто изъ чиновниковъ не могъ назначаться царемъ, но отъ власти патріарха должно было зависить и назначеніе лицъ, и управленіе дѣлами [1]). А Зонара называетъ самыя должности, замѣщеніе которыхъ до сихъ поръ зависѣло отъ императора, а на будущее время предоставлялось патріарху, съ совершеннымъ устраненіемъ фиска отъ этого дѣла: должности великаго эконома и скевофилакса [2]).

Съ достовѣрностію неизвѣстно, съ какого времени существовалъ въ Византіи порядокъ, отмѣненный Исаакомъ Комненомъ

---

[1]) „Καὶ τὰ τοῖς βασιλικοῖς δικαίοις προσόντα παρὰ τῶν ἱερατικῶν δίκαια τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ καθιεροῖ καὶ τούτων ἀλλοτριοῖ ποντάπασι τὸ παλάτιον, ὥστε μήτ' ἐπὶ τῆς οἰκονομίας, μήτε τῆς τῶν ἱερῶν κειμηλίων προνοίας καὶ προστασίας παρὰ βασιλέως τινὰ προχειρίζεσθαι, αλλά τῆς τοῦ πατριάρχου ἐξουσίας ἠρτῆσθαι καί τήν προχείρησιν τῶν προσώπων καὶ τὴν τῶν πραγμάτων διοίκησιν“ (Attal. и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ у Скилицы).

[2]) „Χαριζόμενος δ' ἔτι τῷ πατριάρχῃ καὶ τὴν τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων οἰκονομίαν τῇ ἐκκλησία ἀπένειμε, μέχρι τότε τοῦ μεγάλου οἰκονόμου προχειρίζομένου παρὰ τοῦ βασιλεύοντος, ἀλλὰ μὴν καὶ τοῦ σκευοφύλακος, ἐκεῖνος δὲ καὶ ἄμφω ὑπο τὴν τοῦ πατριάρχου ἔθετο ἐξουσίαν, ἀποξενώσας ἀμφοῖν τὸ δημόσιον“.

въ видѣ благодарности къ патріарху. Еще въ половинѣ V в. былъ изданъ императоромъ Маркіаномъ законъ, устанавливавшій отчетность церковно-имущественной администраціи предъ фискомъ. Противъ этого закона протестовалъ, какъ выше было замѣчено, папа Левъ Великій [1]); но возможно, что позднѣе императорское правительство возвратилось къ мысли Маркіана и, съ цѣлію лучшаго осуществленія фискальнаго контроля надъ администраціей церковнаго имущества, взяло въ свои руки назначеніе на главныя должности по церковно-имущественному управленію. Гфререр, допуская, что императоры, уже за долгое время до Василія II назначали экономовъ, утверждаетъ, что при Василіѣ II этого порядка не было, и что возстановленіе его было результатомъ переговоровъ между Константиномъ Мономахомъ и Керуларіемъ, предшествовавшихъ возведенію послѣдняго на патріаршую каѳедру [2]). Ближайшимъ поводомъ къ переговорамъ могъ послужить тотъ фактъ, что послѣ умершаго патріарха Алексѣя (предшественника Керулярія) осталась огромная сумма въ 25 центенаріевъ золота, которую Мономахъ конфисковалъ. Отказъ Комнена отъ права назначенія на указанныя выше должности долженъ былъ, по мнѣнію Гфрёрера, приводить къ слѣдующимъ послѣдствіямъ: 1) патріархъ получалъ исключительно въ свои руки управленіе церковнымъ имуществомъ, 2) исключительно по своему усмотрѣнію выдавалъ содержаніе подчиненному духовенству, 3) могъ накоплять какіе угодно денежные капиталы [3]). Отсюда-то и объясняется, по мнѣнію Гфререра, возможность такихъ фактовъ, что послѣ патріарха Алексѣя осталось нѣсколько милліоновъ рублей на наши деньги, или у ѳессалоникскаго митрополита оказалась даже гораздо большая сумма. Кедренъ разсказываетъ [4]), что на ѳессалоникскаго митрополита Ѳеофана была подана мѣстнымъ духовенствомъ жалоба императору (Михаилу

---

[1]) См. выше стр. 73.

[2]) Byz. Gesch. III, 202, 270, 275.

[3]) Ibid. 272. Нужно помнить, что византійское право не знало того, что у насъ называется „архіерейскимъ домомъ“: имущество, предназначенное на содержаніе архіерея, не обособлялось отъ остальнаго церковнаго имущества, и всякое церковное имущество находилось въ рукахъ архіерея.

[4]) Cedren. II, 518.

Пафлагону, находившемуся на этотъ разъ въ Θессалоникахъ), по поводу невыдачи отъ митрополита духовенству слѣдующаго ему содержанія натурой (хлѣбомъ). Императоръ убѣждалъ митрополита не обижать клириковъ, а когда убѣжденія не подѣйствовали, употребилъ хитрость. Онъ попросилъ у митрополита, черезъ одного изъ своихъ служителей, въ заемъ одинъ центенарій впредь до полученія денегъ изъ Византіи, а когда митрополитъ подъ присягой увѣрилъ, что у него не имѣется болѣе 30 фунтовъ, распорядился освидѣтельствовать наличность архіепископской кассы. По освидѣтельствованіи, въ ней оказалась огромная сумма въ 33 центенарія (т. е. 3,300 ф.) золота. Изъ этой суммы императоръ уплатилъ клирикамъ все, что было ими не дополучено съ перваго года архіепископства Θеофана вплоть до настоящаго дня, остальное раздѣлилъ между бѣдными, а самого Θеофана отрѣшилъ отъ должности. Оба факта, падающіе почти на одно и тоже время, навели Гфререра на мысль, что они сдѣлались возможны благодаря тому, что императоръ Василій II, по соглашенію съ патріархомъ Сисиніемъ и его ближайшими преемниками, отказался отъ всякаго вмѣшательства въ церковно-имущественное управленіе во всѣхъ округахъ имперіи, давъ тѣмъ самымъ возможность патріарху и епископамъ держать духовенство впроголодь и накоплять большіе капиталы.

Въ предположеніяхъ Гфререра много произвольнаго. Что капиталы накоплялись архіереями именно потому, что духовенство держалось впроголодь, едва ли возможно доказать, въ смыслѣ общаго положенія, примѣнимаго ко всѣмъ епископскимъ каѳедрамъ. Тѣмъ болѣе едва ли можно производить отдѣльные случаи обнаруженнаго высшими епископами любостяжанія изъ соглашенія Василія II съ патріархомъ, такъ сказать изъ поблажки со стороны императора въ пользу высшей духовной іерархіи. Остается, однако, несомнѣннымъ фактъ, что, ко времени воцаренія Исаака Комнена, должности великаго эконома и скевофилакса замѣщались императоромъ. Затѣмъ изъ выраженій Кедрена и въ особенности Зонары, разсказывающихъ о царствованіи Романа Аргира, можно заключать, что, во времена, предшествовавшія его царствованію, назначеніе на должность эконома принадлежало императору [1]), а

[1]) Романъ III Аргиръ, предшественникъ Михаила Пафлагона, вступилъ на

при Романѣ уже не принадлежало; стало быть, кѣмъ нибудь изъ его преемниковъ оно было возстановлено, если ко времени воцаренія Комнена опять оказывалось въ рукахъ императора. Поэтому можно допустить вмѣстѣ съ Гфререром, что 1) Романъ Аргиръ, вступившій на престолъ 60 лѣтъ отъ роду, въ молодые годы былъ экономомъ великой церкви,—и конечно не по назначенію патріарха, а по назначенію отъ императора, такъ какъ былъ свѣтскимъ лицомъ — приблизительно къ концу X в. слѣдовательно въ первую половину царствованія Василія II, 2) что во вторую половину царствованія Василія II назначеніе эконома предоставлено было патріарху, 3) что императорское право назначенія было возстановлено въ промежутокъ времени между Аргиромъ и Исаакомъ Комненомъ, всего вѣроятнѣе Константиномъ Мономахомъ, при возведеніи на патріаршую каѳедру Михаила Керуларія.

Гфререр, поставившій себѣ цѣлью понять связь сообщаемыхъ историками разрозненныхъ фактовъ и придти къ извѣстному выводу относительно смысла, который долженъ былъ имѣть отказъ императора отъ императорскихъ правъ въ отношеніи къ церковно-государственной администраціи, не обратилъ вниманія на выраженія Атталіота и Скилицы: «πρόνοια» и «προστασία». Эти выраженія наводятъ на мысль, что права, отъ которыхъ отказывался Исаакъ Комненъ, были важны для патріарха не со стороны лишь ихъ матеріальной или экономической цѣнности, а со стороны принципіально-юридической.

«Пронія» на византійскомъ юридическомъ языкѣ означала то, что у славянскихъ народовъ называлось «кормленіемъ» [1]), и пред-

---

престолъ въ 1028 г. Кедренъ (II, 485—486) разсказываетъ, что Романъ начало своего царствованія ознаменовалъ, между прочимъ, слѣдующимъ благодѣяніемъ: зная недостаточность доходовъ великой церкви (такъ какъ самъ, въ *прежнія времена*—ἐν τοῖς ἔμπροσθεν χρόνοις, былъ *экономомъ* этой церкви), повелѣлъ ежегодно отпускать на содержаніе клира 80 фун. золота изъ императорской казны. *Зонара* (III, 574) прибавляетъ еще къ этому, что *царю раньше* принадлежало *назначеніе эконома*. γέγονε γάρ ποτε τῆς θεοῦ λόγου ἐπωνύμου Σοφίας μέγας οἰκονόμος. ἐπεὶ τῷ βασιλεῖ ἀνεῖτο πρόσθεν οἰκονόμον τῆς ἐκκλησίας ταυτησὶ προχειρίζεσθαι.

[1]) *Макушевъ*, О пронiи въ древней Сербiи (Ж. М. Н. Пр. ч. 175 сент. 1874) стр. 2 и сл.; *Скабаланович*, Визант. госуд. и церк. въ XI в., стр. 258 и сл.

ставляла собою извѣстную параллель западно-европейскому лену, точно такъ же какъ византійскій «проніаръ», иначе харистикарій (предоставлявшаяся которому власть часто называлась προστασία) [1]) соотвѣтствовалъ западно-европейскому бенефиціатуленнику [2]). Предметомъ «пропи» были населенныя земли, принадлежавшія царю и царемъ жаловавшіяся служилымъ людямъ въ знакъ милости и въ видѣ награды [3]) А такъ какъ великой церкви принадлежала масса населенныхъ имѣній и не мало патріаршихъ монастырей, которымъ въ свою очередь также принадлежали населенныя имѣнія, то отказъ императора отъ всякаго вмѣшательства въ церковно-имущественное управленіе долженъ былъ означать неограниченную власть патріарха раздавать церковныя земли своимъ проніарамъ, харистикаріямъ, подобно тому какъ царь раздавалъ, въ видѣ пожалованія, царскія земли своимъ служилымъ людямъ, а отчасти и подобно тому, какъ западно-европейскій сеньоръ того времени раздавалъ лены своимъ вассаламъ. Для патріарха такимъ образомъ должно было создаваться положеніе, параллельное съ царской властію въ сферѣ землевладѣнія, и поэтому объ отказѣ Исаака Комнена отъ осуществленія императорскихъ правъ можно думать нѣчто бо̀льшее, чѣмъ думалъ Гфрёреръ. Если бы Комненомъ отмѣнялось то самое, что было возстановлено, по толкованію Гфререра, Константиномъ Мономахомъ, то слѣдовало бы ожидать, что не одинъ патріархъ, а всѣ епископы получатъ право неограниченнаго управленія имуществами своихъ епископскихъ церквей. А между тѣмъ историки, какъ показано было выше, объ епископахъ ничего не говорятъ, отказъ же Комнена отъ осуществленія императорскихъ правъ представляютъ дѣломъ личной благодарности императора къ патріарху, эквивалентомъ услугъ послѣдняго при занятіи первымъ императорскаго престола. Тотъ фактъ, что именно въ XI в. слово: πρόνοια спеціализировалось въ смыслѣ техническаго термина для обозначенія *царскихъ* пожалованій, можетъ служить лишь

---

[1]) *Скабалановичъ*, 259—260.

[2]) *Васильевскій*, Матеріалы для внутренней исторіи византійскаго государства (Ж. М. Н. П., ч. 210, іюнь. 1880), стр. 139 и 143.

[3]) *Скабалановичъ*, стр. 264.

подтвержденіемъ нашего предположенія, что патріархъ получилъ власть; равносильную съ царскою властью, въ области распоряженія всѣми имуществами, принадлежащими великой церкви. Къ этому же результату приводитъ и тотъ фактъ, который случился тотчасъ послѣ смерти Керуларія, и по поводу котораго Кедренъ и Зонара употребили слово: πρόνοια. Сейчасъ мы увидимъ, что Исаакъ Комненъ, вскорѣ же послѣ своего воцаренія, долженъ былъ круто измѣнить свою политику въ отношеніи къ церковному землевладѣнію, чѣмъ вызванъ былъ конфликтъ съ патріархомъ, имѣвшій для послѣдняго роковое значеніе. Въ связи съ этою измѣнившеюся политикой стоитъ оригинальная мѣра, предпринятая Комненомъ, по отношенію къ Константину Лихуду. По разсказу Кедрена и Зонары, избранный на мѣсто Керуларія Константинъ Лихудъ [1]) былъ поставленъ императоромъ въ затруднительное положеніе. Императору желательно было отобрать у Лихуда Манганы [2]), которыя находились въ «проніи» Лихуда. Не придумавъ лучшаго средства достигнуть своей цѣли, Комненъ воспользовался тѣмъ моментомъ, когда Лихудъ сложилъ съ себя сепаторское званіе и свѣтскія должности и получилъ посвященіе въ пресвитеры, но въ патріархи еще не былъ посвященъ. Въ этотъ промежуточный моментъ Комненъ объявилъ Лихуду, что онъ знаетъ за нимъ нѣчто такое, что препятствуетъ его посвященію и должно быть разсмотрѣно на синодѣ, но что если Лихудъ согласится отказаться

---

[1]) Константинъ Лихудъ былъ министромъ въ царствованіе Мономаха. Солидарность его съ Керуларіемъ въ дѣлахъ италійской политики была причиной его удаленія отъ дѣлъ. Затѣмъ Лихудъ былъ, вмѣстѣ съ Пселломъ, въ составѣ посольства, отправленнаго Стратіотикомъ къ Комнену. На патріаршую каѳедру онъ былъ избранъ изъ мірянъ.

[2]) Манганы—дворецъ арсенала съ монастыремъ Св. Георгія при немъ. И къ дворцу, и къ монастырю, безъ сомнѣнія, были приписаны населенныя имѣнія. Съ званіемъ завѣдующаго Манганами соединялось также храненіе публичныхъ документовъ, которыми доказываются права. Лихудъ получилъ въ проніи этотъ дворецъ отъ Мономаха, и для Комнена было ясно, что, сдѣлавшись патріархомъ, Лихудъ ни въ какомъ случаѣ не поступится своей „проніей“ въ пользу императора, который и придумалъ по этой причинѣ оригинальный способъ достигнуть своей цѣли. См. о Mangana: *Du Fresne du Cange*, Constantinopolis christiana, lib. IV, p. 124. 133—134. 155. *Ср. Gfrörer*. Byzantinische Geschichten, III, 628 и сл. О „проніяхъ“ Пселла см. у Скабалановича. стр. 259

отъ Манганъ, императоръ не будетъ мѣшать его посвященію. Это, по выраженію Зонары [1]), «порожденіе діавольски-хитраго ума» заставило Лихуда исполнить императорское требованіе, ибо онъ увидѣлъ, что въ прежнее положеніе (мірянина, сенатора и сановника) ему уже вернуться нельзя, а оставаться въ положеніи пресвитера постыдно [2]).

Исааку Комнену не долго пришлось пользоваться популярностью. Уже раньше примѣръ Никифора Фоки показалъ, насколько опасно было императору затрогивать интересы духовенства, въ особенности сталкиваться съ земельными интересами обширнаго класса духовныхъ властелей или землевладѣльцевъ и вызывать противъ себя ихъ ненависть; а въ тѣ времена ненавистію духовенства, усматривавшаго въ дѣйствіяхъ императора «нечестіе», устанавливалось общественное мнѣніе, разрушалась популярность самаго популярнаго императора. Это случилось и съ Исаакомъ Комненомъ, хотя онъ былъ болѣе справедливъ и менѣе односторонень, чѣмъ Фока, который дѣйствовалъ съ извѣстнымъ пристрастіемъ въ пользу свѣтскихъ властелей. Утвердившись на престолѣ, говоритъ Атталіотъ, Исаакъ увидѣлъ недостаточность средствъ для военныхъ цѣлей, при постоянныхъ въ тоже время опасностяхъ отъ враговъ, и сдѣлался неумолимымъ взыскателемъ съ недоимщиковъ фиска, первый сократилъ жалованье должностнымъ лицамъ и всюду, какъ ненасытный охотникъ, ловилъ деньги. Онъ заботился о бережливости и объ увеличеніи государственной земельной недвижимости, причемъ и многія частныя лица были лишены владѣній, не взирая на жалованныя грамоты (хризовулы), на которыхъ утверждалась ихъ собственность. Онъ набросился также и на нѣкоторыя учрежденія съ большими и богатыми владѣніями, нисколько не меньшими тѣхъ, которыя принадлежали къ царской казнѣ. Обобравъ многія изъ нихъ и оставивъ то, что достаточно было, по его мнѣнію, для существованія монастырей и монаховъ, излишнее отписалъ въ царскую казну, каковое дѣло для людей, склонныхъ къ поспѣшнымъ сужденіямъ, представлялось беззаконіемъ или нечестіемъ, святотат-

---

[1]) „τόκος νοὸς κακοδαίμονος“.

[2]) См. Cedren. II, 644—645. Zonar. III, 670—671.

ствомъ, но въ глазахъ людей, солидно судящихъ о вещахъ, не заключало въ себѣ ничего неумѣстнаго, такъ какъ съ той и другой стороны было полезно: монаховъ, посвятившихъ себя бѣдности, освобождало отъ несовмѣстныхъ съ ихъ образомъ жизни заботъ и промысловъ, и въ то же время не лишало ихъ того, что для нихъ дѣйствительно было необходимо, а съ другой стороны освобождало отъ ихъ гнета сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Ибо монахи, при ихъ роскошныхъ и дорого стоющихъ владѣніяхъ, страдая ненасытностію, которая обратилась у нихъ въ привычную страсть, вынуждали сосѣдей оставлять свои земли, а въ случаѣ процесса одерживали верхъ надъ своими противниками, благодаря массѣ ихъ владѣній и богатствъ, благодаря тому, что они свободны были отъ всякой отчетности, и благодаря лицепріятію. И государственная казна, которая часто ставилась въ необходимость поступаться своимъ въ разныя руки, получала приращеніе и не малое утѣшеніе, причемъ и другимъ не причиняла никакого вреда [1]).

Подобный же трезвый взглядъ на дѣятельность Исаака Комнена высказывается куропалатомъ Іоанномъ Скилицей. Въ виду недостатка денегъ, безъ которыхъ, по выраженію оратора, ничего нельзя подѣлать, и принимая во вниманіе, что военное дѣло шло по этой именно причинѣ неудовлетворительно, и что всѣ повсюду подняли головы противъ римлянъ, къ величайшему поношенію послѣднихъ, Исаакъ сдѣлался неумолимымъ взыскателемъ всего, что должно было поступать въ государственную казну, и самъ первый урѣзалъ жалованье должностнымъ лицамъ, и т. д. согласно съ Атталіотомъ. Образъ дѣйствій императора, говоритъ Скилица, только для людей, судящихъ не подумавши и поспѣшно, могъ казаться проистекающимъ изъ нечестія и несправедливости и направляющимся къ святотатству, напротивъ не представлялъ ничего нелѣпаго въ глазахъ людей, способныхъ смотрѣть на вещи серьезно и духовно (τοῖς ἐμβριθῶς σκοποῦσι καὶ πνευματικῶς). Отнимая у монаховъ возможность сибаритской роскошной жизни и въ то же время, не лишая ихъ необходимаго, кромѣ того еще сосѣдей избавляя отъ злобы и любостяжанія монаховъ, Комненъ, по мнѣнію Скилицы, дѣйствовалъ разумно. Скилица даже восклицаетъ: «о

[1]) Mich. Attal. 60—62.

если бы онъ довелъ до счастливаго конца свое дѣло, и не только по отношенію къ монастырямъ, но по отношенію ко всему вообще духовенству!» [1])

Пселлъ въ своемъ «Столѣтіи византійской исторіи» [2]) характеризуетъ Комнена симпатичными чертами, какъ неутомимаго и разумнаго правителя, хотя и пытается иронизировать надъ нимъ съ высоты своего блудливаго «краснорѣчія и софистической силы». Комненъ, по изображенію Пселла, не зналъ ни покоя, ни усталости, напр. вернувшись послѣ битвы къ вечеру во дворецъ, не перемѣняя даже запыленнаго платья и не тратя времени на приказаніе, чтобы его къ утру вычистили, садился за дѣла военныя и гражданскія. Онъ не зналъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Онъ не былъ рѣчистъ и не тратилъ много времени на слова, выражая обыкновенно свою мысль знаками, киваніемъ головы, движеніемъ руки. Совсѣмъ почти незнакомый съ законами, онъ не спѣшилъ съ своимъ мнѣніемъ по законодательному вопросу, а давалъ высказаться другимъ и, принявъ лучшее изъ мнѣній, дѣлалъ видъ, что онъ и раньше былъ того же мнѣнія. Чтобы не изобличить своего неправильнаго произношенія, онъ не пускался, при выраженіи своего мнѣнія, въ ораторскія упражненія, а или письменно выражалъ свое рѣшенье, или даже и это считалъ излишнимъ. Политики Комнена въ отношеніи къ церковному имуществу Пселлъ видимо не одобрялъ, но главнымъ образомъ онъ порицалъ императора за то, что этотъ торопился уничтожать прежніе порядки безъ должной осмотрительности и не спрашиваясь ничьихъ совѣтовъ. По ироническому замѣчанію Пселла, Богъ создалъ міръ въ шесть дней, а Комненъ считалъ нестерпимымъ для себя, если не создавалъ всего въ одинъ день [3]).

Неблагопріятно высказывается о Комненѣ съ своей монашеской точки зрѣнія Зонара, хотя и этотъ послѣдній съ порицаніемъ относится опять скорѣе къ методѣ, чѣмъ къ принципіальной сторонѣ правительственной дѣятельности Комнена. Зонара представляетъ Комнена самонадѣяннымъ и въ доказательство

---

[1]) Cedren. II, 642—643.

[2]) у Саѳы, IV стр. 234 и сл.

[3]) у Саѳы, IV, 242—243.

самонадѣянности приводитъ тотъ фактъ, что Комненъ велѣлъ чеканить на монетахъ свое изображеніе съ обнаженнымъ мечомъ,— явный-де знакъ, что успѣхъ свой онъ приписывалъ не Богу, а себѣ самому. Такъ какъ преемники Василія II безпорядочно распоряжались имуществомъ фискальнымъ и государственнымъ, частію тратя его на свои удовольствія и на устроеніе монастырей, частію раздаривая его кому вздумается, то царскія сокровищницы были исчерпаны и казна опустѣла. Комненъ, желая исправить это зло, не съ постепенностію и послѣдовательностію взялся за дѣло, разсуждаетъ Зонара, а подобно тому какъ на монетахъ велѣлъ изображать себя съ мечомъ въ поднятой рукѣ, такъ и тутъ прямо схватился за дѣло, готовый сразу обрубить наросты, вмѣсто того чтобы смягчать или накладывать пластырь на больныя мѣста. Послѣ того, какъ его «тираннія» превратилась въ законную власть, онъ не только безъ разбора отмѣнилъ сдѣланное его непосредственнымъ предшественникомъ, отбирая то, что было имъ пожаловано кому либо, но упразднялъ и уничтожалъ многіе изъ актовъ другихъ своихъ предшественниковъ, и не только по отношенію къ зауряднымъ людямъ, но и къ сенаторамъ, наконецъ добрался и до божественныхъ вещей, обрѣзавъ многое посвященное основаннымъ его предшественниками учрежденіямъ, или, лучше сказать, подвергъ монаховъ учету, оставивъ за ними только то, что нужно для необходимыхъ издержекъ, все же прочее отписавъ и отобравъ въ казну. Каждый день вводя новшества, одно за другимъ, онъ сдѣлался по этому ненавистенъ всѣмъ, и массѣ народа, и сенату, и военному сословію, такъ какъ и у этого послѣдняго онъ умалилъ средства, въ особенности же у тѣхъ, кто проводилъ жизнь въ монастыряхъ. Но ничто не удерживало его отъ его мѣропріятій: ни слово, ни страхъ, ни ненависть, ни порицаніе,—настолько онъ превознесся мыслію и возгордился душою [1]).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что царь въ своихъ мѣропріятіяхъ долженъ былъ столкнуться съ патріархомъ. О гордомъ и заносчивомъ поведеніи патріарха говорятъ всѣ историки. Патріархъ, возгордившись надъ всѣми, надъ кѣмъ онъ считалъ себя высшимъ,

[1]) Zonar. III, 667—668.

говоритъ Атталіотъ, и не по достоинству превозносясь надъ всѣми, полагаясь притомъ на благоволеніе императора, часто удерживалъ послѣдняго отъ его начинаній, которыя ему не нравились, иногда прибѣгая къ отеческому расположенію и увѣщанію, иногда смѣняя запретительные и угрожающіе приказы похвалами, льстивыми словами и припаданіями, такъ что царь чуть не войну выдерживалъ и безпрестанныя увѣщанія сталъ считать оскорбительными. Не вынося долго таковыхъ рѣчей, царь рѣшилъ низвергнуть патріарха, какъ зазнавшагося по отношенію къ нему, разъ навсегда покончить съ священническою гордыней и такимъ образомъ избавиться отъ обличенія [1]).—Гораздо болѣе рѣзкими чертами характеризуютъ поведеніе Керуларія Іоаннъ Скилица.

Патріархъ, полагаясь на неисчерпаемое благоволеніе царя, говоритъ Скилица, превозносился надъ нимъ, не къ прошеніямъ только и убѣжденіямъ прибѣгая, какъ скоро нуждался въ чемъ либо или въ пользу кого либо, но и къ угрозамъ и неумѣстнымъ епитиміямъ, какъ скоро не получалъ удовлетворенія на свои безпрестанныя и назойливыя просьбы, застращивая, что если царь не будетъ слушаться, то будетъ лишенъ царской власти, употребляя при этомъ вульгарную и избитую поговорку: «я тебя, печка, сложилъ, я же тебя и разломаю (Ἐῶ, σὲ ἔκτισα, φοῦρνε· ἐῶ ἵνα σε χαλάσω). Онъ рѣшился даже надѣть на себя пурпурныя сандаліи, говоря, что это — обычай древняго священства (т. е. ветхо-завѣтнаго), и что имъ долженъ пользоваться и архіерей новаго священства. Ибо онъ говорилъ, что между священствомъ и царствомъ нѣтъ никакой разницы, или разница очень малая, а въ болѣе цѣнномъ (т. е. въ важнѣйшихъ вещахъ) священство, можетъ быть, даже и выше стоитъ и большаго почтенія требуетъ, чѣмъ царская власть (ἱερωσύνης γὰρ καὶ βασιλείας τὸ διάφορον οὐδὲν ἢ καὶ ὀλιγον εἶναι ἔλεγεν, ἐν δέ γε τοῖς τιμιωτέροις καὶ τὸ πλέον τάχα καὶ ἐρίτιμον [2]).—Не съ такими подробностями, но въ сущности тоже самое говоритъ объ отношеніи Керуларія къ Исааку Комнену Зонара. Изобразивъ самонадѣянность и гордыню Комнена, Зонара продолжаетъ:

---

[1]) Стр. 62.

[2]) Cedren II, 643.

«Но и патріархъ не уступалъ ему въ гордости, а хотѣлъ приказывать ему, и если ему когда либо не удавалось получить просимаго, досадовалъ на это, угрожалъ и запрещалъ и наконецъ грозился, что какъ онъ далъ ему царство, такъ и отниметъ его у него! [1]).

Пселлъ даже и въ своемъ панегирикѣ не можетъ скрыть, что высокомѣріе патріарха довело его до столкновенія съ императоромъ и до паденія. Столкновеніе ихъ есть, по словамъ Пселла, столкновеніе двухъ выдающихся изъ ряда вонъ мужей, споривших между собою о первенствѣ. Согласіе между ними возможно бы было только при томъ условіи, если бы каждый изъ нихъ былъ уступчивъ и подчинялся другому, какъ лучшему. Но того, кто имѣлъ державу, невозможно было убѣдить занимать второстепенное мѣсто, а великій архіерей столь же высоко ставилъ свое патріаршее достоинство. Первый старался и этого взять въ свои руки наравнѣ съ остальными, но другой не поддавался. Одинъ дерзалъ закрыть ему ротъ, а другой становился еще дерзновеннѣе, сопротивляясь въ то же самое время. Патріархъ дѣйствовалъ прямолинейно, стараясь объ общей пользѣ (!), а другой смотрѣлъ подозрительно на эту непреклонность и боялся, что *противъ него самого будутъ приняты мѣры, видя, что и масса быстро стекается къ нему и дѣйствуетъ по его мановенію* [2]). Очень любопытно письмо Пселла къ патріарху, писанное въ царствованіе Комнена [3]), вѣроятно въ видѣ отвѣта на упреки патріарха за то, что Пселлъ сталъ сторониться отъ ударившагося въ эксцессы патріарха и держаться ближе къ царю, — во всякомъ случаѣ писанное, слѣдовательно, въ то время, когда патріархъ проходилъ свое патріаршее служеніе, и когда Пселлу не было еще надобности сочинять ни обвинительной, ни похвальной рѣчи въ одностороннемъ и пристрастномъ направленіи. «Ты пренебрежительно обращаешься съ царями», пишетъ Пселлъ, и возстаешь противъ всякой власти. Таковъ у насъ архіерей, сражающійся за насъ и защищающій насъ не только мечемъ и копьемъ, но и словомъ и велѣніемъ,

---

[1]) III, 668.

[2]) У Саѳы, IV, 367—368.

[3]) *Безобразовъ*, Мих. Пселлъ, стр 85 и 87 въ прим.

показавшій, насколько риза сильнѣе порфиры и митра царскаго вѣнца. Я никого не презираю и не ненавижу; ты же, какъ бы отличное отъ насъ естество, считаешь чуждымъ себѣ родъ человѣческій, раскрываешь позорныя дѣянія однихъ, другимъ порождаешь причины для порицанія, на всѣхъ насупливаешь брови, такъ что я сомнѣваюсь, назвать ли мнѣ тебя богомъ, или человѣкомъ, или ни тѣмъ ни другимъ, но чѣмъ-то среднимъ между богомъ и человѣкомъ. Будучи демократомъ, ты не одобряешь монархіи, я же постоянно повторяю гомеровскія слова, ставшія потомъ аристотелевскими: да будетъ одинъ повелитель, одинъ царь (καὶ σὺ μὲν, δημοκρατικὸς ὢν ἀνὴρ, δυσχεραίνεις τὴν μοναρχίαν, ἐμοὶ δὲ τὸ πάλαι μὲν Ομήρειον, αὖθις δὲ Ἀριστοτέλειον πολλάκις ἀναφωνεῖται, Εἷς κοίρανος ἔστω, Εἷς βασιλεύς) [1]). Ибо въ древности та же особа была молитвенникомъ за народъ и его защитникомъ, теперь же эта власть раздѣлена на части, одному приказано царствовать, другому священнодѣйствовать. Подними къ Богу умоляющія руки, пролей миръ людямъ и Богу, государственными же дѣлами будутъ заниматься, кому это опредѣлено. Не повелѣвай, не царствуй надъ нами, ибо большинство этого не желаетъ [2]).

Поэтому, если позднѣе въ обвинительной рѣчи Пселлъ назвалъ Керуларія царененавистникомъ [3]), то едва ли таковой эпитетъ былъ преувеличеніемъ по сравненію съ тѣмъ, что говорится у Пселла въ другихъ его произведеніяхъ, а равнымъ образомъ у историковъ, показанія которыхъ были приведены нами выше.

Нашъ русскій ученый г. Скабалановичъ (въ цѣнной впрочемъ работѣ) представилъ яркій примѣръ пристрастнаго отношенія къ Керуларію въ сужденіяхъ о его столкновеніи съ императоромъ. «Поводъ къ столкновенію былъ», по словамъ г. Скабалановича, «аналогиченъ съ причиной, вызвавшей недовольство Керуларія Мономахомъ въ послѣднее время жизни этого послѣдняго, именно политика Комнена относительно церкви, секуляризація церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Патріархъ, какъ защитникъ

---

[1]) У Саѳы, V, 512.

[2]) Въ переводѣ *Безобразова*, Мих. Пселлъ, ст. 87. У Саѳы, V, 511—512.

[3]) „Ὁ μισοβασιλεὺς οὗτος ἀνήρ“, см. у *Bréhier*, стр 276 (въ прим).

церковныхъ интересовъ, не могъ безучастно отнестись къ этому поступку (sic). Онъ смѣло заговорилъ съ императоромъ и старался отклонить его отъ принятаго намѣренія, хотѣлъ подѣйствовать сначала пастырскими вразумленіями и кротостію, когда же это не помогло, грозилъ епитиміей. *Неизвѣстный источникъ*, принадлежащій перу какого-то автора изъ лагеря недовольныхъ Керуларіемъ, какихъ, разумѣется, было не мало среди духовенства, испытавшаго на себѣ строгость патріарха, передаетъ *крайне подозрительныя подробности* о томъ, что онъ грозилъ сложенную имъ печку разорить, и что надѣвалъ красныя туфли... Въ этихъ подробностяхъ ясно обнаруживается тенденція обвинить въ глазахъ народа Керуларія и оправдать фактъ его низложенія. Керуларій несомнѣнно пользовался популярностію среди константинопольскаго населенія и благодаря заговору противъ Пафлагона, и ревности за вѣру во время столкновенія съ Римомъ, и энергіи въ борьбѣ за права церкви. Враги и заговорили понятнымъ народу языкомъ: явились на сцену вульгарная пословица и красныя туфли. Керуларій былъ не настолько тривіаленъ и простъ, чтобы говорить и дѣйствовать такимъ образомъ» [1]).

Начнемъ съ того, что хотя поводъ къ столкновенію съ Комненомъ, можетъ быть, представлялъ аналогію съ тѣмъ, что происходило въ послѣднее время царствованія Константина Мономаха, но въ сужденіяхъ историковъ нѣтъ ниодного сочувственнаго слова о мѣропріятіяхъ Мономаха, тогда какъ мѣропріятія Комнена, по словамъ Атталіота и Скилицы, могли лишь заслужить одобреніе въ глазахъ людей серьезныхъ. Затѣмъ, если свѣдѣнія, сообщаемыя Скилицей объ угрозахъ патріарха и о красныхъ туфляхъ, считать заимствованными изъ неизвѣстнаго источника и крайне подозрительными, то какіе же послѣ этого историческія свидѣтельства могутъ быть названы неподозрительными? Скилица былъ почти современникомъ описанныхъ имъ событій и получалъ свои свѣдѣнія отъ такихъ людей, которые были въ собственномъ смыслѣ современниками и очевидцами—свидѣтелями того, что совершилось въ царствованіе Исаака Комнена. А личный характеръ Керуларія, насколько онъ для насъ выяснился изъ всего вышеизложен-

[1]) Визант. госуд. и церковь, стр. 386.

наго, рѣшительно не даетъ намъ основанія сомнѣваться ни насчетъ употребленія имъ вульгарной поговорки, ни насчетъ ношенія красныхъ туфлей. Въ человѣкѣ, какъ Керуларій, δημοκρατικὸς ἀνήρ, употребленіе вульгарной поговорки ничего необъяснимаго не представляетъ собою. Въ вышеупоминавшемся письмѣ Пселла къ Керуларію говорится, что патріархъ не имѣетъ ничего общаго ни съ книгами, ни съ образованіемъ, ни съ наукой, ни съ самою мудростію [1]). Выше были приведены выдержки изъ обвинительной рѣчи Пселла, касающіяся нерасположенія патріарха къ какимъ бы то ни было книгамъ [2]), и аттестація Пселла могла бы казаться пристрастно-одностороннею [3]). Но оказывается, что буквально то же самое писалъ Пселлъ въ своемъ посланіи къ патріарху въ то время, когда еще не было ни суда надъ нимъ, ни приглашенія писать обвинительную рѣчь противъ него. Что касается пурпурной обуви, то тутъ дѣло шло уже не о повадкѣ вульгарнаго свойства, а о чрезвычайно важномъ актѣ, въ которомъ самымъ наглядным образомъ выразилась мысль патріарха. Присвоеніе себѣ этой обуви, какъ справедливо говоритъ Брейе, было почти столько же вопіющею узурпаціей, какъ если бы патріархъ украсилъ себя скипетромъ и діадемой. Красная обувь считалась отличительнымъ и вмѣстѣ исключительнымъ знакомъ императорскаго достоинства. Всякій узурпаторъ или «тираннъ», какъ скоро поднималъ открытое возстаніе, прежде всего спѣшилъ облечься въ пурпурные сапоги, снявъ съ себя обувь темнаго цвѣта, которую носили византійскіе архонты, т. е. знать. [4]). Когда Варда Склеръ поднялъ возстаніе, правительство Василія II отправило къ нему одного уважаемаго митрополита съ увѣщаніемъ положить оружіе. Склеръ показалъ ему на свои ноги, обутыя въ пурпурныя туфли, и промолвилъ: «епископъ, ужели ты думаешь, что легко отказаться отъ этихъ императорскихъ сапоговъ, разъ

---

[1]) См. у *Безобразова*, Мих. Пселлъ, стр. 86—87.

[2]) См. выше стр. 36.

[3]) А въ обвинительной рѣчи прямо говорится что языкъ Керулария былъ языкомъ уличныхъ перекрестковъ: οὐδέν τι σεμνότερον τῶν ἐπι τῶν τριῴδων ἐφθέγγετο· οὐδὲ μετετίθει τὸνομα· οὐδ εἶχεν αἰδώ.... Bréhier, стр 298 прим. 5.

[4]) См. *Schlumberger*, L'épopée byzantine, стр. 63.

они надѣты предъ лицомъ всей имперіи?» [1]). Τὰ ἐρυθρὰ καὶ βασίλεια πέδιλα, по выраженію Атталіота, были τὰ τῆς βασιλείας παράσημα [2]), т. е. красныя и царскія туфли суть знаки царской власти. Поэтому, и наоборотъ, снятіе пурпурной обуви означало отреченіе отъ императорскаго достоинства или лишеніе его. Выше говорилось о томъ какъ Михаилъ VI Стратіотикъ передъ своимъ принудительнымъ постриженіемъ сбросилъ съ ногъ пурпурныя туфли, сказавъ при этомъ: «изъ за нихъ Михаилъ не измѣнитъ благочестію» [3]). Свѣдѣнія, получаемыя нами отъ Скилицы, рѣшительно согласуются со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно, и что выше было изложено о патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ. Этого мало. Капонистъ Вальсамонъ, писавшій во второй половинѣ XII в. и черпавшій, безъ всякаго сомнѣнія, свои историческія свѣдѣнія не изъ вульгарныхъ источниковъ, а изъ живой традиціи константинопольскаго патріархата, въ которомъ онъ занималъ высокое оффиціальное положеніе, въ качествѣ хартофилакса, подтверждаетъ слова Скилицы. Онъ воспроизводитъ въ схоліи къ гл. 1-й титула VIII номоканона текстъ константинова дарѣнія (не имѣя ни малѣйшаго сомнѣнія въ его подлинности) и вслѣдъ затѣмъ говоритъ: «замѣть, что, на основаніи этого эдикта или царскаго повелѣнія, папа римскій имѣетъ право возвеличиваться всѣми царскими преимуществами, за исключеніемъ одного только вѣнца (στέμμα), поэтому, во всякихъ выходахъ и при совершеніи священнослуженія, онъ накрываетъ голову царскимъ покровомъ (λῶρον), надѣваетъ настоящую царскую обувь (ἀληθινὰ ὑποδήματα) и ѣздитъ верхомъ съ настоящею царской уздечкой, подчиненное же ему духовенство возводитъ въ царскіе чины. А такъ какъ второй соборъ далъ константинопольскому архіепископу всѣ преимущества папы римскаго, то *нѣкоторые изъ патріарховъ, какъ господинъ Михаилъ Керуларій и другіе, пытались украсить себя этими же самыми преимуществами;* но эта попытка не удалась имъ» (ἐπεχείρισάν τινες τῶν πατριαρχῶν ὡς ὁ Κύρουλλος ἐκεῖνος καὶ κύριος Μιχαὴλ καὶ ἕτεροι τοῖς αὐτοῖς ἀποσεμνύνεσθαι προνομίοις, οὐ γέγονε δὲ αὐτοῖς εἰς

---

[1]) Cedren. II, 421.

[2]) Attaliot. 247. См. еще *Скабалановичъ*, Визант. госуд. и церк. стр. 145.

[3]) См. выше стр. 91.

καλὸν ἡ ἐγχείρησις)[1]. Рѣчь у Вальсамона идетъ, какъ видимъ, не о какихъ-либо отвлеченныхъ политическихъ принципахъ и правахъ, а о видимыхъ, наглядныхъ, знакахъ императорскаго достоинства. Относительно царскаго вѣнца (στέμμα) въ дарственной грамотѣ Константина говорится, что самъ папа Сильвестръ отказался отъ него, удовольствовавшись болѣе скромнымъ головнымъ покровомъ (φρύγιον, λῶρον, μίτρα). Стало быть и Керуларій не могъ пытаться украшать себя царскимъ вѣнцомъ, не могъ дорожить и торжественными выѣздами на конѣ, которые не были въ обычаѣ у патріарховъ. Иное дѣло—повседневное ношеніе такой принадлежности одѣянія, которая наглядпымъ образомъ должна была символизировать въ глазахъ византійцевъ царственное достоинство патріарха.

Пселлъ, какъ мы видѣли, даже въ похвальной своей рѣчи проговорился, что императоръ боялся враждебныхъ мѣропріятій со стороны патріарха, видя, что масса народная быстро стекается къ нему и дѣйствуетъ по его мановенію[2]. Припоминая то, что говорятъ историки объ угрозахъ патріарха, мы можемъ сказать навѣрное, что обнаружились несомнительные признаки бунта, раздуваемаго разнуздавшимся патріархомъ. Брейе, по поводу революціи, которая готова была разразиться въ Константинополѣ по мановенію патріарха, задается вопросомъ, чего желалъ достигнуть Керуларій, если бы ему удалось выполнить свою угрозу относительно отнятія царской власти у Исаака Комнена: хотѣлъ ли онъ измѣнить характеръ царской власти, подчинивъ ее патріарху, или, можетъ быть, хотѣлъ самъ завладѣть императорскою короной и такимъ образомъ осуществить мечты своей молодости,— даже болѣе того, сдѣлаться теперь уже хозяиномъ и церкви, и государства, распоряжаться и свѣтскими и духовными дѣлами имперіи, т. е. подчинить весь востокъ своей власти? Брейе склоняется къ послѣднему предположенію на томъ основаніи, что если бы патріархъ намѣревался низвергнуть только Исаака Комнена

---

[1]) Bibliotheca juris canonici veteris, *Voelli* et *Justelli*, t. II, Paris, 1661, p. 932—933. Въ аѳинск. синтагмѣ Ралли и Потли, т. I. стр. 147, вмѣсто ὁ Κύρουλλος стоитъ· Κηρουλάριος.

[2]) См. выше стр. 110.

и замѣнить его другимъ императоромъ, то историки передали бы намъ имя предполагавшагося кандидата на императорскій престолъ, а между тѣмъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ никакого намека на предполагавшееся преемство [1]). Противъ этихъ разсужденій французскаго ученаго можно сдѣлать два возраженія. Вопервыхъ, Керуларій не былъ такимъ фантазеромъ, который способенъ былъ бы увлечься въ область утопій и считать возможнымъ упраздненіе въ Византіи императорской власти, хотя Пселлъ и увѣрялъ въ своей обвинительной рѣчи, что Керуларій еще передъ воцареніемъ Комнена, «намѣревался украситься діадемой и повсюду являться вѣнценосцемъ» [2]). Если патріархъ могъ привлекать на свою сторону значительную часть народной массы ореоломъ своей ортодоксіи, который окружалъ его со времени столкновенія съ Римомъ, и указаніемъ на неблагодарность Комнена, забывшаго, чѣмъ онъ обязанъ Керуларію, то въ людяхъ болѣе образованныхъ непріятное чувство должны были возбуждать его попытки превозноситься надъ царемъ, повелѣвать и царствовать: «не повелѣвай, не царствуй надъ нами», писалъ Пселлъ патріарху, ибо большинство этого не желаетъ (не можетъ вмѣстить: μὴ ἀρχοις, μὴ βασιλεύοις ἡμῶν, οὐ γὰρ χωρητὸς τοῖς γε πλείοσιν). И это предупрежденіе относилось, конечно, не къ стремленію Керулярія упразднить царскую власть, а къ желанію поставить царя въ подчиненное положеніе. Чего же могъ ожидать Керуларій, если бы его политическіе виды зашли такъ далеко, какъ говоритъ Брейе? А онъ былъ человѣкъ разсчетливый, и во всякомъ случаѣ не теоретикъ-утопистъ, а практикъ. Вовторыхъ, отсутствіе историческихъ извѣстій о предполагавшемся кандидатѣ на императорскій престолъ послѣ Исаака Комнена далеко не ставитъ изслѣдователя въ невозможность догадаться, кто могъ быть этимъ кандидатомъ, чье имя могло быть въ головѣ патріарха, а можетъ быть и не одного патріарха, а и многихъ другихъ. Это опять все тотъ же Константинъ Дука, мужъ племянницы Керулярія. Оно, можетъ быть, и не называлась громко, но молчаливо подразумѣвалось какъ во время революціи, предшество-

[1]) *Brehier*, 281.

[2]) См. выше стр 95.

вавшей воцаренію Комнена, такъ и при подготовленіи новаго государственнаго переворота, который имѣлъ быть направленъ противъ Комнена. Мысль о Константинѣ Дукѣ даже и по смерти Керуларія не умерла. Дука въ концѣ концовъ сдѣлался императоромъ, съ отстраненіемъ Исаака Комнена, и это произошло не случайно и не экспромптомъ, а потому, что Константинъ Лихудъ, преемникъ Керуларія на патріаршей каѳедрѣ, какъ мы увидимъ ниже, былъ вѣрнымъ послѣдователемъ и подражателемъ политики Керуларія. Въ похвальной рѣчи Пселла, которая держалась уже въ царствованіе Константина Дуки, есть любопытное мѣсто, изъ котораго видно, что дядя патріархъ издавна намѣтилъ мужа своей племянницы въ кандидаты на императорскій престолъ. «Тебя», восклицалъ ораторъ, обращаясь къ умершему, «и цари, видя, удивляются, и патріархи, созерцая, лобызаютъ и ублажаютъ. Тотъ самый императоръ, который—позволю себѣ это умѣренное выраженіе—почтилъ тебя изгнаніемъ (т. е. Исаакъ Комненъ), пришелъ къ твоему гробу и просилъ какъ бы о прощеніи въ сдѣланномъ, и тебя какъ бы живого обнималъ со всѣхъ сторонъ и многія пролилъ слезы, и, умоляя о прощеніи въ томъ, что учинилъ, получилъ (таковое). А что мнѣ сказать о другомъ самодержцѣ (т. е. Дукѣ), которому ты былъ и при жизни, да не меньше, если не больше, (остаешься) и по смерти отцомъ по духу, образцомъ добродѣтели, руководителемъ къ лучшему, *державу котораго ты издалека предчувствовалъ, и по тайнымъ признакамъ распознавалъ, для племянницы подготовилъ царственное украшеніе и сочеталъ божественное супружество, какъ бы созвѣздіе нѣкоторыхъ свѣтилъ, тогда еще не такъ яркое, а нынѣ блистательно свѣтящее надъ царскими чертогами, да и теперь ты же служишь порукой спасенія и преемства царской власти въ родѣ* (К. Дуки) [1]). Изъ приведенныхъ словъ Пселла, какъ кажется,

---

[1]) у Сабы IV, 380—381: „ὦ καὶ πόῤῥωθεν προεγνώκεις τὸ κράτος καὶ ἐν ἀπορῥήτοις συμβόλοις ἐγνώρισας, καὶ τὴν ἀδελφιδὴν κόσμον βασίλειον προητοίμασας καὶ θείαν συζυγίαν ἡρμόσω, ὥσπερ φωστήρων τινῶν σύνοδον. τότε μέν ἀμαυροτερον, νῦν δὲ λαμπρότερον ἐπὶ τῶν βασιλείων ἐκλάμπουσαν· καὶ νῦν αὖθις τὴν σωτηρίαν κατεγγυᾶ καὶ τὴν ἐς τὸ γένος τῆς βασιλείας διάδοχήν“.

можно съ нѣкоторою увѣренностію заключать, что Керуларій издавна лелѣялъ мысль возвести на императорскій престолъ Константина Дуку и не только потому, что онъ былъ мужемъ его племянницы, а и потому, что находилъ въ немъ тѣ качества, которыя патріарху желательно было видѣть въ будущемъ императорѣ.

Итакъ патріархъ, недовольный Комненомъ, замышлялъ государственный переворотъ съ цѣлію низверженія упрямаго, гордаго, всѣмъ ему обязаннаго и неблагодарнаго императора и—болѣе чѣмъ вѣроятно—возведенія на его мѣсто Константина Дуки. Но Комненъ, слыша постоянно угрозы и разсужденія на тему о превосходствѣ священства надъ царствомъ, поспѣшилъ, по выраженію Скилицы, лучше дѣйствовать, чѣмъ терпѣть (ἔσπευσε μᾶλλον δρᾶσαι ἤ παθεῖν). Не смѣя затронуть патріарха въ самой столицѣ и въ патріаршемъ помѣщеніи, Комненъ воспользовался случаемъ, когда патріархъ, въ виду приближавшагося праздника архангеловъ, выѣхалъ въ загородное мѣсто, для того чтобы уединиться и подготовиться къ торжественному служенію. Разсчитывая отдѣлаться отъ патріарха безъ шума и безъ смуты [1]), онъ послалъ отрядъ варяговъ въ мѣсто нахожденія патріарха. Солдаты съ безчестіемъ стащили патріарха съ трона и, посадивъ на мула, препроводили на морской берегъ во Влахернахъ, какъ его самого, такъ и его племянниковъ, оттуда въ рыбачьей лодкѣ отправили въ Проконесъ для заточенія, а оттуда на одинъ изъ острововъ Архипелага. Историки вообще утверждаютъ, что Керуларій, послѣ того какъ надъ нимъ разразился этотъ ударъ судьбы, велъ себя съ безупречнымъ достоинствомъ, и что отправленный въ ссылку патріархъ оставался не менѣе грознымъ для Комнена, чѣмъ и тогда, когда онъ находился въ столицѣ. Атталіотъ говоритъ, что вѣры патріарха не поколебалъ дерзновенный фактъ и невѣрность царя по отношенію къ нему, что онъ перенесъ страданіе въ высшей степени мужественно и благородно и въ твердости превзошелъ самого Іова, не переставалъ благословлять и благодарить Бога за испытаніе, очищающее и ведущее

---

[1]) Зонара, III, 669 „ἵνα μὴ παρὰ τῷ κλήρῳ ἢ καὶ τῷ δήμῳ θόρυβος γένηται.“

къ совершенству и къ высшей добродѣтели, не упалъ духомъ и въ ревности не ослабѣлъ [1]). Напротивъ положеніе императора оказывалось въ высшей степени затруднительнымъ. По словамъ того же Атталіота, онъ начиналъ уже раскаиваться въ сдѣланномъ шагѣ и готовъ былъ возстановить патріарха, только не зналъ, какъ теперь объявить ему вслухъ всѣхъ о своемъ зломъ умыслѣ. Очевидно, каждую минуту можно было ожидать взрыва народныхъ страстей, которыя еще раньше подогрѣвались Кируларіемъ въ то время, когда онъ, состоя на каѳедрѣ, велъ борьбу съ Комненомъ. Опасность взрыва была тѣмъ большая, что патріархъ отправленъ былъ въ ссылку безъ всякаго суда и считался въ глазахъ народа законнымъ патріархомъ, такъ что нельзя было приступить къ избранію на его мѣсто кого либо другого. Царь собралъ къ себѣ во дворецъ высшихъ сановниковъ на совѣтъ. По словамъ Зонары, въ этомъ совѣтѣ участвовали и нѣкоторые архіереи: было рѣшено составить формальный судъ надъ патріархомъ, и философу Пселлу было поручено собрать матеріалъ для обвинительныхъ пунктовъ и составить обвинительную рѣчь [2]). Пселлъ въ своемъ панегирикѣ, который пришлось ему впослѣдствіи сочинить, имѣлъ смѣлость утверждать, что, при видѣ богоподобнаго душой человѣка, который на небо взошелъ своими добродѣтелями, который помазывалъ царей и іереевъ не изъ рога, а изъ высшаго источника, и который подвергся безчестію, насмѣшкамъ и поношенію всякаго желающаго, онъ плакалъ отъ всей души, да и какъ было не плакать? вѣдь это такое зрѣлище, которое и камни могло бы разбить въ источники слезъ [3]). Сравнивая подвергшагося безчестію патріарха съ Іовомъ, философъ патетически восклицаетъ, что у Іова осталось все-таки трое друзей, а у патріарха и тѣхъ не осталось [4]). Тутъ, какъ иронически замѣчаетъ Брейе, память измѣнила философу, такъ какъ онъ

---

[1]) Стр. 64.

[2]) Zonar. III, 669, (см. вар.).

[3]) Εγκωμ. 368. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ той же похвальной рѣчи Пселлъ оговаривается, что добродѣтели восхваляемаго патріарха не многимъ извѣстны, такъ какъ онъ скрывалъ ихъ отъ чужихъ взоровъ (стр. 336).

[4]) Тамъ же, 372.

былъ не изъ послѣднихъ, оставившихъ патріарха [1]). На созванномъ императоромъ совѣтѣ, по словамъ того же Пселла, не было свободы мнѣній, потому что императоръ свелъ всѣхъ къ одному (своему собственному) мнѣнію, а совѣтники, согласившіеся съ нимъ, принимали во вниманіе интересы династіи и обстоятельства времени [2]). Намъ вскорѣ представится случай провѣрить, насколько Пселлъ былъ озабоченъ интересами династіи Комнена, а написанная имъ обвинительная рѣчь показываетъ, что она не могла быть произведеніемъ лица, находившагося подъ страхомъ принужденія. Въ этой рѣчи Пселлъ, какъ говорится, разошелся во всю, пустилъ въ ходъ все свое «краснорѣчіе» и всю свою «софистическую силу».

Императоръ все-таки не сразу рѣшился составить соборъ для осужденія и низложенія Керуларія, а отправилъ къ нему нѣсколькихъ митрополитовъ, которыхъ онъ считалъ разумнѣйшими прочихъ, уговорить патріарха добровольно сложить съ себя патріаршее достоинство и такимъ образомъ избѣжать соборнаго осужденія и публичной огласки тѣхъ обвиненій, которыя имѣлись противъ него. Патріархъ не хотѣлъ и слышать объ отреченіи и обратился къ посланнымъ съ такою огненною и бурно-стремительною рѣчью, что привелъ ихъ въ стыдъ и заставилъ просить прощенія. Возвратившись къ пославшему, архіереи доложили ему: мы побѣждены, царь; человѣкъ этотъ выше всякихъ угрозъ, словъ, увѣщаній и слабости, и если ты желаешь напасть на человѣка безупречнаго и непреодолимаго, то тщательно взвѣсь предстоящее пораженіе и результатъ его—раскаяніе [3]). Царь колебался, не зная, какъ ему повести дѣло, по словамъ Атталіота, а Зонара [4]) говоритъ, что онъ все-таки озабоченъ былъ низложеніемъ патріарха, т. е., не смотря на трудность задуманнаго дѣла, рѣшился довести его до конца. Пселлъ же въ своей похвальной рѣчи даетъ видѣть, что соборъ для осужденія Керуларія дѣйствительно

---

[1]) *Bréhier*, стр. 288.

[2]) Ἐγκωμ., стр. 370: „οἱ δὲ συνειπόντες τῷ αὐτοκράτορι πάρεργον γεγόνασι τῆς δυναστείας καὶ τοῦ καιροῦ“.

[3]) Attal. 65.

[4]) III, 669.

составился въ одномъ изъ ѳракійскихъ мѣстечекъ, такъ какъ въ городѣ не рѣшились держать засѣданіе, боясь народнаго движенія [1]), и былъ данъ приказъ доставить туда Керуларія. Неожиданное извѣстіе о смерти патріарха на пути изъ мѣста заточенія во Ѳракію, положило конецъ затруднительному положенію Комнена; ему оставалось теперь только публично засвидѣтельствовать свою скорбь, устроить великолѣпныя похороны, просить прощенія у умершаго патріарха, реабилитировать его племянниковъ и пролить слезы, что, по ироническому выраженію Лебо, было гораздо легче, чѣмъ терпѣть его живого [2]). Тотчасъ же распространились слухи о томъ, что умершій патріархъ являлся во снѣ одному архіепископу (у котораго онъ останавливался во время пути во Ѳракію, и который подкрѣпилъ патріарха своими утѣшеніями), въ полномъ первосвященническомъ облаченіи, съ лицомъ, сіяющимъ радостію, и съ словами: «Богъ призываетъ меня къ Себѣ и исторгаетъ изъ вашихъ рукъ». Объ этомъ говоритъ Пселлъ въ его похвальной рѣчи [3]). Онъ же, равно какъ и историки, передаетъ, что пальцы на рукѣ умершаго патріарха оставались сложенными въ видѣ креста, какъ если бы онъ благословлялъ народъ [4]).

Такимъ образомъ ни Керуларію не пришлось выступить въ качествѣ обвиняемаго на предполагавшемся судѣ, ни философу Пселлу не пришлось держать свою обвинительную рѣчь. Обвинитель выставилъ пять пунктовъ: 1) ересь или нечестіе (ἀσέβεια), 2) тиранніи (τυραννίς), 3) убійство (φόνος), 4) святотатство (ἱεροσυλία) и 5) безразличіе (ἀδιαφορία). Подъ ересью обвинитель понимаетъ приверженность патріарха къ хіосскимъ монахамъ съ ихъ пророчицей и къ занятіямъ алхиміей и астрономіей. Подъ тираніей разумѣется незаконный захватъ власти, съ попраніемъ законной власти двухъ царей—Стратіотика и Комнена (предъ воцареніемъ послѣдняго). О тираническихъ замыслахъ Керуларія про-

---

[1]) Ἔγκωμ. стр. 373.

[2]) *Lebeau*, Histoire du Bas-Empire, tom. XIV, Paris, 1833, p. 425: „le prince le pleura, ce qui était plus aisé que de le souffrir“!

[3]) Ἔγκωμ. стр. 374—375.

[4]) Тамъ же, стр. 380; Attal. 66; Cedren. II, 644.

тивъ царствующаго Комнена, вызвавшихъ арестъ патріарха, обвинитель не распространяется, щадя скромность государя и ограничиваясь слѣдующими словами: «Я спрашиваю тебя, о божественнѣйшій и человѣколюбивѣйшій изъ царей, хочешь ли ты, чтобы я разсказалъ про бѣшенство архіерея противъ твоей державы, про составленный противъ тебя заговоръ, вслѣдствіе котораго чуть было не погибло все государство? Не говорю, чтобы дерзкое дѣло состоялось,—я еще не сошелъ съ ума,—но владыка вновь собралъ войско противъ твоей священной личности. Хочешь ли, чтобы я привелъ и это великое обвиненіе и погрязъ все священное собраніе? Но мнѣ кажется, что ты не обращаешь на это большого вниманія и не желаешь, чтобы по этой причинѣ былъ низложенъ архіерей. Мнѣ кажется, что ты не созвалъ бы синедріона только ради этого...» [1]) Подъ убійствомъ разумѣется прикосновенность патріарха, какъ движущей причины (κινητικὸν αἴτιον) къ извѣстному намъ кровопролитію, которое произошло наканунѣ прибытія Комнена въ столицу. Подъ святотатствомъ разумѣется разрушеніе храмовъ и нарушеніе неприкосновенности мѣстъ погребенія (гробокопательство). Поводъ къ этому обвиненію былъ данъ распоряженіемъ патріарха сломать храмъ въ честь апостола Андрея, на мѣстѣ котораго, вѣроятно, патріархъ намѣревался возвести новый храмъ, но къ построенію такового не приступилъ, можетъ быть потому что не успѣлъ. Картина разрушенія описана Пселломъ съ немалымъ ораторскимъ искуствомъ. «Обладая лучшимъ зрѣніемъ, чѣмъ другіе», восклицаетъ обвинитель, «я ищу святилище, кадильницы, чашу, жертвенникъ, престолъ Господень. Гдѣ же подпиравшія зданіе колонны? Но если ихъ нѣтъ, если все сокрушено и разрушено, развѣ онъ не окружилъ алтарь какою нибудь оградой, чтобы онъ опять сталъ недоступенъ толпѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Чтобы убѣдиться въ правдивости нашихъ словъ, идите всѣ сюда, къ храму апостола Андрея. Если хотите, я поведу васъ; если же вы знаете, въ какомъ мѣстѣ города былъ воздвигнутъ храмъ, я пойду за вами, и вотъ мы пришли. Увы, какая перемѣна, въ какомъ положеніи знакомыя мѣста! Нигдѣ ни-

[1]) См. у *Безобразова* въ „Матеріалахъ для исторіи византт. имперіи“ (Ж. М. Н. Пр. ч. 265) стр. 75.

чего нѣтъ, вездѣ тьма, пустота, даже нѣтъ ясныхъ слѣдовъ храма. Вотъ это алтарь, гдѣ попадаются подъ ноги то одна, то другая собака; тамъ, гдѣ былъ жертвенникъ, роются въ землѣ свиньи. О, горе, тутъ мулы, а тамъ запряженные въ плугъ волы, и все полно зловонія тамъ, гдѣ возносилось куреніе ѳиміама» и т. д.

Въ связи съ разрушеніемъ храма оказывается и «гробокопательство». «Переведемъ глаза», продолжаетъ обвинитель, «и посмотримъ, что за храмомъ? Пустыя могилы. Прежде такъ называемыя мѣста погребенія были вырыты подъ землей, но великій отецъ обнаружилъ скрытое самою природою и выставилъ все это напоказъ, такъ что всѣ могутъ видѣть. Увы, какое зрѣлище! Я вижу, тѣла нѣкоторыхъ разрушены, разорваны, выставлены на съѣденіе коршунамъ и собакамъ. Вотъ голова, отдѣленная отъ туловища, вотъ позвонки спинного хребта, тутъ руки, тамъ ноги, тутъ грудная кость, тамъ колѣни. Какъ отличить, части ли это мужского тѣла, или женскаго? А что означаетъ здѣсь вѣялка? Вы видите этотъ ровъ подлѣ большой дороги? Тамъ работаетъ вѣялка и человѣкъ, ею управляющій, котораго вы видите. Что можетъ быть противозаконнѣе этого? Что же это такое, о друзья и глашатаи благочестія? Я не знаю, какъ выразить свои страданія, и вы страдаете благочестивымъ и блаженнымъ страданіемъ. Вновь бѣснуется Неронъ и приступаетъ къ нечестію, вновь Домицианъ замышляетъ гоненіе, Траянъ увеличиваетъ гоненіе и преслѣдуетъ подвижниковъ. Вновь сжигаются и обращаются въ пепелъ кости Предтечи и тѣло апостола. Боюсь, не лежали ли тутъ тѣла мучениковъ, боюсь, не скрывался ли тутъ какой-нибудь членъ тѣла Св. Андрея, которому былъ посвященъ храмъ, не скрывалась ли какая-нибудь часть брата его Петра или Павла, великихъ борцовъ за правду и поборниковъ благочестія, изъ которыхъ въ древности одинъ былъ распятъ, другой только обезглавленъ, которые пожалуй теперь разсѣчены на части великимъ патріархомъ и даже не почтены св. погребеніемъ, но вырыты изъ земли и валяются, будто тѣла проклятыхъ людей»[1]) и т. д. Сравненіе патріарха съ Нероном и Домиціаномъ и опасеніе, не подверглись ли поруганію кости апостоловъ, суть, разумѣется, вопіющая на-

[1]) *Безобразовъ*, стр. 65—66.

тяжка, но въ общемъ, картина, очевидно, списана съ натуры и служитъ иллюстраціей къ тому самовластію, съ которымъ Керулярій распоряжался въ отношеніи къ храмамъ, не спрашиваясь никого, и съ которымъ, какъ мы раньше видѣли, онъ закрылъ латинскія церкви въ Константинополѣ.—Послѣдній обвинительный пунктъ (ἀδιαφορία) касается разныхъ недостатковъ и пороковъ патріарха, противоположныхъ тѣмъ добродѣтелямъ, которыхъ нужно бы было ожидать отъ епископа, каковы: льстивость и коварство, а съ другой стороны гордость и высокомѣріе, жестокость, подозрительность, невѣжество, вульгарный языкъ. Пселлъ наводилъ даже справки о характерѣ патріарха у его прислуги и констатировалъ фактъ, что никто изъ прислуги не оставался у него жить больше мѣсяца [1]).

Вся обвинительная рѣчь, въ цѣломъ, производитъ впечатлѣніе натяжки и преувеличенія, особенно что касается квалификаціи и освѣщенія разныхъ фактовъ. Тѣмъ не менѣе вездѣ чувствуется реальная фактическая подкладка, на которой твердо стоитъ обвинитель, и утвердившись на которой можетъ смѣло говорить слушателямъ-членамъ суда, что то или другое «всѣмъ извѣстно», смѣло описываетъ картину событія съ конкретными подробностями, смѣло утверждаетъ: «будь я проклятъ, если прибавилъ что-нибудь лишнее» и т. п. Совсѣмъ не то впечатлѣніе производитъ надгробное слово Пселла, произнесенное имъ въ честь умершаго Керулярія въ царствованіе Константина Дуки. Слишкомъ много мѣста занимаетъ въ немъ ораторское словоизліяніе, и напротивъ мало мѣста дано фактамъ, и притомъ какимъ? Не тѣмъ, о которыхъ Пеллу приходилось распространяться въ обвинительной рѣчи (такъ что эти послѣдніе остались неопровергнутыми), и по поводу которыхъ онъ могъ бы оказаться въ положеніи зауряднаго враля - софиста, сегодня утверждающаго, а завтра отрицающаго одно и то же. Въ похвальномъ словѣ Пселлъ старается найти такіе факты, которые вовсе не затрогивались имъ раньше, да и тутъ часто говоритъ такъ, что въ словахъ его слышится или можетъ быть предполагаема иронія, напр. о добродѣтеляхъ, которыя оставались неизвѣстными для другихъ людей, объ «экономіи»,

[1]) *Bréhier*, 298.

благодаря которой суровая личина патріарха принималась недальновидными людьми за самую истину, о взятіи патріархомъ въ свои руки государственнаго кормила съ предоставленіемъ каждому изъ императоровъ того, въ чемъ они нуждались,— одному спасенія души, другому управленія государствомъ. Окончательный же результатъ, къ которому приводитъ насъ разсмотрѣніе историческихъ данныхъ, относящихся къ дѣятельности патріарха Михаила Керуларія, можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: Керуларій не только вторгался въ неподлежащую ему область, не только присвоялъ себѣ отдѣльныя права императорской власти, но стремился поставить императорскую власть въ зависимое отъ патріарха положеніе. Но спрашивается: не были ли всѣ, разсмотрѣнные нами, факты чисто біографическаго свойства, не объясняются ли они только и исключительно его личною судьбой, его личнымъ характеромъ и тою, чисто конкретною, обстановкой, въ которой протекала его жизнь и дѣятельность, начиная съ неудавшагося заговора противъ Михаила IV Пафлагона,—или слѣдуетъ всѣмъ вышеизложеннымъ фактамъ дать болѣе общую оцѣнку и, не отрицая важнаго значенія личности, индивидуальнаго характера и конкретной обстановки, видѣть въ этихъ фактахъ обнаруженіе извѣстной принципіальной стороны византійскаго церковно-государственнаго порядка? Другими словами, выросли ли всѣ эти факты, совершившіеся за время патріаршествованія Керуларія, совершенно неожиданно на византійской почвѣ, или въ этой почвѣ находились зерна, и не только зерна, а зерна, давшія ростки, развитію которыхъ лишь содѣйствовали и благопріятствовали тѣ особыя условія, въ которыхъ протекала дѣятельность патріарха Михаила Керуларія?

Нижеслѣдующее изложеніе имѣетъ цѣлью показать, что поставленный вопросъ долженъ быть разрѣшаемъ не въ первомъ, а въ послѣднемъ смыслѣ.

Еще задолго до XI в. въ Византіи сложилось представленіе о равенствѣ епископа новаго Рима съ епископомъ стараго Рима. Основаніе этому воззрѣнію положено было еще вторымъ и четвертымъ вселенскими соборами. Въ прав. 3-мъ II всел. соб. было сказано: «константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество

чести по римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ [1])». А въ прав. 28-мъ IV всел. собора смыслъ приведеннаго 3 правила II собора изложенъ въ томъ смыслѣ, что отцы второго собора «предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ царя и сигклитта и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому и будетъ вторый по немъ» [2]). Эта мысль о равныхъ преимуществахъ буквально была потомъ воспроизведена въ 36 пр. трулл. соб. 692 г., а еще раньше изъ этой же мысли родился титулъ вселенскаго патріарха, какъ отличіе константинопольскаго епископа. Канонисты XII в. передаютъ намъ, что въ Византіи не довольствовались буквальнымъ смысломъ каноновъ, въ которыхъ, не смотря на приравненіе епископа константинопольскаго къ римскому, все-таки за римскимъ признается первый рангъ, а за константинопольскимъ слѣдующій *по* (μετά) немъ второй рангъ, и старались истолковать предлогъ: μετά въ смыслѣ послѣдовательности не чести, а времени, т. е. въ томъ смыслѣ, что константинопольскій имѣетъ первый же рангъ, только получилъ его позднѣе римскаго. Зонара и Вальсамонъ, въ своихъ толкованіяхъ къ означеннымъ правиламъ, не одобряли этого взгляда, но Аристинъ твердо держится за него, разсуждая: «предлогъ *по* здѣсь означаетъ не честь, но время, подобно тому какъ еслибы кто сказалъ: *по многомъ времени* и епископъ константинопольскій получилъ равную честь съ епископомъ римскимъ [3])», и въ сущности повторяетъ мнѣніе, высказанное гораздо раньше его [4]). По мѣрѣ того,

---

[1]) Τὸν μέντοι Κωνσταντινουπόλεως ἐπίσκοπον ἔχειν τὰ πρεσβεῖα τῆς τιμῆς μετὰ τὸν τῆς Ῥώμης ἐπίσκοπον, διὰ τὸ εἶναι αὐτὴν νέαν Ῥώμην.

[2]) Οἱ ἑκατὸν πεντήκοντα θεοφιλέστατοι ἐπίσκοποι τὰ ἴσα πρεσβεῖα ἀπένειμαν τῷ τῆς νέας Ῥώμης ἁγιωτάτῳ θρόνῳ, εὐλόγως κρίναντες τὴν βασιλείᾳ καὶ σηγκλήτῳ τιμηθεῖσαν πόλιν, καὶ τῶν ἴσων ἀπολαύουσαν πρεσβείων τῇ πρεσβυτέρᾳ βασιλίδι Ῥώμῃ, καὶ ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς ὡς ἐκείνην μεγαλύνεσθαι πράγμασι, δεύτεραν μετ' ἐκείνην ὑπάρχουσαν.

[3]) См. толков. къ 3 пр. II всел. соб., въ изд. общ. любит. дух. просв. стр. 97.

[4]) Ср. старинныя схоліи, изданныя Питрой, въ качествѣ приложеній къ

какъ историческія судьбы болѣе и болѣе отдаляли старый Римъ отъ христіанскаго востока, въ особенности съ IX в., когда ортодоксіи Рима были нанесены сильные удары патріархомъ Фотіемъ, мысль о равенствѣ двухъ Римовъ должна была смѣниться другою мыслію—о потерѣ старымъ Римомъ его положенія и о переходѣ первенствующаго священства, вмѣстѣ съ властію надъ всѣми діэцезами вселенной, какъ выразилась, нѣсколько позднѣе времени Керуларія, Анна Комнена, въ новый Римъ [1]). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что т. н. «дареніе Константина», изъ котораго черпалъ свои аргументы папа Левъ IX, нашло себѣ сочувственный пріемъ и въ Константинополѣ. Пусть въ этомъ документѣ епископу константинопольскому отведено послѣднее мѣсто въ ряду патріарховъ, даже ниже іерусалимскаго. Важно то, что епископу стараго Рима пожалованы въ грамотѣ чрезвычайныя права, и эти права должны перейти на епископа новаго Рима. Канонисты представляютъ намъ идею перенесенія правъ въ разнообразныхъ примѣненіяхъ. Въ толков. къ 12 пр. антіох. соб. (въ изд. общ. любит. дух. просв. стр. 175) безапелляціонность рѣшеній константинопольскаго патріарха доказывается слѣдующимъ образомъ: «поелику грамота св. Константина, данная св. Сильвестру, опредѣляетъ, что *папа имѣетъ всѣ императорскія права*, а второй и четвертый вселенскіе соборы дали патріарху константинопольскому преимущества папы и опредѣлили, чтобы онъ *во всемъ былъ почтенъ подобно папѣ*, то приговоръ его по необходимости *не долженъ подлежать апелляціи, какъ и императорскій приговоръ* не обсуждается вновь. Поэтому, какъ кажется, *синодскіе указы* выпускаются съ тѣми же преимуществами, какъ и *императорскіе указы*».

Въ толков. къ гл. 1 тит. I номоканона Вальсамонъ разсуждаетъ о вліяніи духовнаго сана на гражданскую правоспособность, въ частности въ отношеніи къ освобожденію отъ родительской власти. Рѣчь заходитъ между прочимъ о новеллѣ 81-й, нашедшей себѣ мѣсто въ гл. 1 тит. V кн. XXXI базиликъ, гдѣ говорится,

---

номоканону въ XIV титуловъ (*Pitra*, Juris Ecclesiae graecorum historia et monumenta, II, 645—646).

[1]) *Alexiadis libri* XV, по боннск. изд. 1839 г., т. I, стр. 64.

что всѣ лица, почтенныя со стороны императорской власти достоинствами или начальническими должностями, освобождаются отъ отеческой власти, даже и при нежеланіи отцовъ. Въ виду этого закона, нѣкоторые говорили, сообщаетъ Вальсамонъ, что и церковные «архонты» [1]), тотчасъ съ возведеніемъ ихъ въ должность, становятся такими же магистратами и eo ipso дѣлаются *sui juris*, ссылаясь при этомъ на грамоту Константина Великаго римскому папѣ Сильвестру, въ которой сказано, что папа римскій имѣетъ право подвластныхъ ему клириковъ возводить въ такія же должности, какими императоръ награждаетъ своихъ подданныхъ, что св. синодъ соотвѣтствуетъ императорскому синклиту, и что наконецъ церковь константинопольская имѣетъ, какъ извѣстно, привилегіи древняго Рима. Иные, напротивъ, ссылаясь на конецъ 81-й новеллы, вошедшей въ пятый титулъ XXXI кн. Базиликъ, разсуждаютъ иначе, говоритъ Вальсамонъ. Въ концѣ новеллы сказано именно: «всякому съ очевидностію извѣстно, что прежде всего епископы, вмѣстѣ съ хиротоніей, пріобрѣтаютъ своевластность (τὴν αὐτεξουσιότητα, т. е. становятся *sui juris*), ибо, дѣлаясь духовными отцами всѣхъ, какимъ образомъ они могли бы еще состоять подъ властію другихъ? Вотъ, въ виду этого и говорили, что одна лишь епископская должность дѣлаетъ лицо *sui juris*, а не церковныя архонтства, въ которыя возводитъ патріархъ своею грамотою. Послѣднее мнѣніе Вальсамонъ считаетъ неправильнымъ на томъ основаніи, что грамота или законоположеніе (θέσπισμα) Константина В. Сильвестру, *уравнивающая римскую церковь съ императорскою властію въ отношеніи должностей*, не отмѣнена новеллой Юстиніана. А такъ какъ епископская должность замѣщается не только патріархами, но и митрополитами, то у нѣкоторыхъ и возникло сомнѣніе насчетъ того, всѣ ли епископы становятся *sui juris*: вотъ почему (!) юстиніанова новелла нашла нужнымъ разъяснить, что всѣ епископы, хотя бы и не патріархами посвящен-

---

[1]) Церковными „архонтами“ на востокѣ называли тѣхъ членовъ епископскаго пресвитеріума, которые занимали высшія должности по администраціи и суду. Сюда относились великій экономъ, великій сакелларій, сакеллій (или малый сакелларій), скевофилаксъ, хартофилаксъ и продектикъ.

ные, дѣлаются *sui juris* [1]). Посему не подлежитъ сомнѣнію, что *на архонтовъ великой церкви, этихъ какъ бы членовъ свящ. сената,* распространяется законъ Константина. И это есть *спеціальная привилегія, дарованная Константиномъ только магистратамъ великой церкви,* ибо должностныя лица другихъ патріарховъ, а тѣмъ болѣе митрополитовъ и епископовъ, не пользуются ею. *Ergo* только архонтства великой церкви дѣлаютъ подвластнаго своевластнымъ.

Въ толкованіи Вальсамона къ 1 гл. VIII титула номоканона и въ «разсужденіи о двухъ должностяхъ хартофилакса и протекдика» мысль о перенесеніи привилегій римской церкви на константинопольскую выразилась въ приравненіи константинопольскаго хартофилакса къ римскимъ кардиналамъ и въ отстаиваніи обычая (раньше существовавшаго, но во времена Вальсамона, къ его крайнему сожалѣнію, уже вышедшаго изъ употребленія), по которому хартофилаксъ имѣлъ право надѣвать на себя «тіару» золотую и въ публичныхъ процессіяхъ выѣзжать на патріаршемъ, царски-изукрашенномъ, конѣ [2]). Что самъ патріархъ выводилъ изъ грамоты Константина право украшать себя знаками императорскаго достоинства, какъ Михаилъ Керуларій, объ этомъ было сказано выше [3]). Вальсамонъ констатируетъ фактъ, что попытки въ этомъ направленіи хорошаго исхода не имѣли, и, повидимому, скорбитъ объ этомъ, какъ и о прекращеніи того обычая, который возвеличивалъ хартофилакса. Въ толков. къ 28 халкид. онъ говоритъ: «Настоящее правило опредѣляетъ, чтобы константинопольскій архіепископъ имѣлъ преимущества римскаго папы... Но нѣкоторые, видя, что онъ не чествуется ни однимъ изъ преимуществъ римскаго папы (ибо и голову не украшаетъ царскимъ покровомъ—λῶρος, и ходитъ безъ царскаго скипетра, знаковъ и знаменъ, не украшаетъ себя знаками царскаго достоинства, не возлагаетъ на себя пурпурнаго одѣянія и не са-

---

[1]) Здѣсь мы видимъ одинъ изъ множества примѣровъ толкованія Вальсамономъ каноновъ и законовъ съ непониманіемъ ихъ историческаго смысла: какъ будто Юстиніанъ и въ самомъ дѣлѣ издалъ свою новеллу объ освобожденіи епископовъ отъ отеческой власти по указываемому Вальсамономъ мотиву!

[2]) Bibliotheca Voelli et Justelli, II, 933. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, Ралли и Потли, IV, 539—540.

[3]) См. выше стр. 114.

дится на коня, какъ это предоставляется въ царскомъ постановленіи, данномъ св. Константиномъ В. римскому папѣ св. Сильвестру и его преемникамъ), говорятъ, что содержащееся въ сихъ правилахъ утратило силу, доказывая свою мысль и тѣмъ, что въ Василики, составленныя гораздо позднѣе и очищенныя, не внесены тѣ законы, которыми опредѣляется константинопольскому патріарху имѣть преимущества римскаго папы... А я, съ своей стороны, будучи чистѣйшимъ гражданиномъ Константинополя п. по благодати Божіей, сдѣлавшійся частію св. престола константинопольскаго благопотребнѣйшею [1]), *хочу и молюсь, чтобы константинопольскій патріархъ безъ соблазна имѣлъ всѣ преимущества, дарованныя ему божественными правилами».* [2])

Покойный А. С. Павловъ едва ли вѣрно понялъ приведенныя слова Вальсамона, придавая имъ такой смыслъ, будто Вальсамонъ желалъ, чтобы патріархъ пользовался только тѣми привилегіями, о которыхъ сказано въ *канонахъ*, а не тѣми, о которыхъ говорится въ θέσπισμα Константина В. [3]) Такъ какъ на византійскомъ языкѣ «божественными» назывались и каноны, и императорскіе законы, то всего вѣрнѣе будетъ предполагать, что и грамоту Константина Вальсамонъ относилъ къ «божественнымъ» же «правиламъ», только желалъ, чтобы патріархи пользовались привилегіями, дарованными грамотой не какъ Керуларій, а «безъ соблазна». Трудно напротивъ предположить въ Вальсамонѣ такую наивную непослѣдовательность, какую предполагаетъ въ немъ проф. Павловъ [4]), именно что канонистъ для хартофилакса, т. е. для себя самого, выводилъ изъ грамоты Константина права на внѣшніе знаки отличія, а для патріарха отрицалъ возможность подобнаго вывода. Любопытно, что Вальсамону и еще разъ представлялся случай высказаться ясно насчетъ внѣшнихъ знаковъ

---

[1]) Вальсамонъ въ то время былъ хартофилаксомъ великой константинопольской церкви. Позднѣе онъ посвященъ былъ на антіохійскую патріаршую каѳедру, но остался титулярнымъ патріархомъ, не имѣя возможности фактически занять ее, такъ какъ Антіохія снова была отвоевана отъ византійской имперіи

[2]) По изд. общ. люб. дух. просв. стр. 262—263.

[3]) *Павловъ*, Сборникъ неизд. памятниковъ визант. церк. права, стр. 67.

[4]) Тамъ же, стр. 67—68.

царственнаго достоинства константинопольскаго патріарха. и онъ не высказался, какъ надо полагать, потому, что не желалъ впасть въ непослѣдовательность въ другомъ отношеніи. Въ «разсужденіи о патріаршихъ привилегіяхъ», въ которомъ пространно развита теорія «пяти чувствъ», какъ «занимающихъ мѣсто главы св. церквей» (τόπον ἀναπληροῦντες τῆς κεφαλῆς τῶν ἁγίων ἐκκλησιῶν) [1]), въ духѣ извѣстнаго намъ Петра антіохійскаго, Вальсамону пришлось встрѣтиться съ вопросомъ: почему римскій папа называется вселенскимъ папой, константинопольскій архіепископъ вселенскимъ патріархомъ, между тѣмъ какъ остальные патріархи, будучи въ одномъ съ ними рангѣ, званіи и чести (τῆς αὐτῆς ὄντες τάξεως, κλήσεως τε καὶ τιμῆς), не пользуются этимъ величаніемъ. Этотъ вопросъ въ сущности ставилъ Вальсамона въ великое затрудненіе: аргументируя въ пользу титуловъ «вселенскаго папы» и «вселенскаго патріарха», онъ рисковалъ бы подорвать теорію пяти чувствъ, только что имъ пространно развитую; аргументируя же противъ титуловъ, онъ становился бы въ вопіющее противорѣчіе съ тѣмъ, что имъ много разъ и по разнообразнымъ поводамъ высказывалось насчетъ привилегій стараго и новаго Рима. И вотъ Вальсамонъ, можно сказать, отдѣлывается отъ труднаго вопроса такимъ разсужденіемъ: римскаго папу демонъ самолюбія оторвалъ отъ общенія прочихъ святѣйшихъ патріарховъ и ограничилъ его однимъ западомъ, а что касается константинопольскаго, то я вижу, говоритъ Вальсамонъ, что онъ не украшенъ ни одною изъ привилегій папы (ибо ни царской діадемой не вѣнчается, сообразно съ закономъ, приписываемымъ св. Константину, ни пурпурныхъ туфлей не надѣваетъ, какъ бы слѣдовало по этому узаконенію, ни другою какою либо привилегіей древняго Рима не пользуется и поэтому ноги его стоятъ въ прямотѣ, и голова его убѣлена по Давиду всякою мудростію, и самъ онъ не подписывается вселенскимъ отцомъ (!), хотя мы называемъ и прославляемъ его этимъ титуломъ), а поэтому въ изслѣдованіе, какъ безполезное, я не вхожу [2]). Другими словами, канонистъ уклонился отъ вопроса

[1]) Σύνταγμα, IV, 552

[2]) Σύνταγμα IV, 553. „Ἐπεὶ δὲ τὸν μὲν πάπαν τὸ τῆς φιλαυτίας δαιμόνιον τῆς τῶν λοιπῶν ἁγιωτάτων πατριαρχῶν ἀπέστησεν ὁμηγύρεως

указаніемъ на то, что фактически якобы теперь нѣтъ ни вселенскаго папы, отторгнутаго демономъ самолюбія отъ христіанскаго общенія, ни вселенскаго патріарха, который не пользуется никакими привилегіями, даже будто бы и вселенскимъ не самъ себя называетъ, а другими называется, и правильно ли это названіе, канонистъ не пояснилъ, сославшись на «безполезность» изслѣдованія. Объ этомъ можно только пожалѣть, тѣмъ болѣе, что въ этомъ же самомъ «разсужденіи», нѣсколько выше, съ высоты принципа «пяти чувствъ, составляющихъ единую главу тѣла всѣхъ церквей Божіихъ, Вальсамонъ готовъ забыть фактическую оторванность западнаго міра и, «какъ клющъ за дубъ», держится за единомысліе папы римскаго, скорбитъ сердцемъ объ его отдѣленіи и ожидаетъ ежедневнаго обращенія [1]).

Сравнивая 3-й канонъ II всел. соб. и 28-й канонъ IV всел. соб. съ тѣми выводами, которые дѣлались на востокѣ изъ дарственной грамоты Константина В. римскому папѣ, мы не можемъ не замѣтить, что перенесеніе привилегій стараго Рима на новый имѣло не одну только, такъ сказать, духовно-іерархическую сторону, а *непремѣнно должно было имѣть и церковно-политическую сторону*. Если римскій епископъ получилъ не только духовно-іерархическія права надъ всѣми остальными патріархами, но и знаки императорскаго достоинства, и если всѣ его привилегіи,

---

καὶ εἰς μόνην τὴν δύσιν ἐστενοχώρησε, τὸν δὲ Κωνσταντινουπόλεως βλέπω μηδενὶ τῶν προνομίων τοῦ πάπα κατακοσμούμενον (ὅυτε γὰρ τῷ τῆς βασιλείας λώρῳ κατὰ τὸ τοῦ ἁγίου Κωνσταντίνου νομιζόμενον θέσπισμα καταστέφεται, ὅυτε κοκκοβαφέσι πεδίλοις, κατὰ τὸ τυπωθὲν θεατρίζεται, ἀλλ' οὐδ' ἑτέρῳ προνομίῳ τῆς παλαιᾶς Ῥώμης κέχρηται, καὶ διὰ τούτο ὁι πόδες αὐτοῦ ἵστανται ἐν εὐθύτητι, καὶ ἡ κεφαλὴ αὐτοῦ παντοίᾳ συνέσει κατὰ τὸν Δαυὶδ πεπολίωται καὶ τὰς οἰκείας δὲ ὑπογραφὰς ὡς οἰκουμενικὸς οὐ μεγεθύνει πατὴρ, κἂν παρ' ἡμῶν ὅυτω κέκληται καὶ δεδόξασται) τὴν μὲν περὶ τούτου συζήτησιν, ὡς αλυσιτελῆ, παρατρέχω".

[1]) Стр. 247: „Τοὺς ἁγιωτάτους πέντε πατριάρχας (καὶ ἔτι γὰρ ὡς κισσὸς δρυὸς, τῆς ὁμονοίας τοῦ πάπα Ρώμης ἐξέχομαι, καὶ τῷ χωρισμῷ τούτου τὴν καρδίαν σπαράττομαι, καὶ τὴν καλὴν ἐπιστροφὴν καθεκάστην παραδοκῶ) μίαν οἰδαμεν κεφαλὴν τοῦ σώματος πασῶν τῶν ἐκκλησιῶν τοῦ Θεοῦ".

съ теченіемъ времени, сдѣлались достояніемъ епископа новаго Рима, то рано ли поздно ли и на восточной почвѣ долженъ былъ возникнуть вопросъ не только объ отношеніи «вселенскаго» патріарха къ остальнымъ восточнымъ патріархамъ, но и объ отношеніи его къ императорской власти. Это былъ неизбѣжный логическій ходъ понятій. Такъ оно было и въ дѣйствительности, потому что не могло быть иначе, хотя императоры періода вселенскихъ соборовъ, могущественно содѣйствовавшіе возвышенію своего столичнаго патріарха, не подозрѣвали тѣхъ послѣдствій, къ которымъ со временемъ должно было привести это возвышеніе. Любопытно, что идея *перенесенія правъ* со стараго Рима на новый впервые высказана была императоромъ Михаиломъ III въ посланіи его къ папѣ Николаю I-му, или, правильнѣе сказать, патріархомъ Фотіемъ, потому что Фотій, безъ сомнѣнія, былъ составителемъ этого посланія. Посланіе самое не дошло до насъ, но содержаніе его, по крайней мѣрѣ отчасти, можетъ быть возстановлено на основаніи отвѣта папы императору, а также другихъ писемъ Николая I, въ которыхъ онъ касался этого посланія. Опытъ возстановленія сдѣланъ кардиналомъ Гергенретеромъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи о патріархѣ Фотіѣ [1]). Въ періодъ вселенскихъ соборовъ говорили, что епископъ новаго Рима *слѣдуетъ* непосредственно за епископомъ стараго Рима въ порядкѣ чести и имѣетъ *равныя* съ нимъ преимущества, но никто не говорилъ, что епископъ стараго Рима *утратилъ* эти свои преимущества, и что они *перешли* на епископа новаго Рима. Эта послѣдняя мысль выражена впервые, какъ сказано, около половины IX в., т. е. когда старый Римъ выдѣлился уже изъ восточноримской имперіи, когда на западѣ явилась другая, западная, римская имперія, и когда готовъ былъ совершиться и церковный разрывъ между востокомъ и западомъ. Въ періодъ вселенскихъ соборовъ не было ни основаній, ни поводовъ къ сопоставленію патріарха константинопольскаго съ императоромъ, потому что если съ царскою властію (βασιλεία, imperium) сопоставляли священство (ἱερωσύνη, sacerdotium), то священство понимали въ со-

[1]) См. I, 552—553 и ср. *Павловъ*, Подложная дарственная грамота и проч. въ Сборн. неизд. памятниковъ визант ц. пр. стр. 65.

бирательномъ смыслѣ, а если кому нибудь нужно было, какъ напр. православнымъ въ борьбѣ съ восточными еретиками, найти единоличный типъ священства, то таковой усматривался въ епископѣ стараго Рима. Съ IX столѣтія въ сопоставленіи съ царскою властію оказывается уже патріархъ константинопольскій. Это сопоставленіе нашло себѣ оффиціальное выраженіе въ т. н. эпанагогѣ, которая имѣетъ два спеціальные титула или отдѣла: о царѣ (περὶ βασιλέως) [1]) и о патріархѣ (περὶ πατριάρχου) [2]). Подъ патріархомъ разумѣется единственно патріархъ константинопольскій, такъ какъ о другихъ восточныхъ патріархахъ упоминается лишь вскользь, какъ о второстепенныхъ и подчиненныхъ ему; о римскомъ епископѣ нѣтъ уже ни слова. Такъ какъ едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что титулы эпанагоги о царѣ и о патріархѣ составлены *Фотіемъ* [3]), то мы получаемъ возможность воочію, такъ сказать, наблюдать знаменательное историческое совпаденіе: возвышеніе вонстантинопольскаго патріарха надъ другими патріархами и поставленіе этого же патріарха рядомъ съ царскою властію идутъ рука объ руку, предполагая въ то же время разрывъ съ Римомъ и условливаясь этимъ разрывомъ.

Если вникнуть затѣмъ въ содержаніе обоихъ титуловъ эпанагоги, то окажется, что въ нихъ развиты тѣ же самые принципы, которые лежали въ основаніи борьбы между sacerdotium и imperium, потрясавшей западно-европейскій міръ въ средніе вѣка. Хотя рѣзкой іерократической окраски нѣтъ въ построеніяхъ эпанагоги и оба «величайшіе дара»—царство и священство—представляются на равной высотѣ, но изъ того, что царь «управляетъ тѣлами», а патріархъ «управляетъ душами», что царь долженъ блюсти вѣру и каноны, а толкованіе каноновъ предоставляется патріарху, какъ «живому и одушевленному образу Христа», въ средніе вѣка не трудно было придти къ выводу о превосходствѣ священства надъ царствомъ. И замѣтимъ, кромѣ того, что современныя явленія, совершавшіяся въ западно-европейскомъ

---

[1]) Тит. II.

[2]) Тит. III.

[3]) См. объ этомъ проф. *Сокольскаго*, О характерѣ и значеніи эпанагоги (Визант. Врем. т. I, стр. 31 и сл.).

мірѣ, тѣ отношенія, которыя складывались между западнымъ священствомъ, т. е. папствомъ, и созданною имъ западно-европейскою имперіей, не могли оставаться неизвѣстными на востокѣ, а напротивъ были очень хорошо извѣстны и могли служить образцомъ для подражанія съ одной стороны, поводомъ къ опасеніямъ и принятію извѣстныхъ мѣръ предосторожности императорами съ другой стороны. Эпанагога явилась при Василіѣ I, но Василію же принадлежитъ мысль, которая приведена была въ исполненіе послѣ его смерти сыномъ его Львомъ Мудрымъ,—мысль о соединеніи въ одной фамиліи царства и патріаршества. Младшій сынъ Василія Стефанъ съ самаго дѣтства былъ предназначенъ къ духовному званію и получилъ соотвѣтственное воспитаніе, даже былъ кастрированъ [1]). Если бы Василій жилъ болѣе долго, то онъ далъ бы патріарху Фотію умереть естественною смертію и затѣмъ уже возвелъ бы своего сына въ патріархи. Молодой Левъ VI, имѣвшій свои, и довольно серьезныя, причины ненавидѣть архіепископа евхаитскаго Ѳеодора Сантабарена, съ которымъ патріархъ Фотій находился въ тѣсной дружбѣ, началъ свое царствованіе съ низложенія обоихъ. Любопытно, что самому патріарху Фотію, при этомъ его второмъ и окончательномъ низложеніи, было между прочимъ поставлено въ вину, что онъ намѣревался возвести на императорскій престолъ кого-либо изъ своей фамиліи. Произведенные по этому обвинительному пункту допросъ и слѣдствіе не дали никакихъ результатовъ въ подкрѣпленіе обвиненія [2]), и самое это обвиненіе, по всей вѣроятности, было выдумано для того, чтобы подготовить населеніе столицы къ соединенію царской и патріаршей власти въ македонской фамиліи Василія I-го. Эта же мысль о соединеніи обѣихъ властей въ одной фамиліи выразилась при сынѣ Льва VI Константинѣ Порфирородномъ, соправитель котораго Романъ Лекапенъ, управлявшій имперіей за несовершеннолѣтіемъ Константина, одного изъ своихъ

---

[1]) Theophanes Continuatus по боннск. изд. 1838 г. стр. 264. Cedren. II, 206. Ср. *Gfrörer*, Byz. Gesch. II, 162—165. Ко времени смерти своего отца Стефанъ былъ уже „синкелломъ“ патріарха Фотія, хотя ему не было еще и 16 лѣтъ. Theophan. 354; Cedren. II, 249.

[2]) Theophan. 354—356. Cedren. l. c. *Hergenröther*, Photius, II, 683 и сл.

сыновей Θеофилакта возвелъ на патріаршую каѳедру. Но пусть оба приведенные факта не стоятъ ни въ какой связи съ политикой предосторожности противъ нежелательнаго усиленія патріаршей власти, а объясняются единственно желаніемъ укрѣпить династію на императорскомъ престолѣ, такъ какъ Василій I только что начиналъ собою македонскую династію, а Романъ тоже думалъ начать свою династію. Исторія византійской имперіи, начиная съ царствованія Льва VI, ознаменовалась и другими явленіями, въ которыхъ можно предполагать скрытую мысль объ усвоеніи императору тѣхъ духовныхъ прерогативъ, которыя, при строгомъ проведеніи параллелизма между епископами стараго и новаго Рима, должны бы были принадлежать вселенскому патріарху. Пихлеръ замѣтилъ, что учрежденіе новой имперіи папами было главною причиною цезаропапизма восточной церкви, такъ какъ восточные императоры, имѣя предъ глазами опытъ самовластнаго распоряженія императорской короной со стороны епископа стараго Рима, тѣмъ съ большею внимательностію должны были слѣдить за епископомъ новаго Рима и не допускать съ его стороны никакихъ поползновеній слѣдовать западному образцу [1]). Замѣчаніе это едва ли можно считать лишеннымъ всякаго основанія. Мы дѣйствительно видимъ, что Левъ Мудрый, конечно на основѣ прежнихъ традицій византійской имперіи, но въ своеобразной формѣ, и притомъ систематически старался выдвинуть духовно-первосвященническую сторону своей власти. Левъ занимается церковной гимнологіей, сочиняя богослужебныя стихиры; Левъ держитъ проповѣди къ константинопольскому народу; Левъ издаетъ рядъ новеллъ на имя своего несовершеннолѣтняго брата Стефана, «святѣйшаго архіепископа Константинополя и вселенскаго патріарха» относительно условій посвященія въ степени духовнаго сана, о постриженіи въ монашество, о совершеніи церковныхъ священнодѣйствій въ домовыхъ церквахъ, о допущеніи роженицъ къ св. причащенію до истеченія 40 дней послѣ родовъ и т. п. [2]).

---

[1]) *Pichler*, Geschichte der Trennung, I, 197

[2]) См. 2—17 новеллы Льва, адресованныя на имя Стефана у *Zachariae*, Jus graeco—romanum P. III, pag. 64—91. Изъ новеллъ, адресованныхъ не на имя патріарха Стефана, а на имя магистра sacrorum officiorum Стиліана, см.

Со времени же Льва и наиболѣе ясно со времени Романа Лекапена [1]), наблюдается параллелизмъ внѣшнихъ формъ, въ которыхъ издавались законодательные акты по дѣламъ церковнымъ византійскими императорами на востокѣ (χρυσόβουλλοι и πιττάκια) и римскими папами на западѣ (буллы и breves). Торжественные выходы императора въ великую церковь, описанные Константиномъ Порфиророднымъ, также указываютъ на стремленіе императора дать выраженіе духовному характеру императорской власти [2]), и едва ли подробности церемоніала уходятъ въ глубь исторіи дальше македонской династіи. Въ богатой разными превратностями исторіи четвертаго брака Льва Мудраго опять мы встрѣчаемъ фактъ въ достаточной степени характерный, о которомъ сообщилъ патріархъ Николай Мистикъ въ своемъ посланіи къ римскому папѣ: Левъ самъ обвѣнчалъ себя съ Зоей Карбонопсиной, представляя въ своемъ лицѣ и священника, и жениха, хотя потомъ, нѣсколько позднѣе, вѣроятно неувѣренный въ правильности совершеннаго имъ вѣнчанія, какъ говоритъ Гергепретеръ [3]), приказалъ своему придворному священнику совершить добавочное богослуженіе.

Но естественно, что примѣръ римскаго папы долженъ былъ вызывать подражаніе и въ патріархахъ, тѣмъ болѣе когда такъ ясно обнаружилось стремленіе императорской власти вторгнуться въ чисто-духовную область. Естественно же далѣе, что, при отсутствіи ясныхъ понятій о границахъ между духовною и недуховною областями, патріархи не только могли отстаивать независимость своей духовной сферы, но и сами могли выходить изъ границъ этой сферы, подобно тому какъ выходили изъ границъ своей сферы императоры. Естественно, наконецъ, и то, что еще задолго до Керуларія отношенія между священствомъ и царствомъ на востокѣ обострялись въ значительной степени. Два царствованія—Никифора Фоки и Іоанна Цимисхія (въ малолѣтство Васи-

---

въ особенности нов. 89 объ обязательномъ церковномъ благословеніи брака и усыновленія, нов. 111 и 112 о расторженіи брака по причинѣ безумія.

[1]) См. *Zachariae*, Geschichte d. griechisch-romisches Rechts, Berl. 1892, стр. 23 и сл.

[2]) Ср. *Суворовъ*, Учебн. ц. пр 1902, § 28.

[3]) См. *Hergenröther*, Photius, III, 657.

лія II и Константина VIII) особенно поучительны въ этомъ отношеніи. Отъ Никифора Фоки дошелъ до насъ удивительный, по выраженію покойнаго академика Васильевскаго [1]), законъ (т. е. удивительный для того времени—для X в.), которымъ этотъ честный, суровый и благочестивый воинъ, носившій подъ царскимъ облаченіемъ власяницу, горячій почитатель и другъ препод. Аѳанасія Аѳонскаго, основателя организованной монашеской жизни на св. горѣ, поразилъ набожную Византію, вызвавъ къ себѣ жестокую ненависть. Законъ направленъ былъ противъ любостяжанія монаховъ и противъ страсти византійцевъ устраивать новые собственные монастыри, при существованіи массы прежнихъ монастырей, пострадавшихъ отъ времени и нуждавшихся въ помощи, такъ что сущность закона сводилась къ двумъ положеніямъ: 1) воспрещается строить новые монастыри и 2) воспрещается пріобрѣтеніе новыхъ недвижимостей существовавшими монастырями. Историки говорятъ еще о другихъ мѣропріятіяхъ Фоки по церковнымъ дѣламъ. Левъ діаконъ сообщаетъ въ своей исторіи [2]), что Никифоръ—въ тѣхъ ли видахъ, чтобы исправить священныя вещи по своему желанію, послѣ того какъ онѣ подвергнуты были нововведеніямъ отъ нѣкоторыхъ іереевъ, или съ цѣлію подчинить себѣ божественныя вещи (чего да не будетъ)—принудилъ іерарховъ поспѣшить составленіемъ соборнаго опредѣленія о томъ, чтобы никакое церковное дѣло не дѣлалось безъ его рѣшенія. У Кедрена находимъ большія подробности. Упомянувъ о законѣ Никифора, воспрещавшемъ дальнѣйшее расширеніе церковнаго землевладѣнія подъ тѣмъ предлогомъ, что епископы худо употребляютъ богатство, предназначенное для бѣдныхъ, между тѣмъ какъ воины терпятъ нужду, историкъ продолжаетъ: «а что всего ужаснѣе, онъ издалъ законъ, подъ которымъ подписались и нѣкоторые изъ епископовъ, легкомысленныхъ и льстивыхъ, о томъ, что безъ императорскаго приказанія не можетъ быть избираемъ или рукополагаемъ какой-либо епископъ; по смерти же какого-либо епископа, онъ посылалъ царскаго человѣка

---

[1]) Матеріалы для внутр. исторіи византт. госуд. (Ж. М. Н. Пр. ч. 202, мартъ, 1879), стр. 224—228.

[2]) *Leonis diaconi*, Histor. по бонн. изд. стр. 98—99.

составить смѣту издержекъ и остальное (т. е. то, что оставалось за покрытіемъ расходовъ) отбиралъ. Не считая затѣмъ нужнымъ приводить другія постановленія Фоки, «выходящія за предѣлы всякой идеи необходимости» (διατάγματα... πᾶσαν ἰδέαν ἀνάγκης ὑπερεκπίπτοντα), Кедренъ указываетъ на слѣдующее мѣропріятіе Фоки: онъ хотѣлъ издать законъ о томъ, чтобы солдаты, умирающіе на войнѣ, были удостоиваемы почестей мучениковъ, въ одной только войнѣ, а не въ чемъ либо другомъ полагая спасеніе души, и заставлялъ патріарха и епископовъ согласиться на этотъ «догматъ». Но нѣкоторые изъ нихъ мужественно воспротивились и удержали его отъ этого намѣренія, предъявивъ канонъ Василія Великаго, по которому убившіе непріятеля на войнѣ на три года устраняются отъ св. причащенія [1]).

Конецъ Никифора Фоки былъ трагическій. Онъ былъ убитъ, не смотря на то, что свой дворецъ превратилъ въ крѣпость и эту крѣпость въ постоянное убѣжище: путемъ его убійства взошелъ на императорскій престолъ Іоаннъ Цимисхій. Теперь насталъ моментъ, когда патріархъ могъ дать почувствовать императору силу своего авторитета, и дѣйствительно престарѣлый патріархъ Поліевктъ искусно воспользовался этимъ моментомъ. Цимисхій черезъ нѣсколько дней послѣ убійства Никифора Фоки направился въ храмъ св. Софіи съ тѣмъ, чтобы, по обычаю, патріархъ возложилъ на него царскую діадему, ибо, какъ замѣчаетъ Левъ діаконъ [2]), обычаемъ было установлено, чтобы тотъ, кто впервые получаетъ власть римской имперіи, восходилъ на амвонъ храма, получалъ благословеніе отъ наличнаго въ данное время патріарха и короновался отъ него царскимъ вѣнцомъ. Патріархъ наотрѣзъ отказался допустить Цимисхія въ храмъ и потребовалъ отъ него исполненія цѣлаго ряда условій: 1) очищенія отъ грѣха покаяніемъ, 2) открытія именъ тѣхъ лицъ, которыми непосредственно совершено было убійство Никифора Фоки, 3) изгнанія изъ дворца невѣрной жены Никифора, вдовы Θеофано̀, 4) отмѣны закона Никифора, воспрещавшаго епископамъ составлять какое либо рѣшеніе и замѣщать

---

[1]) Cedren. II, 368—369.

[2]) Leo diac. l. c.; Cedren. II, 380—381. Ср. *Gfrorer*, Byzant. Geschichten, II, 521. *Schlumberger*, L'épopée byzantine, 14—16.

епископскія каѳедры безъ воли императора (а также закона, ограничивавшаго церковное землевладѣніе), 5) возвращенія изъ заточенія всѣхъ пострадавшихъ за отказъ подчиниться законамъ Никифора, 6) пожертвованія всего имущества, которое Цимисхій имѣлъ раньше, какъ частное лицо, на бѣдныхъ столицы и на госпитали.

Цимисхій долженъ былъ согласиться на всѣ требованія, причемъ настойчивость патріарха въ частности относительно отмѣны новеллъ Никифора, какъ справедливо замѣчаетъ Шлюмберже [1]), есть доказательство огромной важности, которая придавалась имъ въ то время съ точки зрѣнія отношеній между священствомъ и царствомъ. Что касается въ частности закона о несовершеніи никакихъ церковныхъ актовъ безъ воли императора, то, по словамъ Льва діакона, этотъ законъ въ подлинникѣ былъ отданъ Цимисхіемъ суноду (τόν τε τοῦ Νικηφόρου τόμον τῇ συνόδῳ ἐπέδωκε), а по словамъ Кедрена былъ даже разорванъ съ предоставленіемъ церкви прежней свободы (ἐνεχθεὶς δὲ ὁ τόμος ἐῤῥάγη, καὶ τῇ ἐκκλησίᾳ ἐχαρίσθη ἡ πρότερα ἐλευθερία). Законъ Никифора Фоки о церковномъ землевладѣніи также въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ сопровождается замѣткой, что онъ былъ отмѣненъ Іоанномъ Цимисхіемъ [2]), но въ виду того, что Василію II Болгароктону (послѣ вступленія его въ самостоятельное управленіе имперіей по смерти Цимисхія) пришлось формально отмѣнять этотъ законъ, слѣдуетъ думать, что Цимисхій или ограничился обѣщаніемъ отмѣнить непріятный духовенству законъ, или даже ограничился только обѣщаніемъ не примѣнять законъ, а если и обѣщалъ отмѣну, то не исполнилъ обѣщанія, приберегая законъ своего предшественника, какъ полезное оружіе на случай государственной нужды. Возможно, скажемъ вмѣстѣ съ Шлюмберже, что Іоаннъ Цимисхій и его совѣтники въ тотъ моментъ, когда предъявлялись требованія патріарха, думали про себя, что лишь бы состоялось коронованіе, а тамъ можно и снова отобрать, одну за другою, церковныя вольности. Но въ данный моментъ во всякомъ случаѣ выбора не было: нужно было исполнить требованія патріарха

[1]) Стр. 18.

[2]) *Васильевскій*, Ж. М. Н. пр. 1879, мартъ, стр. 228.

для того, чтобы могло состояться коронованіе. Левъ діаконъ, какъ выше было указано, считаетъ требованіемъ обычая, чтобы лицо, восходящее на императорскій престолъ, получало благословеніе и вѣнецъ отъ патріарха. Участіе константинопольскаго патріарха въ коронованіи императора, само по себѣ и особенно по его историческому происхожденію, не заключало въ себѣ идеи юридической необходимости, въ томъ смыслѣ, чтобы, безъ возложенія вѣнца на голову императора рукою патріарха, правительственные акты императора считались бы недѣйствительными [1]). Но со второй половины IX в. на востокѣ, по примѣру запада, болѣе и болѣе укрѣплялось воззрѣніе, что новое правительство не иначе получаетъ характеръ законности, какъ послѣ торжественнаго освященія его церковью [2]). Уже патріархъ Игнатій на соборѣ друкратномъ 861 г. противъ увѣренія его противниковъ, будто онъ неправомѣрнымъ образомъ былъ избранъ и посвященъ на патріаршую каѳедру, возражалъ, что въ такомъ случаѣ и коронованный имъ императоръ не императоръ, и посвященные имъ епископы не епископы [3]). Предшественникъ Керуларія, патріархъ Алексѣй подвергался опасности быть низложеннымъ, благодаря интригамъ Іоанна Орфанотрофа (брата императора Михаила IV Пафлагона), который самъ желалъ сдѣлаться патріархомъ. Орфанотрофъ привлекъ на свою сторону нѣсколько епископовъ, которые вступили съ Алексѣемъ въ переговоры объ оставленіи имъ патріаршества, въ виду неправомѣрнаго занятія имъ патріаршей каѳедры. Патріархъ отвѣтилъ имъ: «если я взошелъ на тронъ, какъ вы говорите, неканонически, не по избранію архіереевъ, а по приказанію царя Василія, то пусть будутъ низложены и всѣ тѣ митрополиты, которыхъ я посвятилъ, управляя церковью въ теченіе одиннадцати съ половиной лѣтъ, а также пусть будутъ анаѳематствованы (!) тѣ три императора, которыхъ я короновалъ,—когда

[1]) См. *Sickel*, Das byzantinische Krönungsrecht bis zum 10 Jarhundert (Byzant. Zeitschrift, B. VII, 1898).

[2]) *Schlumberger*, L'épopée byz. 13: „ainsi qu'il en était en Occident depuis longtemps déja, de même en Orient la croyance populaire existait fermement qui voulait qu'un changement de règne ne prit le caractère de la légalité qu'après avoir été solennellement consacré par l'église". Ср. *Gfrorer*, Byz. Geschicht. II, 521.

[3]) *Hergenrother*, Photius, I, 425.

это будетъ сдѣлано, тогда я и уступлю тронъ желающему». Приведенные, какъ говоритъ историкъ [1]), въ стыдъ и страхъ этимъ отвѣтомъ, епископы (изъ которыхъ многіе получили хиротонію отъ Алексѣя) предпочли молчать, а въ концѣ концовъ и самъ Орфанотрофъ долженъ былъ оставить свое вожделѣнie сдѣлаться патріархомъ.

Въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ, конечно, аргументація патріарховъ Игнатія и Алексѣя имѣла характеръ оборонительнаго средства противъ нападеній противниковъ. Но разъ извѣстную идею можно было утилизировать въ видахъ обороны,—отчего же нельзя было бы воспользоваться ею и для наступленія, смотря по обстоятельствамъ? Гфререръ и Шлюмберже едва ли ошибаются, сопоставляя востокъ X вѣка съ современнымъ ему западомъ. Повторимъ еще разъ, что было бы неправильно думать, будто явленія западно-европейской жизни оставались неизвѣстными на востокѣ и не могли оказывать никакого вліянія на ходъ восточныхъ дѣлъ. А какія явленія могли быть наблюдаемы въ западно-европейской жизни съ конца IX в.? Возстановленная западная имперія уже въ лицѣ перваго императора Карла Великаго была созданіемъ папства; но при первыхъ каролингахъ императорская корона по крайней мѣрѣ переходила отъ предшественника къ преемнику въ порядкѣ легитимности, т. е. отъ отца къ сыну. Начиная съ Карла Лысаго, папа сталъ уже дѣлать выборъ, на кого изъ каролинговъ возложить императорскую корону съ званіемъ, правами и обязанностями защитника римской церкви, а съ прекращеніемъ дома каролинговъ тѣмъ болѣе отъ папы стало зависѣть, на кого изъ государей возложить императорскую корону, такъ что въ промежутокъ времени между каролингами и Оттонами мы видимъ нѣсколько, такъ сказать, мелкопомѣстныхъ италійскихъ князей, получавшихъ изъ рукъ папы, по избранію этого послѣдняго, императорскую корону [2]). Что же удивительнаго, если патріархъ Михаилъ Керуларій въ XI в., проникнутый мыслію о превосходствѣ священства подъ царствомъ и ставшій, въ осо-

---

[1]) Cedren. II, 517—518.

[2]) См. *Niehues*, Geschichte des Verhältnisses zwischen Kaiserthum und Papstthum im Mittelalter, B. II, Munster, 1887, стр. 385, 397, 427, 455 и сл.

бенности послѣ разрыва съ Римомъ, въ положеніе восточнаго папы, считалъ себя въ правѣ возводить въ императоры посредствомъ коронованія, или лишать императорской власти по своему усмотрѣнію?

Что мысль о взаимныхъ отношеніяхъ между священствомъ и и царствомъ серьезно занимала и озабочивала византійское императорское правительство въ X в., объ этомъ свидѣтельствуютъ два факта—одинъ изъ царствованія Цимисхія, другой изъ первыхъ годовъ самостоятельнаго царствованія Василія II. Іоаннъ Цимисхій, по смерти престарѣлаго патріарха Поліевкта, возложившаго на него императорскую корону съ извѣстными намъ условіями, прежде чѣмъ замѣстить патріаршую каѳедру, держалъ предъ епископами и сенатомъ замѣчательную рѣчь, содержаніе которой передано намъ Львомъ діакономъ. Императоръ начинаетъ съ того, что существуетъ Единое Начало, высшее и первенствующее, которое привело изъ небытія въ бытіе систему видимаго и невидимаго міра. Но въ здѣшней жизни и въ дольнемъ блужданіи, продолжаетъ императоръ. я знаю двѣ власти—священство и царство, изъ которыхъ одной Создатель міра поручилъ попеченіе о душахъ, другой—управленіе тѣлами, такъ чтобы ни та, ни другая сторона (человѣческаго существа) не хромала, а сохранялась благоустроенною и цѣлостною. Теперь такъ какъ управлявшій церковью (патріархъ) заплатилъ дань (бренной природѣ человѣческой), предоставимъ Всевидящему Оку, отъ котораго ничто не укроется, и которому извѣстны всѣ дѣла человѣческія, прежде чѣмъ они задуманы, возвести на божественное служеніе человѣка, который бы превосходилъ всѣхъ другихъ.—Но, воздавъ такимъ образомъ дань теоріи двухъ властей въ такихъ выраженіяхъ, подъ которыми могъ бы подписаться любой папа, царственный ораторъ приступаетъ къ дѣлу, которое послужило поводомъ и къ собранію, и къ приведенной рѣчи. Онъ заявляетъ, что, на основаніи долговременнаго опыта, знаетъ съ наилучшей стороны одного человѣка, котораго и возводитъ на церковную каѳедру, съ тѣмъ чтобы не скрывалъ въ углу свою жизнь мужъ, украшенный всякими достоинствами,—мужъ, которому отъ Бога ниспосланъ даръ прозрѣнія, ибо императоръ по опыту знаетъ, что этотъ мужъ заранѣе предсказалъ ему многое изъ будущаго,

что̀ потомъ дѣйствительно случилось въ свое время. Вслѣдъ за этимъ, Цимисхій приказалъ ввести въ собраніе избраннаго имъ кандидата, и, къ удивленію присутствовавшихъ, царскимъ кандидатомъ оказался не кто либо изъ митрополитовъ или епископовъ, или другихъ извѣстныхъ лицъ, а неученый человѣкъ въ одѣяніи монаха—пустынника, проводившій доселѣ свою жизнь въ монашескихъ подвигахъ на вершинахъ Олимпа. Представивъ этого своего кандидата почтенному собранію, состоявшему изъ епископовъ и сенаторовъ, императоръ приказалъ ему отправиться въ патріаршее помѣщеніе, а на другой день этотъ пустынникъ (Василій Скамандринъ) получилъ помазаніе первосвященства (τὸ τῆς ἀρχιερωσύνης χρίσμα) и провозглашенъ вселенскимъ патріархомъ [1]). Изъ этого разсказа Льва діакона видно, что конецъ и результатъ императорской рѣчи далеко не соотвѣтствовали ея началу. Императоръ не соблюлъ даже того порядка кажущагося избранія, который описанъ Константиномъ Порфиророднымъ въ его «Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως», и который состоялъ въ томъ, что императоръ сначала предоставлялъ митрополитамъ-членамъ синода представить ему имена трехъ своихъ кандидатовъ и лишь тогда, когда императоръ не находилъ въ числѣ этихъ трехъ того, кого онъ желалъ, указывалъ своего собственнаго кандидата, съ тѣмъ что этотъ послѣдній и получалъ нареченіе и посвященіе [2]). Цимисхій, поставленный въ необходимость передъ своимъ короноваціемъ отмѣнить законъ Фоки, по смерти патріарха, вынудившаго у него уступки, не возстановилъ, правда, закона Фоки, но фактически дѣйствовалъ въ духѣ своего предшественника, проведя свою волю въ такомъ важномъ церковномъ дѣлѣ, какъ замѣщеніе патріаршей каѳедры. Въ этомъ же духѣ, и еще рѣшительнѣе, поступилъ Цимисхій, четыре года спустя, низложивъ этого самаго Василія Скамандрина, добродѣтели котораго и даръ прозрѣнія такъ восхвалялись императоромъ при возведеніи Василія на каѳедру, когда сдѣлалось ясно, что патріархъ желаетъ вести свою политику, противоположную политикѣ императорской [3]).

---

[1]) Leo diac. 101—102.

[2]) См. объ этомъ въ моемъ Учебникѣ церк. пр., изд. 1902 г., стр 394—395.

[3]) См. выше, стр. 17.

Въ первые годы царствованія Василія II случилось одно событіе, на которомъ много останавливаются Гфрёреръ и Шлюмберже, и которое византійскими хроникерами оставлено безъ всякаго разъясненія: преемникъ Василія Скамандрина Антоній Студитъ былъ вынужденъ къ отреченію отъ патріаршества, и затѣмъ прошло 4½ года, пока каѳедра патріаршая не была замѣщена новымъ патріархомъ Николаемъ Хризовергомъ, такъ что слѣдовательно въ Константинополѣ, въ продолженіе 4½ лѣтъ, патріарха не было. Фактъ, дѣйствительно не маловажный и долженъ былъ имѣть свои, тоже немаловажныя, безъ всякаго сомнѣнія, причины. Сопоставляя лаконическія сообщенія византійскихъ историковъ Льва діакона [1]), Кедрена [2]) и Зонары [3]), а также событія въ Римѣ [4]), названные ученые (Гфререръ и Шлюмберже) представляютъ ходъ событій въ такомъ видѣ. Когда, послѣ смерти Іоанна Цимисхія (которую, можетъ быть, не безъ основанія приписываютъ [5]) Василію Паракимомену, т. е. спальнику, евнуху, который, будучи незаконнымъ сыномъ императора Романа Лекапена, приходился роднымъ дядей молодымъ базилевсамъ Василію II и Константину VIII и, по смерти Цимисхія, сдѣлался всемогущимъ правителемъ имперіи), имперія осталась съ двумя юными базилевсами и съ опекуномъ Василіемъ Паракимоменомъ, высшее духовенство, съ патріархомъ Антоніемъ во главѣ, остановило свои взоры на Вардѣ Склерѣ—шуринѣ умершаго императора Іоанна Цимисхія, котораго, можетъ быть, и самъ умирающій Цимисхій намѣчалъ въ соимператоры къ молодымъ базилевсамъ. Эта кандидатура во всѣхъ отношеніяхъ была нежелательна для евнуха Василія, который самъ хотѣлъ управлять имперіей отъ имени юныхъ императоровъ и поспѣшилъ выпроводить Склера изъ столицы для командованія войсками на отдаленномъ востокѣ. Удаленный Варда Склеръ поднялъ открытое возстаніе, объявивъ се-

---

[1]) Стр. 169 о времени продолженія возстанія Варды Склера.

[2]) II, 434 о времени отреченія Антонія и возведенія въ патріархи Николая Хризоверга.

[3]) III, 547 о томъ же.

[4]) Въ Римѣ, ко времени поставленія Хризоверга, утвердился на папскомъ престолѣ ставленникъ Кресценція, византійскій протеже.

[5]) См. *Schlumberger*, стр. 311.

бя императоромъ, и возстаніе это держалось долго, вѣроятно, по той именно причинѣ, что Склеръ имѣлъ тайныхъ сторонниковъ въ духовенствѣ. Вотъ почему, съ подавленіемъ возстанія Склера, патріархъ Антоній долженъ былъ отречься отъ патріаршества, вскорѣ послѣ чего и умеръ. Причина же, по которой константинопольская каѳедра оставалась затѣмъ, въ теченіе $4^1/_2$ лѣтъ, вакантною, должна была заключаться въ томъ, что духовенство твердо стояло на почвѣ, отвоеванной патріархомъ Поліевктомъ, отстаивая свою независимость въ замѣщеніи патріаршей каѳедры и послѣдовательно отвергая всѣхъ царскихъ кандидатовъ (т. е. кандидатовъ, предлагавшихся евнухомъ Василіемъ), царское же правительство отвергало всѣхъ кандидатовъ, выставлявшихся духовенствомъ. А если обратить вниманіе на то, что происходило въ это время въ Римѣ, то сразу же бросается въ глаза любопытное совпаденіе. Пока Бонифацій VII, константинопольскій протеже, не утвердился въ Римѣ (послѣ 10лѣтн. изгнанія), константинопольскія партіи—духовная и придворная никакъ не могли сойтись въ выборѣ пригоднаго кандидата, а какъ скоро утвердился, вдругъ сошлись, и въ результатѣ оказалось поставленіе Николая Хризоверга. Духовенство, по мнѣнію Шлюмберже, разсуждало приблизительно такъ: пусть царское правительство предлагаетъ какого ему угодно кандидата, мы рѣшились признавать патріархомъ лишь того, кто будетъ признавать супрематію папы римскаго. А императорское правительство, доселѣ отклонявшее эти претензіи, перемѣнило свою тактику съ того момента, какъ въ Римѣ водворился его ставленникъ [1]).

Предположенія Гфрёрера и Шлюмберже насчетъ отстаиванія константинопольскимъ духовенствомъ супрематіи римскаго папы, конечно, болѣе чѣмъ гадательны. Но что касается розни между политикой духовенства и политикой императорскаго правительства, то едва ли въ этомъ отношеніи возможны какія-либо сомнѣнія. Только такою продолжающеюся розню и можно объяснить и отреченіе патріарха, и долговременную вакантность патріаршей каѳедры. Если мы припомнимъ къ тому же отмѣченное нами рань-

[1]) См *Gfrorer*, Byzant. Geschichten, II, 583 и сл. *Schlumberger*, стр. 446 и сл.

ше колебаніе императорскаго правительства относительно замѣщенія должностей по церковно-имущественному управленію [1]),— колебаніе, разрѣшавшееся или къ выгодѣ императорской власти, или въ пользу духовной іерархіи; то для насъ не должны представляться совершенно неожиданными и необъяснимыми изученныя нами обстоятельства времени патріаршествованія Михаила Керуларія. Далеко не *ex abrupto* явился этотъ патріархъ на византійскомъ горизонтѣ, и не однѣми только индивидуальными особенностями его карьеры и его личнаго характера объясняются поучительныя событія изъ его жизни и дѣятельности. Византійскія отношенія между священствомъ и царствомъ въ X и въ первой половинѣ XI в. были далеко не свободны отъ взаимнаго недовѣрія и взаимныхъ опасеній и по временамъ отливались въ форму болѣе или менѣе напряженной борьбы. Такимъ образомъ было бы ошибочно въ обстоятельствахъ времени патріарха Михаила Керуларія усматривать матеріалъ чисто біографическаго свойства, обусловливавшійся первыми шагами политической карьеры патріарха (заговоромъ и перспективой занятія императорскаго престола), своеобразнымъ ходомъ дѣлъ въ имперіи и особенностями личнаго характера патріарха. Историческая почва, на которой стоялъ Керуларій, содержала въ себѣ достаточно-благопріятныя условія не только для параллелизированія священства и царства, но и для провозглашенія идеи превосходства священства надъ царствомъ. Особенности карьеры, характера и времени патріарха Михаила Керуларія сдѣлали лишь то, что для него оказалось легче, чѣмъ для кого-либо изъ его предшественниковъ, сдѣлать попытку осуществить эту идею въ дѣйствительности.

Раскрывая внутреннюю связь керуларіевскаго папства съ предшествующею византійскою исторіей, мы не можемъ не замѣтить также, что и на ближайшія послѣдующія событія Керуларій, даже и по смерти, оказалъ не малое вліяніе. Выше приведена была замѣтка Вальсамона [2]), изъ которой явствуетъ, что не одинъ только Керуларій выводилъ изъ константинова даренія право украшать себя знаками императорскаго достоинства, а и *другіе* шли

[1]) См. выше, стр. 99—103

[2]) См. выше, стр. 114.

по его слѣдамъ. Кто эти «другіе», неизвѣстно; но къ нимъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежалъ непосредственный преемникъ Керуларія Константинъ Лихудъ, при жизни Керуларія его близкій другъ, по смерти Керуларія вѣрный продолжатель его политики. Самое возведеніе Лихуда на каѳедру было, вѣроятно, уступкою со стороны Исаака Комнена требованіямъ минуты. Смерть Керуларія окружила его сіяніемъ въ глазахъ массы, и Комненъ долженъ былъ самъ, вмѣстѣ съ другими, проливать слезы по своемъ опасномъ противникѣ, освободившись отъ котораго, онъ готовъ былъ теперь сдѣлать все, чтобы дать удовлетвореніе общественному мнѣнію, взволнованному неожиданною смертію патріарха: демонстративно участвовалъ во всеобщемъ траурѣ, реабилитировалъ племянниковъ умершаго и не принялъ никакихъ мѣръ къ устраненію Константина Лихуда отъ кандидатуры на патріаршую каѳедру. Только когда уже кандидатура была дѣломъ рѣшеннымъ, Комненъ какъ будто сталъ раздумывать и колебаться относительно правильности того, что имъ было допущено подъ впечатлѣніемъ минуты. Не будучи хитроумнымъ дипломатомъ, онъ придумалъ оригинальное средство, выше упоминавшееся [1]), т. е. потребовалъ отъ Лихуда отказа отъ прони Манганъ, угрожая въ противномъ случаѣ заявить на соборѣ епископовъ о существованіи препятствія къ посвященію и, можетъ быть, разсчитывая на то, что Лихудъ не согласится отдать Манганы и слѣдовательно не сдѣлается патріархомъ. Но Лихудъ, какъ мы знаемъ, согласился и сдѣлался патріархомъ. Въ какомъ видѣ сложились бы отношенія между царемъ и новымъ патріархомъ, если бы царствованіе Комнена было продолжительнымъ, мы не знаемъ и отъ всякихъ гаданій воздерживаемся,—знаемъ лишь одинъ фактъ, но не маловажный: Комнену пришлось царствовать недолго, такъ что, считая и то время, въ теченіе котораго онъ царствовалъ, имѣя патріархомъ Михаила Керуларія, правительство Исаака Комнена продолжалось всего два года (1057—1059), и главными виновниками этой кратковременности царствованія были патріархъ Константинъ Лихудъ и философъ Михаилъ Пселлъ. Императоръ про-

---

[1]) См. выше, стр. 104—105.

студился на охотѣ и опасно заболѣлъ. Къ больному являлся между прочимъ Пселлъ, который, какъ энциклопедистъ во всѣхъ отрасляхъ знанія, въ томъ числѣ и въ медицинѣ, участвовалъ съ придворнымъ врачомъ въ установленіи діагноза болѣзни. Распространился слухъ, что онъ умираетъ. Къ больному собрались: царица съ дочерью и братъ Іоаннъ съ сыномъ. Прощаясь съ умирающимъ, по ихъ мнѣнію, царемъ, они просили его распорядиться царствомъ. Около того же времени явился патріархъ Константинъ Лихудъ и сталъ уговаривать царя постричься въ монахи. Царь изъявилъ на то свое желаніе; императрица же, узнавъ объ этомъ и заподозривъ, что онъ дѣйствуетъ по чужому внушенію, обратилась къ Пселлу, въ присутствіи императора, съ гнѣвнымъ упрекомъ: «много обязаны тебѣ, философъ, за совѣтъ; хорошо ты намъ отплатилъ, убѣдивъ императора перейти къ монашеской жизни». Пселлъ старался увѣрить императрицу, что онъ тутъ не при чемъ, и спросилъ, дѣйствительно ли желаніе монашества явилось у царя вслѣдствіе чьего либо совѣта. На это Комненъ отвѣтилъ: «она, по своей женской манерѣ, удерживаетъ насъ отъ лучшей жизни и готова обвинить всѣхъ прежде, чѣмъ меня». Слѣдуетъ затѣмъ совѣщаніе царя съ Пселломъ, результатъ котораго былъ неожиданный и необыкновенный: царь назначилъ своимъ преемникомъ не брата, не племянника, не дочь, которая могла бы выйти замужъ и возвести своего мужа на императорскій престолъ, а чужого ему человѣка, Константина Дуку, имя котораго часто упоминалось нами выше, какъ мужа племянницы Керуларія Евдокіи. Но только что сдѣлалось извѣстно это рѣшеніе, какъ здоровье Исаака стало поправляться, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ возникло сомнѣніе, слѣдуетъ ли ему постригаться въ монахи и отказываться отъ престола. Однако, уже и Пселлъ, и патріархъ напрягли всѣ усилія къ тому, чтобы склонить Комнена не измѣнять своему первоначальному намѣренію. Мало того, чтобы отрѣзать всякій путь къ отступленію, Пселлъ (конечно въ общеніи съ патріархомъ), на томъ основаніи, что царь на словахъ уже назначилъ своимъ преемникомъ Константина Дуку, посадилъ послѣдняго на царскій престолъ, обулъ его въ пурпурныя туфли и собралъ сановниковъ, которые, провозгласивъ Дукѣ обычное славословіе, *eo ipso* признали его императоромъ. Послѣ этого

Комнену ничего не оставалось, какъ постричься и удалиться въ Студійскій монастырь [1]).

Оба наши русскіе ученые, изслѣдовавшіе византійскую исторію за время царствованія Комнена, г. Скабалановичъ и г. Безобразовъ, не имѣютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что отреченіе и постриженіе Исаака Комнена было послѣдствіемъ злостной интриги,—только почему то главнымъ руководителемъ этой интриги считаютъ Пселла, а патріарха Константина Лихуда готовы оставить въ сторонѣ отъ нея. Интрига дѣйствительно была поведена искусно, и сцена разыграна мастерски. Философъ установилъ діагнозъ, не предвѣщавшій ничего хорошаго; патріархъ явился затѣмъ уговаривать царя постричься, въ расчетѣ на то, что прямой, честный, не привыкшій кривить душой, Исаакъ Комненъ—разъ у него будетъ исторгнуто обѣщаніе постричься—исполнитъ свое обѣщаніе, а если будетъ колебаться, можно будетъ принять и болѣе дѣйствительныя мѣры. Пселлъ хорошо зналъ характеръ Комнена, предлагая, въ присутствіи императрицы вопросъ, не подъ постороннимъ ли вліяніемъ данъ обѣтъ,—зналъ, что гордый Комненъ отвѣтитъ отрицательно. Затѣмъ оба совѣтника, и патріархъ, и философъ, опять-таки разсчитывая на впечатлительность готовящагося къ смерти императора, предложили ему объявить своимъ преемникомъ Константина Дуку, при чемъ, можетъ быть, въ видѣ аргумента, указано было на то, что назначеніемъ Дуки загладится вина императора предъ умершимъ патріархомъ Михаиломъ Керуларіемъ. Личностію Дуки заинтересованъ былъ, конечно, не столько Пселлъ, который, напротивъ, имѣлъ основательныя причины бояться и сторониться его, сколько патріархъ, котораго и нужно считать главнымъ руководителемъ интриги, имѣвшей цѣлью убрать съ императорскаго престола нежелательнаго императора и очистить мѣсто для лица, давно уже намѣченнаго покойнымъ Керуларіемъ. Пселла легко было привлечь къ этому плану указаніемъ на то, что содѣйствіе его патріарху и Дукѣ избавитъ его отъ всякихъ опасеній за будущее, которыя могли

---

[1]) *Безобразовъ*, М. Пселлъ, стр. 90—92.

[2]) *Скабалановичъ*, Византійское государство и церковь, 87.

[3]) *Безобразовъ*, 93.

бы смущать философа при мысли, что и онъ далеко не безгрѣшенъ по отношенію къ памяти умершаго патріарха. Какъ ни искусился Пселлъ въ политикѣ, все-таки не возможно предположить, чтобы онъ самъ рѣшился устраивать государственный переворотъ, сажать Дуку на престолъ и надѣвать на него императорскую обувь, приглашать сановниковъ и устраивать торжественное провозглашеніе Дуки императоромъ въ такое время, когда самъ Комненъ еще колебался и готовъ былъ взять назадъ свое отреченіе,— все это, повторяемъ, невозможно бы было предположить, если бы за Пселломъ не скрывался патріархъ Константинъ Лихудъ.

Съ Константиномъ Дукой взошелъ на престолъ человѣкъ, котораго давно уже желалъ видѣть на немъ покойный патріархъ Михаилъ Керуларій, и который не могъ быть непріятенъ преемнику его Константину Лихуду. Константинъ Дука отказался отъ смѣлой финансовой политики Исаака; при всей его бережливости, скупости и заботливости о казенныхъ интересахъ, онъ былъ, по выраженію Атталіота, монахолюбецъ (φιλομόναχος) [1]). Та же самая репутація осталась у церковныхъ писателей за его сыномъ Михаиломъ Дукой (Парапинексомъ), не смотря на то, что министръ Михаила Дуки Никифорица, безсовѣстный грабитель и лихоимецъ, не щадилъ, повидимому, и монастырей; очевидно, беззаконныя дѣйствія министра объяснялись, по выраженію покойнаго академика Васильевскаго [2]), жадностію и злонравіемъ всемогущаго временщика, а не правительственною системой Дукъ. Не лишенъ историческаго интереса конецъ Михаила Дуки: свергнутый съ престола, онъ вступилъ въ духовное званіе и дослужился до сана митрополита. Въ особенности два документа изъ царствованія Константина Дуки даютъ намъ возможность уловить духъ церковно-государственныхъ отношеній за это время. Первый документъ есть хризовулъ Константина Дуки, вызванный вопросомъ о томъ, могутъ ли митрополиты, почтенные отъ царя титулами синкелловъ и протосинкелловъ, занимать мѣсто выше всѣхъ остальныхъ митрополитовъ, въ силу этихъ именно, дарованныхъ царемъ титуловъ (вопросъ о мѣстахъ вообще довольно часто возникалъ въ средѣ византійской

---

[1]) Attal. стр. 76.

[2]) Ж. М. Н Просв. ч. 202, апр. 415.

іерархіи). По указанному поводу, императоръ высказалъ принципіальное положеніе, не совсѣмъ обыкновенное для византійскаго базилевса. «Какую имѣетъ власть царь или даруемое имъ званіе политическаго характера переиначивать «троны» (т. е. архіерейскія каѳедры), которые установилъ Богъ чрезъ святыхъ и всехвальныхъ апостоловъ и богоносныхъ отцовъ? Ибо если царь стоитъ со страхомъ и трепетомъ (вѣдь и царь человѣкъ) въ то время, когда іерей сидитъ, то какимъ образомъ стоящій сидящему можетъ даровать высшій тронъ? — и это можно сказать не только о митрополитахъ и архіепископахъ, но и о бѣдномъ священникѣ, запрягающемъ воловъ и пасущемъ стадо. Наконецъ въ церкви, гдѣ есть святѣйшій и вселенскій патріархъ, на соборахъ, на засѣданіяхъ, въ судахъ, на каѳедрахъ и проч. каждый будетъ имѣть тотъ тронъ, который дала ему Святая Премудрость, которая есть Слово Бога и Господа. И кому Она дала тронъ, у того кто можетъ отнять или кто можетъ лишить его? А во дворцѣ (т. е. въ порядкѣ свѣтскаго управленія) каждый будетъ имѣть честь, опредѣленную ему въ синклитѣ (т. е. на основаніи царямъ пожалованныхъ титуловъ) [1]).—Другой документъ, въ которомъ также ярко выступаетъ высокая оцѣнка священства сравнительно съ царствомъ и съ свѣтскимъ порядкомъ, есть синодальное опредѣленіе патріарха Константина Лихуда. Дѣло идетъ о священникѣ,

---

[1]) „Καὶ τί ἐξουσίαν ἐχει ὁ βασιλεὺς, ἢ τὸ συγγλητικὸν ἀξίωμα ἀμείβειν θρόνους. οὓς ὁ Θεὸς διὰ τῶν ἁγίων καὶ πανευφήμων ἀποστόλων καὶ τῶν θεοφόρων πατέρων ἔταξε: Τοῦ γὰρ βασιλέως ἱσταμένου μετὰ φόβου καὶ τρόμου, ἐάν ἔστιν ἄνθρωπος ὁ βασιλεὺς, καθεζομένου τοῦ ἱερέως, πῶς δύναται ὁ ἱστάμενος χαρίσασθαι τῷ καθεζομένῳ ὑψιλότερον θρόνον, καὶ ὁπότε οὐχὶ μόνον ἐπὶ τῶν μητροπολιτῶν, καὶ ἀρχιεπισκόπων τοῦτο γίνεται, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ ἱερέως πτωχοῦ ζευγηλατοῦντος ἢ καὶ ποιμένοντος.... Λοιπὸν ἐν μέν τῇ ἐκκλησίᾳ, ἔνθα καὶ ὁ ἁγιώτατος καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης τυγχάνει, ἔν τε συνόδοις, καὶ στασεσι, καὶ δικαστηρίοις, ἔν τε καθέδραις, καὶ τοῖς λοιποῖς ἔξει τὸν θρόνον ἕκαστος ὅν δέδωκεν αυτῷ ἡ ἁγία Σοφία, ἥτις ἐστὶν ὁ Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Κυρίου. Καὶ ὑπερ δέδωκεν ἐκεῖνος θρόνον, τίς ἀφαιρήσεται ἐξ αὐτοῦ καὶ ἀποστερήσεται: Ἐν δὲ τῷ παλατίῳ ἔξει τὴν τιμὴν ἕκαστος τὴν ἐν τῇ συγκλήτῳ τυπωθεῖσαν αὐτῷ“. Ралли и Потли, Синт. V, 275. *Zachariae von Lingenthal.* Jus graeco-romanum, P. III, pag. 323—324.

который подстрекнулъ своихъ сыновей присоединиться къ остальнымъ членамъ сельской общины и такимъ образомъ содѣйствовалъ совершенію убійства нѣкоего Халкеопула Катакалона, постольку слѣдовательно и самъ сдѣлался виновнымъ въ убійствѣ. Въ синодальномъ опредѣленіи, состоявшемся по этому поводу, любопытны и аргументація, и обоснованный на ней выводъ. О благоговѣніи къ храмамъ предшествующихъ законодателей, говорится въ опредѣленіи, мы знаемъ какъ изъ многаго другого, такъ въ особенности изъ благочестія, обращеннаго на человѣколюбіе. Ибо они людямъ, потерявшимъ всякую надежду на жизнь вслѣдствіе тяжести учиненныхъ ими преступленій, открыли ограду божественной и великой церкви, такъ что если кому либо изъ нихъ удастся ея достигнуть, законодатели освобождаютъ ихъ отъ всякой отвѣтственности и наказанія, разсуждая, что самое достиженіе ими храма было не безъ Божіяго промышленія и спасенія. *А такъ какъ духовныя лица суть нѣкоторымъ образомъ храмъ Бога*, бывъ посвящены ему, то, если кто либо изъ нихъ впадетъ въ мерзость убійства, по низведеніи ихъ съ степени священства, они проводятъ жизнь, насколько еще имъ суждено жить, извергнутые въ толпу мірянъ. Таковое изверженіе должно быть для нихъ достаточнымъ искупленіемъ совершеннаго ими убійства [1]).— Это любопытное сравненіе священника, какъ въ нѣкоторомъ родѣ храма, съ храмомъ въ собственномъ смыслѣ и распространеніе санкціонированнаго законодателями права церковнаго убѣжища въ отношеніи къ прибѣжавшимъ въ церковную ограду преступ-

---

[1]) „Τὴν ἄνωθεν τῶν νομοθετῶν περὶ τὰ τέμενη εὐλάβειαν, ἔξεστι μὲν καὶ διὰ πολλῶν ἑτέρων, πολλῷ δὲ μᾶλλον, ὅις τῷ τὴν πρὸς τὸν φιλάνθρωπον εὐσέβειαν ἐπιδείκνυνται· τοῖς γὰρ ἀφῃρημένοις πᾶσαν ἐλπίδα ζωῆς μεγέθει τῶν πλημμεληθέντων αὐτοῖς, τοὺς τῆς θείας καὶ μεγάλης ἐκκλησίας ἤνοιξαν περιβόλους· ὧν εἰ φθάσαιεν ἐντὸς γενέσθαι τινὲς, πάσης ἀφιᾶσιν αὐτοὺς ἐνοχῆς καὶ κακώσεως, τὴν εἰς τό ἱερὸν αὐτῶν ἄφιξιν οὐκ ἄνευ θείας προνοίας καὶ σωτηρίας κρίναντες γίνεσθαι. Οὕτω δὴ οὖν, καὶ εἴ τινες τῶν ἱερωμένων εἰς τὸ τῆς ἀνδροφονίας ἐκκυλισθεῖεν μύσος, ἐπεὶ ναὸς Θεοῦ εἰσι τρόπον τινὰ, καθιερωθέντες αὐτῷ, τοῦ τῆς ἱερωσύνης βαθμοῦ καταγόμενοι διατελοῦσιν εἰς τὸ τῶν λαϊκῶν ἐξεταζόμενοι πλῆθος, μεχρις ἂν ἡ παροῦσα τούτοις ἐπιμετρήται ζωὴ, ἀρκοῦν ἐξίλασμα τοῦ φόνου τὴν τοιαύτην ἔκπτωσιν ἔχοντες“. Синт. V, 49.

никамъ на священниковъ, какъ представлявшихъ собою храмъ же, посвященный Богу, съ тѣмъ окончательнымъ отсюда выводомъ, что преступный священникъ, подобно воспользовавшемуся церковнымъ убѣжищемъ обыкновенному преступнику, становится неприкосновеннымъ для всякаго свѣтскаго суда и наказанія, искупая свое преступленіе единственно извержеміемъ изъ духовнаго чина, столь же ясно свидѣтельствуетъ о высокомъ полетѣ идеи священства при патріархѣ Константинѣ Лихудѣ, какъ и вышеприведенный хризовулъ Константина Дуки.

Лихудъ занималъ патріаршую каѳедру въ теченіе пяти лѣтъ. Преемникомъ его былъ Іоаннъ Ксифилинъ, котораго мы также имѣемъ основаніе отнести къ тѣмъ «другимъ», которые слѣдовали примѣру Керуларія и продолжали его политику. Ксифилинъ еще въ царствованіе Мономаха состоялъ въ партіи Керуларія и Лихуда, занимая должность номофилакса, т. е. учителя юридической школы, основанной при Мономахѣ, а также начальника приказа гражданскихъ дѣлъ. Когда Лихудъ былъ удаленъ отъ дѣлъ, вскорѣ за его паденіемъ послѣдовало и паденіе Ксифилина [1]). Возведеніе послѣдняго въ патріархи, по смерти Лихуда, можетъ свидѣтельствовать лишь о вѣрности правительства Дуки керуларіевскимъ традиціямъ [2]). О томъ же, по крайней мѣрѣ косвеннымъ образомъ, свидѣтельствуетъ дошедшая до насъ копія съ рѣшенія этого патріарха во вопросу, возбужденному однимъ митрополитомъ о бракѣ въ 7-й степени свойства. Одинъ изъ братьевъ желалъ вступить въ бракъ съ двоюродною племянницей жены другого своего брата. Дѣло было на разсмотрѣніи константинопольскаго хартофилакса, который рѣшилъ, что бракъ невозможенъ. Недовольные обратились къ императору, но императоръ (Михаилъ Парапинаксъ, сынъ Константина Дуки), воздержался отъ перерѣшенія дѣла и выразился въ своемъ рескриптѣ: «опредѣленное достопочтеннѣйшимъ хартофилаксомъ, тѣмъ болѣе по вопросу о препятствіи къ браку, остается такъ, какъ оно опредѣлено. [3]).

---

[1]) См. *Безобразовъ*, Мих. Пселлъ, стр. 19, 42—44.

[2]) Пселлъ пережилъ всѣхъ троихъ и всѣмъ троимъ сочинилъ посмертные панегирики, изданные Саѳою въ IV т. его „Средневѣковой библіотеки".

[3]) Синтагма, Ралли и Пацли, V, стр. 55. Цахаріе (Ius graeco-romanum,

Можно сказать навѣрное, что Левъ Мудрый, Константинъ Порфирородный, Василій II, не говоря о Никифорѣ Фокѣ, не ограничились бы такимъ лаконическимъ подтвержденіемъ суда патріаршаго хартофилакса. Любопытна еще новелла Никифора Ботаніата, занимавшаго императорскій престолъ въ промежутокъ времени между сыномъ Константина Дуки, Михаиломъ Парапинаксомъ, и Алексѣемъ I Комненомъ, племянникомъ Исаака, съ 1081 года утвердившимъ уже болѣе, чѣмъ на цѣлое столѣтіе, династію Комненовъ на византійскомъ престолѣ и продолжавшимъ традиціи не Керулярія и Дукъ, а Исаака. Въ новеллѣ Никифора Ботаніата подверждаются синодальныя опредѣленія, состоявшіяся при патріархѣ Іоаннѣ Ксифилинѣ [1]). Ботаніатъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что не повинующіеся божественнымъ и синодальнымъ законамъ суть противники Богу, отступники отъ Него, ибо синодальные законы, даже и противъ воли, ведутъ людей къ лучшему. Къ синодальнымъ опредѣленіямъ императоръ *присоединяетъ и свое подтвердительное опредѣленіе, какъ содѣйствующій и участвующій* въ томъ, что прекрасно постановлено епископами и патріархомъ [2]), а за нарушеніе опредѣленія грозитъ анаѳемой и исключеніемъ изъ великой церкви. Слѣдовательно императоръ представляетъ себя какъ бы членомъ синода и скорѣе изъ этого сочленства выводитъ свое право имѣть голосъ по данному вопросу, чѣмъ изъ своей верховной императорской власти.

Не лишено также историческаго интереса свѣдѣніе, сообщаемое намъ Вальсамономъ въ адресованномъ имъ на имя начальника судовъ (ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων) посланіи, въ которомъ трактуется объ

P. III, pag. 331) ошибочно далъ заголовокъ этому рескрипту. de nuptiis ob affinitatem *quinti* gradus prohibendis".

[1]) Синтагма V, 277—279; *Zachariae*, Ius gr. rom. III p. 338—340.

[2]) „Εἰ γοῦν ἅπαντας ὁ θεῖος νόμος καὶ συνοδικὸς καταναγκάζει καὶ μὴ βουλομένους μεταφέρεσθαι πρὸς τὰ κρείττονα, ὡς ἂν μὴ τῆς συνόδου τῆς θείας ψήφου ἐξοστρακίζοιντο, πολλῷ γε μᾶλλον ἄξιόν ἐστι μετα τῆς ψηφοφορίας τῆς συνοδικῆς καὶ ἀρχιερατικῆς καὶ τὸν κρατοῦντα ἐπιψηφίζεσθαι, καὶ ὥσπερ δὴ συμπράττειν καὶ συνεδριάζειν τοῖς καλῶς παρὰ τῶν ἱερωτάτων καὶ θειοτάτων ἀρχιερέων καί αὐτοῦ τοῦ πανιέρου πατριάρχου ψηφισθεῖσι τε καὶ οἰκονομηθεῖσι καλῶς".

ежегодной раздачѣ патріархомъ θпміама въ день оглашенія [1]). Изъ словъ Вальсамона оказывается, что въ его время существовалъ обычай, по которому патріархи въ тѣ дни, когда бываютъ оглашенія (κατήχησις), раздавали θпміамъ (θυμιάματα). Но этотъ обычай, по словамъ Вальсамона, не древняго происхожденія; раньше существовалъ другой обычай и не въ какія нибудь миѳологическія времена до Евклида, или въ росказняхъ баснословящихъ старухъ. О немъ знали (во второй половинѣ XII в.), еще нѣкоторые, въ живыхъ находившіеся, сенаторы; онъ практиковался еще *въ царствованіе Константина Дуки* и состоялъ въ томъ, что какъ *въ домѣ Божіемъ* (т. е. въ Софійской церкви), такъ *и въ императорскомъ дворцѣ, верховная власть божественныхъ самодержцевъ и величіе патріарховъ* выражались между прочимъ *въ ежегодной раздачѣ ругъ и ваій* (т. е. золотыхъ монетъ и пальмовыхъ вѣтвей). Наличные патріархи и цари, по словамъ Вальсамона, ежегодно садились и этою раздачей располагали подданныхъ къ привязанности.—Когда возникъ этотъ обычай, въ которомъ находилъ наглядное выраженіе параллелизмъ двухъ властей, мы не знаемъ. Можетъ быть, древность его не восходитъ далѣе царствованія Константина Мономаха, имя котораго упоминается Вальсамономъ въ видѣ аргумента, разсчитаннаго на то, чтобы адресатъ, *начальникъ судовъ*, не имѣлъ никакихъ сомнѣній относительно разсматриваемаго обычая. Канонистъ указываетъ именно на два закона Константина Мономаха, опредѣлившіе должностное положеніе начальника судовъ и номофилакса и вмѣнившіе въ обязанность этимъ должностнымъ лицамъ, между прочимъ, ежегодно представлять извѣстное количество золота для ругъ и обычныя ваіи. Если это такъ, то традиція изъ времени Керуларія поддерживалась въ царствованіе Константина Дуки при обоихъ патріархахъ Лихудѣ и Ксифилинѣ.

Отъ какого времени ведетъ свое начало выше упоминавшійся [2]) обычай, по которому хартофилаксъ константинопольскаго патріарха носилъ «золотую тіару» и въ процессіяхъ ѣхалъ верхомъ съ царственностью пышностью, точныхъ историческихъ извѣстій нѣтъ. Но судя по тому, что обычай этотъ представлялъ собою

---

[1]) Синтагма Ралли и Патли, IV, 523.

[2]) См. выше стр. 129.

выводъ изъ дарственной грамоты Константина Великаго, можно не рискуя впасть въ ошибку, относить его возникновеніе ко времени Керуларія же, а упраздненіе его даже къ болѣе позднему времени, чѣмъ упраздненіе обычая раздачи золотыхъ и пальмовыхъ вѣтвей, какъ объ этомъ можно заключать изъ словъ того же Вальсамона. Въ его «разсужденіи о двухъ должностяхъ хартофилакса и протекдика» сообщается, что и въ его еще время «златотканная тіара», находилась въ хранилищѣ (χιβώτιον) хартофилакса, хотя, по выраженію проф. Павлова, она хранилась уже тутъ въ то время, какъ «антикъ», безвозвратно изъятый изъ употребленія [1]). Самъ Вальсамонъ видимо скорбитъ о томъ, что ему не приходится, въ званіи хартофилакса, украшать свою голову златотканной тіарой и выѣзжать съ царственной помпой. Онъ заклинаетъ адресата, къ которому писано его разсужденіе, самою истиною, братскою любовью и религіознымъ чувствомъ къ Богу согласиться съ тѣмъ, что ничего не можетъ быть величественнѣе зрѣлища, когда хартофилаксъ ѣдетъ чрезъ площадь на лошакѣ, съ златотканною тіарой на головѣ, украшенный бѣлымъ полотенцемъ, по обычаю патріаршему, и въ сопровожденіи стражи [2]).

Вальсамонъ жилъ при Комненахъ, и какая въ его время наступила перемѣна въ принципіальной оцѣнкѣ отношеній между священствомъ и царствомъ, не только сравнительно съ міровоззрѣніемъ Керуларія, но и съ эпанагогой, видно изъ «разсужденія» самого же Вальсамона о патріаршихъ привилегіяхъ. Въ этомъ разсужденіи есть такое мѣсто: «*попеченіе императоровъ* простирается *на просвѣщеніе и укрѣпленіе души и тѣла*, высокая же должность *патріарховъ* ограничивается *только одною душевною пользой*, ибо они очень мало заботятся о тѣлесномъ удобствѣ» [3]). Отсюда, по словамъ Вальсамона, объясняется тотъ фактъ,

---

[1]) *Павловъ*, Подложная дарств. грамота Константина В. въ Сборн. неизд. памятниковъ виз. ц. пр. стр. 68 въ примѣч.

[2]) Синтагма, IV, 540.

[3]) Синт. IV, 545: „τῶν μὲν αὐτοκρατόρων ἡ ἀρωγὴ πρὸς φωτισμὸν καὶ σύστασιν ἐπεκτείνεται ψυχῆς τε καὶ σώματος, τὸ δὲ μεγαλεῖον τῶν πατριαρχῶν εἰς μόνην ψυχὴν ἐστενοχώρηται λυσιτέλειαν (ὀλίγη γὰρ τούτοις ἐστὶ φροντὶς εὐπαθείας σωματικῆς)“.

чго императору предносится свѣтильникъ, украшенный двойнымъ золотымъ вѣнчикомъ, а свѣтильники императрицы и патріарха украшаются лишь зубцами въ одинъ рядъ.

Такимъ образомъ можно сказать, что т. н. византинизмъ не былъ неподвижною величиною не только со времени Константина В. и Ѳеодосія В., но и со времени Юстиніана, а подвергался вліяніямъ времени и проходилъ или испытывалъ разныя стадіи и формаціи. Въ особенности періодъ времени отъ второй половины IX в. до Комненовъ, съ высшею точкою развитія при Керуларіѣ, представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ стадій и формацій.

Въ настоящее время для насъ было бы дѣломъ довольно безплоднымъ задаваться вопросами о томъ, произошелъ ли бы разрывъ между восточною и западною церковью безъ Керуларія, какъ опредѣлились бы отношенія между востокомъ и западомъ, если бы разрыва при Керуларіѣ не было, и выступила ли бы римская церковь уже тогда съ тою тенденціей романизированія, которая стала отличать ее послѣ разрыва? Задавая себѣ подобные вопросы, мы могли бы съ равнымъ основаніемъ пойти дальше въ глубь исторіи и спрашивать себя: что было бы, если бы востокъ не открылъ наступленія противъ запада въ лицѣ трулльскаго собора и патріарха Фотія, если бы иконоборцы не заставили папу броситься въ объятія франковъ, если бы не была возстановлена римская имперія на западѣ и т. д.? Достаточно того, что всемирная исторія шла такъ, а не иначе. Это, конечно, не избавляетъ изучающаго исторію отъ обязанности устанавливать внутреннюю связь между явленіями и оцѣнивать дѣятельность тѣхъ лицъ, которыя выступали на аренѣ исторіи, какъ главные виновники событій. При этой оцѣнкѣ личной дѣятельности, нужно принимать въ соображеніе не только обозначившіяся въ послѣдующемъ ходѣ исторіи важныя послѣдствія, но и личные мотивы, которые въ данный моментъ служили опредѣляющими для дѣйствующихъ лицъ. Греческій историкъ Димитракопуло поставляетъ огромную историческую заслугу патріарха Михаила Керуларія въ томъ, что, благодаря проведенному имъ раздѣленію церквей, спасена была греческая народность. Весьма возможно, что съ

русской точки зрѣнія нашлись бы и болѣе важныя послѣдствія раздѣленія церквей, чѣмъ сохраненіе греческой народности. Но Лорашъ довольно давно уже сказалъ, что въ исторіи человѣкъ хочетъ не того, чего желаетъ Богъ, и Богъ желаетъ не того, чего хочетъ человѣкъ. Человѣкъ могъ руководиться мотивами своего личнаго честолюбія и дѣйствовать не безупречными средствами, а Богъ обращаетъ сдѣланное человѣкомъ къ инымъ послѣдствіямъ, о которыхъ человѣкъ не думалъ въ то время, когда дѣйствовалъ. И если эти послѣдствія оказались не безполезными для человѣчества, то вѣдь и всякій вообще урокъ, хотя бы и самый прискорбный, обращается Промысломъ Божіимъ на пользу же человѣчеству, и о личныхъ заслугахъ дѣятелей, по винѣ которыхъ совершились прискорбныя событія, говорить весьма затруднительно....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе..... 1

Глава I. Обстоятельства, предшествовавшія раздѣленію церквей при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ..... 7

Глава II. Разрывъ востока съ западомъ при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ..... 29

Глава III. Отношеніе патріарха Михаила Керуларія къ императорской власти послѣ разрыва съ Римомъ..... 79

ПОПРАВКИ.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
8	2 снизу въ текстѣ	не вѣдая	не вѣдая,
12	прим. 1	Ἐγκωμ	Ἐγκωμ.
23	4 сверху	По словъмъ	По словамъ
38	10 сверху	ікнязя	князя
—	20 сверху	удеямъ	іудеямъ
49	6 сверху въ прим.	μετριὸττης	μετριότης
78 и 79	послѣдняя снизу и первая сверху	начавшій. постѣ длиннаго перерыва. рядъ православныхъ патріарховъ	почти что начавшій только, послѣ длиннаго перерыва, и то опять не надолго, рядъ дѣйствительныхъ, а не титулярныхъ, православныхъ патріарховъ
101	5 сверху	употребитъ. хитрость.	употребилъ хитрость.
117	3 снизу въ прим.	ἀμαυροτερον	ἀμαυρότερον
—	2 снизу въ прим.	τῆς	τῆς
118	въ прим.	παρὰ	παρὰ
126	6 сверху	сигклитта	сигклита
139	4 сверху	ἀνάγκη	ἀνάγκης
148	1 сверху	неизвѣстно;	съ точностію неизвѣстно;
149	9 снизу	уже	тутъ уже
151	19 сверху	Парапинексомъ	Парапинаксомъ
155	1 въ примѣч. 2-мъ	συνοδικὸς	συνοδικὸς